

201-13
2303

Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ

М $\frac{56}{204}$

ТОМЪ X

КОМЕДИИ О ЛЮБВИ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

*Въ твои руки этот
снопъ съ нашей пахити*

2011123820

Типографія Т-ва „Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“
Можовая, у Троицкихъ воротъ, д. кн. Гагарина.

1918 г.

ОПЕЧАТКИ

Нужно читать:

Стр. 126	строка 2, снизу	„Какъ-же такъ это, а?
Стр. 135	строка 1, сверху	<i>она очевидно пьяна, но слова произноситъ четко</i>
Стр. 143	строка 5, сверху	„...Не отъ него, отъ васъ“.
Стр. 143	строка 10, сверху	...Совершенно не понимаю.

КАСАТКА

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ

1916 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анатолий Петрович, князь, Бѣльскій.
Варвара Ивановна Долгова—его тетка.
Илья Ильич Быков—ея воспитанникъ.
Раиса Глѣбовна—невѣста Быкова.
Марья Семеновна Косарева—„Касатка“.
Абрамъ Алексѣевичъ Желтухинъ.
Анна Аполосовна—двоюродная тетка князя.
Вѣра—ея дочь.
Стивинскій.
Урановъ,
Дуняша—горничная.
Панкратъ—матрость.
Первое дѣйствіе въ Петроградѣ. Остальныя въ имѣніи Долговой и на Волгѣ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Комната гостиницы. У карточного стола сидитъ князь. Урановъ и Стивинскій стоятъ на угодѣ. Напротивъ на диванѣ сидитъ Маша, и, подперевъ подбородокъ, смотритъ на игроковъ. Въ комнатѣ накурено, беспорядокъ, выпитыя бутылки, остатки ѣды

Князь. Господа, прошу васъ, послѣдній банкъ.

Урановъ. Говорю вамъ, хочу спать. Надоѣлъ.

Стивинскій. Дѣйствительно—шестой часъ. Хорошо я буду завтра. Нѣтъ, какъ я буду завтра пѣть?

Князь. Дѣтское время. Я прикажу подать еще бутылку шампанскаго. Въ концѣ концовъ—ужасно глупо—я совершенно проигрался. Для моего спокойствія, хотя бы, сядьте и я промечу послѣдній банкъ.

Урановъ. На орѣхи что ли будемъ играть? Эхъ, князь, ложитесь-ка спать лучше.

Стивинскій. У меня трещитъ лобъ, трещитъ затылокъ, голова, какъ пепельница съ окурками. А голосъ—вы послушайте... (*Беретъ ноту.*) Это соль? Пѣтушиный вопль! Я погибъ.

Князь. Прекрасный голосъ. Дивное соль. Запишемъ на мѣлокъ, я отдамъ. (*Благородно.*) Честное слово. Я васъ прошу, наконецъ. Маша, скажи имъ, чтобы они это... ну какъ... Я не могу заснуть, если не промечу.

Маша. И не спи, никто не заплачетъ.

Урановъ. Денежки, денежки надо показать, тогда о чемъ угодно просить можно. Такъ ужъ на свѣтъ устроено.

Князь. Ужасно неприятно.

Урановъ. Эхъ, князекъ! Сегодня я у васъ выигралъ, а вчера меня на биржѣ быки взяли за зебры. Едва живъ ушелъ. Всѣ мы, какъ говорится, сегодня князь, а завтра мразь.

Стивинскій. Ну, я пошелъ (*Маша*). Касатка, красота моя, прощайте, богиня. Хотѣлъ бы я какъ-нибудь прійти, помузицировать, вспомнить старыя времена.

Маша. Подождите (*идетъ къ столу*) Алексѣй Ивановичъ, ну? (*Урановъ подходитъ. Она сжимаетъ съ пальца кольцо.*) Сколько стоить?

Урановъ. Вещица.

Стивинскій. Шикарная штучка. Какая вода!

Маша. Сколько дашь, я спрашиваю?

Князь. Моя милая, это послѣдній ресурсъ.

Урановъ. Тысячу рублей дамъ, ей Богу, только что это вы.

Маша. Тысячу, за это кольцо? Все равно, садись, мечи.

Урановъ. Идетъ. (*Садится, беретъ карты. Всѣ стоятъ около.*)

Маша. Король трефъ.

Урановъ. Идетъ.

Князь. Подумать, что какой-то король трефъ сейчасъ споряжается нашей судьбой.

Стивинскій. Вы любитель сильныхъ ощущеній, князь?

Князь. О нѣтъ, я склоненъ къ меланхолической и чистой жизни. Но, къ сожалѣнію, мнѣ ничего больше не остается какъ испытывать сильныя ощущенія.

Маша (*Уранову*). Сдавайте расторопнѣ.

Урановъ. Сдаю, какъ умѣю.

Стивинскій. У него слишкомъ толстые пальцы.

Князь. Такое чувство, что эти пальцы шевелятся у меня въ мозгу.

Стивинскій. Остались четыре карты.

Князь. Вотъ случай.

Урановъ. Въ банкѣ тысяча.

Маша. Да, ва банкъ.

Урановъ. Король бить.

Маша. Бить (*князю*). Король бить. (*Уранову*.) Иду на все.

Десятка пикъ.

Князь. Маша!

Урановъ. Идетъ. Въ банкѣ двѣ тысячи.

Стивинскій. (*Уранову*). Ты, братъ, паукъ, биржевикъ.

А жаль кольца.

Урановъ. Бита.

Маша. Бита.

Стивинскій. Бита?

Князь. Не везетъ.

Маша. Въ банкѣ четыре тысячи... На все, хотите?

Урановъ. Ой ли?

Князь (*Маша*). Ты сошла съ ума.

Маша. Пусты ты меня. (*Уранову*.) Мечи.

Князь. Моя милая, въ концѣ концовъ мнѣ придется платить своей шкурой.

Маша. Много дадутъ за твою шкуру. Своей расплачусь.

Урановъ. Идетъ, идетъ. Шкурка дорогая.

Князь. Чортъ знаетъ какая нелѣпость.

Маша. Девятка червей.

Стивинскій. Рѣзня.

Князь (*Стивинскому*). Въ такія минуты я чувствую себя ужасно одинокимъ. Никогда не нужно отыгрываться. Это законъ. Мы попали въ роковую полосу. Два раза я выплывалъ, но на этотъ разъ...

Урановъ. Бита. (*Встаетъ.*) Игра кончена. (*Нидьмаетъ на палецъ кольцо.*) За вами семь тыщенокъ. Когда прикажете получить?

Маша. Я не знаю... На - дняхъ... Когда - нибудь... Я отдамъ...

Стивинскій. Расскажи—никто не повѣритъ.

Урановъ. А изъ чего платить будете? Милая дамочка, жалко, жалко мнѣ васъ. Марья Семеновна, на два слова.

Маша. Да... вы о чемъ?

Урановъ. Пожалуйте въ коридоръ, или лучше всего ко мнѣ въ комнату. Сейчасъ и порѣшимъ, чтобы потомъ не было оглядки.

Маша *(слабо)*. Я не хочу.

Стивинскій *(у стола провѣряетъ карты)*. Все вѣрно. Удивительный случай.

Маша *(Уранову)*. Не могу. *(Со слезами)*. Отстань... *(Князю)*. Что же ты молчишь...

Князь *(Уранову)*. Вы, кажется, намѣрены простить мнѣ долгъ? Ни за что. Карточный долгъ—дѣло чести. Я не плачу моему портному потому, что такого рода долги наказуемы государствомъ. Въ душѣ я анархистъ, какъ это ни странно. Когда я ѣду занимать деньги въ банкѣ, то даю себѣ честное слово не платить. Этимъ я протестую. Но долги за зеленымъ столомъ не подлежатъ охранѣ закона, поэтому я ихъ плачу. Этимъ я тоже протестую.

Урановъ. Когда прикажете получить?

Князь. На-дняхъ.

Урановъ *(вынимаетъ вексель)*. Векселекъ не трудно будетъ подписать?

Князь. О, сколько угодно. *(Садится, подписываетъ.)*

Стивинскій *(Машѣ)*. Что онъ вамъ предлагалъ?

Маша. Ну, ясно что...

Стивинскій. Мужикъ.

Маша. Прощайте.

Урановъ. Вотъ такъ-то будетъ вѣрнѣе. Я подожду. Ну, князь, не сердитесь, играли по чести. Прощайте. Марья Семеновна, ручку.

Князь. Убирайтесь вонъ.

Урановъ. Благодарю за угощеніе. *(Ушелъ.)*

Стивинскій. Ну, князь, лапу.

Князь. Что я хотѣлъ сказать, Стивинскій... Да, кстати... У васъ не найдется до четверга?

Стивинскій. Нищъ.

Князь. Впрочемъ, я такъ...

(Провожаетъ Стивинскаго до дверей. Возвращается. Приподнимаетъ штору и замираетъ у окна. Разсвѣтъ.)

Князь. Игра кончена...

Маша. Одинъ ты во всемъ виноватъ. Ахъ, дура я дура. Годъ цѣлый таскаюсь за нимъ, какъ мѣщанка. Какія предложенія отклоняю. Отказываюсь отъ какихъ денегъ. До чего ты мнѣ противень.

Князь. На улицѣ совсѣмъ свѣтло и много народу. Идутъ по дѣлу. Озабоченные. У всѣхъ есть хоть сколько-нибудь денегъ. Есть у каждаго домъ и семья.

Маша. Побить тебя хочется.

Князь. Этого ты сдѣлать не посмѣешь.

Маша. Какъ еще посмѣю.

Князь. Въ рѣдкихъ случаяхъ я еще могу примѣнить къ тебѣ физическую силу. Но я для тебя неприкосновененъ, абсолютно.

Маша. Скука.

Князь. Впереди цѣлый пустой день. Моя кровь насыщена табакомъ и винными парами. Плохо, когда нельзя заснуть.

Маша. Вечеромъ отравлюсь.

(Входитъ Абрамъ Желтухинъ, сильно заспанный, въ помятой одеждѣ.)

Желтухинъ. Французскій.

Маша. Что?

Желтухинъ. Французскій.

Князь *(не оборачиваясь отъ окна)*. Что ты говоришь, Абрамъ?

Желтухинъ. Французскій жанръ. Говорю въ комнатѣ французскій жанръ. Хорошо. Я всхрапнулъ часика четыре. Пить, а? Промочить есть чѣмъ, Касатка.

Князь. Вонъ каменщики мостятъ улицу. Идетъ чухонка, несетъ молоко.

Желтухинъ (*Маша*). Что съ нимъ?

Маша. Проигрались.

Желтухинъ. Какъ, до гла? (*Маша киваетъ*.) Я въ коридоръ на Уранова наскочилъ, онъ тоже говорить—фюю!

Князь. На этотъ разъ мы погибли.

Маша (*нѣсколько повышечно*). Роковой конецъ! (*Пауза*.)

Желтухинъ. Что же:—спать будемъ, или разговаривать?

Спать, по-моему, неудобно какъ-то сейчасъ. А?

Князь. Въ гостиницѣ долгъ очень великъ. По ресторонамъ тоже должны вездѣ, кромѣ третьяго разряда. Если переѣхать изъ этой гостиницы въ другую меня сейчасъ же арестуютъ.

Желтухинъ. Да, здѣсь хорошая гостиница, отличная гостиница. Персидскій бестъ. Всѣ жулики здѣсь живутъ, шулера, спекулянты.

Князь. Ты не забудь—на моихъ плечахъ женщина.

Желтухинъ. Что, Касатка, видно покровителя надо искать?

Маша. Не могу. Ненавижу мужчинъ. (*Показываетъ на торло*.) Вотъ у меня гдѣ клубокъ сидить.

Князь. Этотъ шагъ Марья Семеновна не повторить. Касатка стала порядочной женщиной. Я ее поднялъ. Если когда-нибудь мои дѣла поправятся, я на ней женюсь.

Желтухинъ. Женишься?! Ну, прямо золотыя слова.

(*Маша*.) Я тебѣ говорилъ, что онъ женится. И я свидѣтель.

Маша (*князю*). Что-то ужъ очень ты увѣренъ. Смотри, какъ бы я сама тебя на улицу не выбросила.

Желтухинъ. И не думай его бросать. Опять по рукамъ пойдешь.

Маша. Хуже не будетъ.

Желтухинъ. Не уходи.

Маша. Кабы не полюбила я этого... павлина.

Желтухинъ. Оба вы нервастервики.

Князь. Нужно говорить—неврастеники. Если бы только заснуть и проспять весь день. Абрамъ, ты инженеръ, придумай что-нибудь.

Желтухинъ. Во-первыхъ, я бывший инженеръ, въ настоящее время безъ практики. Но шулеромъ я не былъ никогда, нѣтъ. Хотя нѣсколько разъ били, но зря. Надо мной тяготѣетъ квипрокво.

Князь. Какую-нибудь службу взять, должность?

Желтухинъ. На всякой службѣ нужно работать, какъ воль. И куда бы ты ни поступилъ—все равно жалованье твое пойдеть судебному приставу.

Князь. Ты правъ. Биржевая игра?

Желтухинъ. Облапошать.

Князь. А какъ ты смотришь на такую идею—если отыграться въ карты?

Желтухинъ. Деньги нужны.

Князь. Занять.

Желтухинъ. Ну, займи...

Князь. Да, конецъ! Безвыходно.

Маша (*не громко*). Ненавижу васъ обоихъ. Пустомели.

Желтухинъ. Подожди, я все-таки подумаю. Во-первыхъ, нельзя представить, чтобы мы пропали. Мы, въ общемъ, превосходные люди, веселые, никого не обижаемъ. Почему же мы—пусть другіе пропадаютъ.

Князь. Клянусь тебѣ—я начну новую жизнь. Мнѣ тридцать два года. Изъ нихъ послѣднія двѣнадцать лѣтъ я дѣлалъ усилія создать новую, свѣтлую жизнь. Отъ этой мечты я не откажусь никогда. Подумай—моя карьера начиналась блестяще. Въ министерствѣ меня обожали. Одному швейцару я былъ долженъ восемьсотъ рублей. Но вотъ... Грустно вспомнить. Былъ одинъ день, когда все полетѣло внизъ. Это былъ мой первый крупный проигрышъ. Меня погубили рестораны, игорные дома и скачки. Но не женщины, нѣтъ. Въ моей жизни два начала: темное—это игра, и свѣтлое—женщины. Любовь всегда очищаетъ. Пока я способенъ волноваться я еще не погибъ. Женщины общества теперь мнѣ недоступны. Увы, я слишкомъ потрепанъ. Я порвалъ со свѣтомъ. Теперь мой идеаль—малютка, блондиночка, мѣшаночка, кроткое существо. Тюль на окнѣ, герань, птички.

Тамъ покой, тамъ блаженный сонъ, отдохновеніе отъ этихъ воробьиныхъ ночей!

Маша. Блондинка? Кто такая? *(Идетъ къ нему)*.

Желтухинъ. Маша, Касатка, брось, это онъ въ идеаль.

Маша *(князю)*. Нѣтъ, какъ ее зовутъ? Ты мнѣ въ глаза гляди, когда тебя спрашиваютъ. *(Садится около)*.

Князь. Какъ ты бездарна. Какая ты femme.

Маша. Фамъ. А пока у меня деньги были—тебѣ черные волосы нравились? Блондинка. Сегодня узнаю какая у тебя милочка. Я ему вѣрила. Весь годъ была вѣрна. Ущипнуть себя никому не позволила. Да ты помнишь—какимъ тебя въ игорномъ домѣ подобрала? Худой, небритый, гондлачикъ на немъ коротенькій. Стоить, дрожить. Мнѣ, поговорить, мадамъ, отчего-то все холодно. Влюбилась. Обстановку мою въ сорокъ тысячъ прожилъ. Драгоценности проигралъ, двѣ шубы продалъ, одну обезьянью мѣха, другую на горностаѣ, сверху жеребеночъ. Что же ты. Отвѣчай. Хиздрикъ!

Князь *(Желтухину)*. Ты не находишь, что идетъ сильнѣе дождь.

Желтухинъ. Н-да, сквозить.

Маша. Ненавижу. Я отъ тебя не отстану. Высохну, на зло чашотку получу. У меня и теперь кровь горломъ хлещетъ.

Желтухинъ. Перестань чепуху говорить. Гадко.

Князь. Маша, а когда мы сходились, помнишь, какія были слова.

Маша. Какія слова?

Князь. О чувствахъ, о возвышенномъ. чѣмъ сердце было полно. Помнишь нашъ первый романсъ? Маша, ты жестока. Касатка, ты слишкомъ рѣзко берешь. *(Схватываетъ гитару)*. Когда-нибудь поймешь—я хотѣлъ только любви, но я мало практичный человѣкъ.

Желтухинъ. Всегда до слезъ прошибетъ.

Маша. Ничему не вѣрю.

Князь. Нашъ романсъ. *(Затѣваетъ фальшивымъ голосомъ)*.

Маша. Перестань. Положи гитару. Мука моя. Не хочу, все равно не хочу я тебя.

Желтухинъ. Эхъ, не такъ поешь. *(Беретъ у князя гитару и поетъ тотъ же романсъ съ большимъ чувствомъ)*.

Маша. Господи... Господи...

Князь. Да. Въ жизни есть красота.

Желтухинъ. *(Откладываетъ гитару)*. А все таки положеніе, братцы мои, гадкое.

Князь. Мы можемъ пойти по дворамъ и пѣть.

Желтухинъ. Дѣйствительно. Съ полугаема билетика вытаскивать на счастье... Эхъ, Анатолій, голова у тебя финикомъ, никуда не годится. Нельзя ли намъ ухачъ. Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь завалюющей тетки?

Князь. Тетки? Да, у меня есть одна тетка. Она помѣщица.

Желтухинъ. Помѣщица? значить живетъ въ деревнѣ, на всемъ своемъ готовомъ? Анатолій, ѣдемъ къ теткѣ. Пусть она насъ покормитъ съ недѣлку, ну съ мѣсяцъ. Я сейчасъ въ такомъ положеніи: какъ проснусь, такъ и думаю—все равно пропалъ, и ужъ весь день никакой фантазіи. Мнѣ бы съ недѣлку пожить спокойно, я бы вывернулся. Ей Богу вывернусь и васъ вытащу.

Князь. Дай Богъ памяти, какъ ее зовутъ. Варвара Ивановна Долгова. Она всегда была большимъ чудачкомъ. Добра и гостеприимна. Представь—все время старается поддерживать со мной переписку. Гдѣ-то валялось ея письмо отъ третьяго дня. А я до сихъ поръ не распечаталъ. Рѣшилъ прочесть въ свѣтлую минуту, но замотался. *(Доставаетъ письмо)*. Абрамъ, это, прежде всего, святая женщина.

Желтухинъ. Ну, намъ къ ней ѣхать нечего.

Князь. Почему?

Желтухинъ. Какъ же я вдругъ пріѣду къ святому челоуку! Мнѣ будетъ все время совѣстно.

Князь. Ты можешь пріѣхать нѣсколько позже. Я теушку приготовлю. *(Идетъ къ окну, глядитъ на промозглую площадь. Со вздохомъ опускается на диванчикъ)*. Представь—жить въ старомъ, наполовину запущенномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ темно отъ кустовъ сирени и весь день кричатъ воробы.

Желтухинъ (*растроганно*). Птички... а!

Князь. Пахнетъ шалфеємъ, некрашенные полы, кіотъ, ходять босыя дѣвки. По праздникамъ прїѣзжаютъ сонные помѣщики со своими помѣщиками. Пьютъ чай въ саду, говорятъ о гусяхъ, о какой-то пшеницѣ, или вспоминаютъ прошлое, какъ дѣдушка женился на бабушкѣ и какіе были праздники и балы. При этомъ знаютъ рѣшительно про всѣхъ, кто кому родня. А во второмъ этажѣ навалена пшеница, тамъ бѣгаютъ только мыши, грызутъ штофные диваны и старую бібліотеку. Абрамъ, все это не такъ давно было моимъ роднымъ. Какъ далеко. какъ безнадежно все это далеко! Какіе тамъ пекутся сладкіе пирожки, какіе засолы, какіе закаты за рѣкой! Деревенскія пѣсни. Вечеромъ выйдешь въ рожь, пахнетъ медомъ, повиликой, булькаютъ перепела, и чувствуешь, что душа безъ грѣха. (*Маша заплакала*). Да. Тамъ не бываетъ головной боли и отвращенія ко всему. А? Ты о чемъ, Маша?

Желтухинъ. Знаешь, Анатолій, ты все-таки свинья.

Маша. Не поѣду съ тобой никуда.

Князь. Почему? Вотъ капризь.

Желтухинъ. Да, братъ, она права, отчасти.

Маша. Нѣтъ охоты мнѣ что-то со святыми женщинами разговаривать.

Желтухинъ. Брось, Маша. Хочешь, побожусь, что его тетка навѣрно сама съ прошлымъ.

Князь. Абрамъ, будь корректнѣе!

Маша. Дѣйствительно, его сятельство вдругъ привезетъ въ домъ такой сюжетъ. Какъ тетушка жива останется! Всѣ засолы у нея прокиснутъ. Изъ меня, дружокъ, никакимъ вѣтромъ грѣха не выдуешь.

Желтухинъ. Фу ты, какая дура! Ну не дура ли ты говорить пошлости!

Маша (*князю*). Предатель, предатель самый послѣдній.

Князь. Тиенс! Маша, я, кажется, ничего не сказалъ. Ну да, я вспомнилъ прошлое, на минуту забылся. Прости. Все же я никогда не переставалъ помнить, что изъ насъ троекъ

я... ну, какъ это сказать?.. самый миниатюрный въ нравственномъ отношеніи. Я скажу тетушкѣ, что ты моя жена. Надѣюсь, господа, мы не будемъ много рассказывать о своемъ прошломъ?

Желтухинъ. Сохрани Богъ. Ты меня не узнаешь. Только насчетъ ѣды, ты ужъ предупреди, что я сангвиникъ.

Князь (*уставившій за это время пробѣжать письмо*). Тетушка пишетъ, что у нихъ готовится радостное событіе—свадьба какой-то дѣвицы Раисы Глѣбовны съ Ильей Ильичемъ. Илья Ильичъ Быковъ—это ея воспитаникъ изъ крестьянъ, управляетъ имѣніемъ.

Желтухинъ. Вотъ—какъ разъ на свадьбу-то мы и прїѣдемъ. Очень кстати. Анатолій, садись, пиши теткѣ. (*Князь присаживается*). А ты, Машенька, съ нимъ все-таки помягче, надо принять во вниманіе его происхождение. Какъ ты его не мусоль, а все-таки—князь. Нѣтъ, нѣтъ и прорвется.

Князь. Я пишу: „Ma tante, мы съ женой и другомъ рѣшили на короткое время посѣтить вашу усадьбу“. Вотъ, дальше какъ?

Желтухинъ (*осматривая пустыя бутылки*). Ну, это со-всѣмъ не то. Подожди. (*Уходитъ во внутреннюю дверь*).

Князь. Мнѣ все послѣднее время жилось очень не легко. И, конечно, это не могло не отозваться на чувствѣ къ тебѣ, Маша. Мы передохнемъ, осмотримся, а тамъ можно начать новую жизнь. Почему я знаю, меня могутъ выбрать въ мировые судьи, наконецъ. Въ деревнѣ все случается. У тебя будетъ положеніе, а не какое-то безвоздушное пространство въ отелѣ.

Маша. Хорошо, ты меня просишь?

Князь. Да, прошу.

Маша. А зачѣмъ тебѣ, чтобы я поѣхала?

Князь. То-есть, какъ зачѣмъ? Я не знаю. Какой глупый вопросъ. Если я поѣду одинъ, то мы значитъ разстались. Это необыкновенно нелѣпо. Мы же любимъ другъ друга. Не смотри, пожалуйста, на меня такими глазами!

Маша. Я тебя не люблю.

Князь. Не правда. Не вѣрю. Ты говорила это мнѣ сто разъ. Зачѣмъ доводить отношения до такой остроты. И безъ того сердце готово остановиться. Маша, умоляю...

Маша (*серьезно*). Я поѣду съ тобой. Мнѣ дѣться сейчасъ некуда, самъ понимаешь. Но что изъ этого выйдетъ, я не знаю. Если ты меня предашь, помни, я ни тебя, ни твоей тетки не пожалѣю. Я вѣдь мягка, покуда люблю хоть немножко, а выкину изъ сердца—ни жалости, ни стыда у меня нѣтъ.

Князь. Ну да, ну да, ну да...

Желтухинъ (*входитъ съ бутылкой*). Сунулся въ пляпную картонку и, разумѣется, бутылка! (*откупориваетъ*). Садись и пиши. Поймешь ты когда-нибудь, что такое Желтухинъ. (*Диктуетъ*). Незабвенная тетушка! Тоска по роднымъ мѣстамъ настолько подточила мой организмъ, что я сдѣлался совершенно боленъ. Воспоминанія не даютъ мнѣ покою. Городъ съ его электричествомъ мнѣ опротивѣлъ. Я хочу тишины и правды въ кругу родныхъ...

Князь (*сквозь зубы*). Ну, это слишкомъ витіевато.

Желтухинъ. Пиши (*диктуетъ*). Дорогая тетушка, нѣсколько недѣль, проведенныхъ подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ, вдохнули бы въ меня новую жизнь. Ахъ, тетушка, тетушка, сколько я выстрадалъ за эти двѣнадцать долгихъ лѣтъ. Я почти старикъ...

Князь (*пишетъ*)... выстрадалъ за эти двѣнадцать долгихъ лѣтъ...

Желтухинъ (*диктуетъ*) „Со мной пріѣдетъ другъ моей жизни, моя жена Марья Семеновна,—женщина, съ которой я въ непродолжительномъ времени намѣренъ сочетаться законнымъ бракомъ“. (*Маша смѣется, беретъ шпатель и наирывааетъ*). Ничего смѣшного не нахожу... А также, съ вашего позволенія, пріѣдетъ мой другъ дѣтства...

Князь. Позволь, какой же ты мнѣ другъ дѣтства?

Желтухинъ. Эхъ, какой ты, ей-Богу! Безъ этого нельзя. Какой ты эгоистъ!... (*диктуетъ*) „Онъ человѣкъ странный, даже отталкивающий на первый взглядъ, но добрая душа и

не пьеть“.—За это ужъ я ручаюсь... Всѣ животныя имѣютъ право на отдыхъ, птицы выютъ гнѣзда, ласы роютъ норы... Дорогая тетушка... Жизнь тяжелая и даже нелѣпая штука (*со слезами*) и тѣмъ, кто бьется изъ послѣднихъ силъ, чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ все туже затягивается на шеѣ петля... Затягивается на шеѣ петля...

(*Медленный занавѣсъ*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Комната деревенскаго дома, служащая одновременно кабинетомъ и столовой. Въ глубинѣ арка, за ней коридоръ, направо и налево и въ самой глубинѣ стеклянныя двери въ садъ, залитый солнцемъ. Видны кусты цвѣтущей зелени. Налево дверь въ комнаты. У стола Илья Ильичъ Быковъ, стоя, пьетъ холодный чай. Раиса наклонилась надъ книгой.

Илья. За эти три дня мы съ тобой совсѣмъ не говорили. Такая суета. Хочется тебѣ сказать много, много серьезнаго, Раиса. Ты слушаешь меня? *(Она подтверждаетъ, что слушаетъ.)* Развлеченія, праздность, весь этотъ шумъ привлекательны, быть-можетъ, конечно. Но мы должны со всей серьезностью отнестись къ новому шагу. Послѣзавтра наша свадьба... Раиса...

Раиса. Да, слушаю.

Илья. Свадьба. Ты хорошенько уясни себѣ ея значеніе. Мы вмѣстѣ росли дѣтми, шалили, мечтали. Да, да, все это было превосходно. И наконецъ настаетъ день, когда должны быть насулены брови. Это не весело. Мы должны рука объ руку вступить въ суровую жизнь. Это сознательный конецъ юности, глупымъ грезамъ... *(Голосъ его слегка дрожитъ.)*

Раиса. Пожалуйста, Илья, закрой окошко, сквозить.

Илья. Ради Бога, Раиса, не думай, что я тебя упрекаю. Но прїездъ этого князька, безсонныя ночи, пустопорожніе разговоры — не во время... Посмотри на тетю Варю, она волнуется больше насъ. Совсѣмъ измучена. Въ насъ еще не сдержаны какіе-то порывы, Раиса. Я хочу сказать — инстинкты.

Раиса. О чемъ ты волнуешься, Илья?

Илья. Я волнуюсь? Ни капельки.

Раиса. Что нибудь случилось?

Илья. Я говорю, возмутительно врываться въ чужую жизнь наканунѣ крупнѣйшаго событія.

Раиса. А кто же ворвался? Ты самъ читалъ письмо князя. Мы съ тетей Варей надъ нимъ плакали.

Илья. Ахъ, надъ чѣмъ вы съ тетей Варей не плачете! Проревѣли же весь день, когда вылупился четырехногий цыпленокъ.

Раиса. Цыпленочекъ на четырехъ ногахъ жить не можетъ. Конечно, его было жалко.

Илья. А этого князя мнѣ ничуть не жаль. Бездѣльникъ и болтунъ.

Раиса. Онъ хорошій человекъ и очень несчастный.

Илья. Скажите!

Раиса. Да.

Илья. Вотъ, если хочешь, Марья Семеновна, дѣйствительно, достойна сожалѣнія. Это сложная и глубоко страдающая натура.

Раиса *(поджавъ губы)*. Можетъ быть.

Илья. Ты что-то слишкомъ поджимаешь губы, Раиса. Вообще мнѣ до князей сейчасъ дѣла нѣтъ. Пусть тетка съ нимъ и нянчается, какъ съ писаной торбой. Я бы издалъ государственный законъ противъ бездѣльниковъ и шелопаевъ. Подъ ногами болтаются *(пауза)*. Ты что читаешь?

Раиса. «Гигиену молодой женщины». Тетя Варя приказала прочесть эту книжку нѣсколько разъ подлѣ рядъ.

Илья. Это очень полезное чтеніе, конечно. Вообще намъ нужно побольше читать серьезныхъ книгъ.

Раиса *(улыбля)*. Будемъ читать. *(Голосъ тети Вары: — «Ду-уны! Дуляши!» — и голосъ Дуни: — «Сича-асъ!»)*

Раиса. Они встаютъ. А самоваръ совсѣмъ холодный. *(Въжигъ и въ арку стланивается съ тетей Варей.)*

Варвара. Раиса!

Раиса. Тетя Варя!

Варвара. Ты опять бѣгаешь?

Раиса. Самоваръ надо подогрѣть.

Варвара. Я тебѣ сто разъ толковала: ты не имѣешь права подвергать себя опасности, ломать ноги. Ты дѣвчонка, или невѣста, наконецъ! Ты совершенно не думаешь о своемъ организмѣ. Послѣ свадьбы дѣлай, что хочешь, хоть на голвѣ ходи.

Раиса. Что вы, тетя Варя, я очень думаю о своемъ организмѣ!

Варвара. Ну, иди. *(Раиса уходитъ.)* Совсѣмъ обезножила. Охъ, батюшки, дай-ка мнѣ папиросу. Хорошо ты смотришь за невѣстой нечего сказать!

Илья. Не могу я больше ей говорить; помни о почкахъ, о какихъ-то тамъ органахъ. Оставьте ее въ покоѣ. Она и такъ на меня второй день дуется.

Варвара. Вотъ дѣвчонка! О чемъ вы тутъ съ ней говорили?

Илья. О свадьбѣ.

Варвара. Не чаю, когда эта свадьба пройдетъ. Уѣду къ дядѣ Григорію отдыхать на двѣ недѣли. *(Волнуясь.)* Илья, коноплянаго масла нигдѣ нѣтъ!

Илья. Придется купить подсолнечнаго. Все равно рабоче жаловались, что конопляное масло съ примѣсью.

Варвара. Дѣлай, что хочешь. Но подсолнечное пудъ шестнадцать съ полтиной. Если мы разоримся — не моя вина. *(Въжитъ по коридору двѣка съ ведромъ.)* Дунька?

Дуня. Чего вамъ?

Варвара. Ты куда?

Дуня. Помои отъ молодыхъ господъ.

Варвара. Ну и навѣрно расплескала ихъ по всему коридору.

Дуня. Лопни глаза, ни капельки. *(Скрывается.)*

Варвара. Проснулись слава Богу. Четвертый часъ! Что это такое? Чѣмъ они живы? Не ждала я такимъ увидеть Анатоля. Постарѣлъ — жалкій. Скажи мнѣ, Илья, какъ мужчина, любить онъ ее?

Илья. Князь, Марью Семеновну? Чортъ его знаетъ.

Варвара. Что ты говоришь? Ну, а она его?

Илья. Не знаю.

Варвара. А вѣдь онъ хочетъ на ней жениться.

Илья. Да, общалъ, но, кажется, не особенно торопится.

Варвара. Кто она такая?

Илья. Не знаю. *(Вертъ скринку.)*

Варвара. Она съ прошлымъ по-твоему?

Илья. Да, я думаю, что она съ прошлымъ. *(Нлищиваетъ.)*
Вообще, Марья Семеновна странная женщина.

Варвара. Въ самомъ дѣлѣ сыграй мое любимое. *(Илья начинаетъ играть на вѣ чемъ невиноватый берсезъ.)* Мнѣ очень, очень жалко Анатоля. Онъ весь въ тетку Анну Аполосовну. Душевный мальчикъ. Я рада, что онъ вырвался наконецъ изъ этой столицы.

Илья *(шрая)*. Ветчинный окорокъ въ городѣ не досталъ. Придется самимъ запекать.

Варвара. Къ свадьбѣ я думаю заколотъ индюка, того, что дерется.

Илья. Можно заколотъ индюка.

Варвара. Они, оказывается, жили въ гостиницѣ и обѣдали по ресторанамъ. Какой же это желудокъ выдержать! Нѣтъ, ты подумай!

Илья. Странная женщина Марья Семеновна! *(Съ этой минуты онъ начинаетъ играть страстную арію.)*

Варвара. Что ты мнѣ ни говори, а я чувствую, чувствую: у нихъ страшная драма. Они что-то скрываютъ. Эта женщина ему не пара. Но, во всякомъ случаѣ, нашъ долгъ сдѣлать для Марьи Семеновны все возможное, если у нихъ кончатся катастрофой. *(Прислушивается къ музыкѣ)* Илья, ты что?

Илья. А что такое?

Варвара. Что ты сейчасъ игралъ?

Илья. Не знаю, право, я задумался.

Варвара. Пойди-ка сюда. *(Онъ подходитъ, она грозитъ пальцемъ.)* Смотри у меня, Илья!

Илья. Оставь, пожалуйста.

Варвара. У тебя трудный характер. Помни, ты весь вь отца. Я до сих порь иногда во снѣ вскрикиваю, какъ онь придетъ на память. Вотъ какой былъ человѣкъ! Взглянеть бывало своими глазами, такъ вся и обомрешь, даромъ что простой былъ мужикъ. А какія страсти! Какая буйная жизнь. И погибъ-то онь необыкновенно. Вывелъ ночью у меня изъ конюшни племенного жеребца, пьяный вскочилъ на него, засвисталъ пронзительно и помчался куда глаза глядятъ. Проскакалъ десять верстъ, слышишь ты? И ринулся на всемъ карьерѣ съ обрыва въ Волгу. Ужасно! Ему всего было мало.

Илья. Да, отецъ былъ странный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, Рансу я уважаю и люблю и тебѣ не о чемъ беспокоиться.

Варвара. Дай-то Богъ, дай-то Богъ! Все-таки, ты поменьше бывай, съ этой-то.. съ черной.

Илья. Мнѣ не нравится этотъ разговоръ, тетя Варя. Ты слышишь? въ высшей степени мнѣ не по душѣ.

Варвара! Фррь! Какъ пѣтухъ индійскій. *(Входятъ князь и Маша.)*

Князь. Ма tante! Съ добрымъ утромъ.

Варвара *(цѣлуетъ его въ лобъ)*. Какое тебѣ, батюшка, утро! Скоро ночь на дворѣ.

Маша. Здравствуйте.

Варвара *(цѣлуетъ Машу)*. Какъ спали, дорогіе мои?

Маша. Благодарю васъ.

Князь. Я спалъ какъ младенецъ. Просыпаюся утромъ и ни одной гадкой мысли. Здѣшній воздухъ дѣлаетъ чудеса. Не правда ли, Мари? Я давно не чувствовалъ въ себѣ такого подъема духа.

Маша. Воздухъ очень прекрасный. *(Луна вноситъ самоваръ.)*

Варвара. Вотъ и самоваръ: этотъ по счету четвертый грѣмь. Скушайте лепешекъ. Тѣ ржаняя, а вотъ изъ крупчатки. Въ Петербургѣ этого не пекутъ. Или ужъ такую по-

дадутъ лепешку, что потомъ весь день животомъ валяешься.

Маша. Благодарю васъ.

Князь. Ма tante...

Варвара. Скажи по-человѣчески: — тетка. А по-французски мнѣ обидно. Не душевно какъ-то. Словно ты въ меня репьемъ суешь. Ышь простоквашу. *(Садится къ самовару.)*

Князь. Тетушка, позвольте расцѣловать ручки. Боже ты мой, значить есть еще въ Россіи добрые, безкорыстные, чистые люди. *(Со стаканомъ останавливается посреди комнаты.)* Я счастливъ...

Илья *(набиваетъ у каминна трубку)*. Гмъ! у насъ говорится: телечья радость; по поводу свѣжаго воздуха.

Варвара. Илья.

Илья. Я не сказалъ ничего обиднаго, тетя Варя!

Варвара. Илья, ты невозможенъ. *(Дѣлаетъ страшные глаза)*. Онъ у меня буреломъ. У Анатолія очевидно вѣскія причины такъ радоваться.

Князь. Ma foi! Тысячи причинъ. Ну вотъ. Выхожу изъ умывальной комнаты въ коридоръ, вдругъ скрипитъ дверь. Отвратительно, когда скрипятъ двери. Мнѣ всегда въ этомъ случаѣ мерещится, что долженъ войти господинъ во фракъ, съ закрученными усами и сказать: — не угодно ли вамъ заплатить по счету. Что-нибудь въ этомъ родѣ. И вотъ на этотъ разъ въ дверяхъ вмѣсто фрака появляется очаровательнѣйшее существо, ваша невѣста, Илья Ильичъ. Боже мой! Вѣдь я въ деревнѣ, у тетки!

Варвара. Тебѣ, Анатолій, хорошо пить отваръ изъ ромашки съ цитварнымъ сѣменемъ.

Князь. Благодарю. Далѣе, меня просто умиляетъ, господа, до чего здѣсь всѣ заняты, какимъ-нибудь дѣломъ. Это прямо толстовская колонія. Выглядываю въ садъ, смотрю: Илья Ильичъ тащитъ какой-то мѣшокъ, вы, тетушка, браните босую дѣвку, собачка и та—сидитъ на цѣпи. И по травѣ, прямо по росѣ босикомъ ступаетъ крошечными ножками,

идеть Раиса Глѣбовна съ рѣшетомъ крыжовника. Илья Ильичъ, вы счастливѣйшій изъ людей!

Маша (*вскрикиваетъ*). Ай!

Варвара. Что такое?

Маша. Я обрѣзала руку.

Илья (*быстро подходит*). Покажите. Глубоко?

Маша. Нѣтъ, теперь не больно.

Илья. Я говорилъ, чтобы не подавать на столь острыхъ ножей! Для хлѣба есть пила.

Варвара (*Ильѣ*). Пусты, пусты, батюшка, я сама завяжу.

Илья. Положите йодоформу.

Маша. Благодарю васъ, мнѣ совсѣмъ хорошо. (*Внимательно глядитъ на Илью, садится на диванъ*).

Князь. Мари, ты косолапа... Такъ какіе же ваши планы послѣ свадьбы, Илья Ильичъ? Ѣдете за границу? (*Варвара ухмыляется*).

Илья. Зачѣмъ? Намъ и здѣсь дѣла много.

Варвара. Покось, рожь нужно жать, запахивать парь.

Князь. Пахать парь? Гмъ! Но молодая женщина захочетъ выѣзжать, показывать туалеты. Вы не бонтесъ, что она соскучится въ такой глуши?

Илья. Ну, на такой бы я не женился.

Князь. Вы правы.

Маша (*внезапно*). Илья Ильичъ, вы жили въ Петроградѣ?

Князь. Что? Что?

Илья. Да, я тамъ учился въ Технологическомъ. Лѣтъ шесть тому назадъ.

Варвара. А кончилъ онъ въ Москвѣ, Петровско-Разумовское. Съ медалью.

Князь. Bravo, bravo.

Маша (*Ильѣ*). Гляжу, гляжу,—ей-Богу я васъ видала.

Князь (*постынно*). Мари, у тебя плохая зрительная память... Бываетъ, что встрѣтишь человѣка на улицѣ, мелькомъ, и потомъ привяжется его лицо.

Маша. Въ Акваріумѣ, конечно, были, въ саду?

Илья (*съ тревогой*). Да... Бываль... А что?

Маша (*смѣется*). Помните ученыхъ попугаевъ? Съ хохолками.

Илья. Попугаевъ... Боже мой... Ну?

Маша. Каждый разъ, когда попугаи кончали, музыка играла вальсъ, и появлялась..

Илья (*вскрикиваетъ*). Касатка... (*Точно лишился языка, не отрываясь смотреть на Машу*).

Варвара. Какая Касатка?.. (*Роняетъ башмакъ*).

Князь (*подскакиваетъ, поднимаетъ*). Тетушка, вы представьте. Однажды Марья Семеновна, еще до нашего замужества, конечно, находилась въ такомъ трудномъ матеріальномъ положеніи, что пришлось поступить на сцену, пѣть романсы. Всякій трудъ благороденъ, не правда ли? Что?

Маша. Я не только романсы пѣла.

Варвара. Чѣмъ же вы тамъ еще занимались?

Князь. Ну, дай Богъ памяти... прыгала черезъ круги.

Варвара. Черезъ круги прыгала?

Князь. Работа тяжелая и очень почтенная, по крайней мѣрѣ я такъ думаю. (*Пожавъ плечами становится въ арку*).

Варвара. Такъ вы акробатка... Господи помилуй... А ужъ я, простите, Марья Семеновна, чуть голову не свихнула, все думала, чѣмъ вы занимаетесь.

Маша. Я, Варвара Ивановна, и прачкой была.

Варвара. Прачкой?

Маша. И горничной, и въ магазинѣ служила. Я сама деревенская, псковская.

Варвара. Боже мой, Боже мой...

Князь. Мой другъ, все-таки это не тема для бесѣды. У каждаго изъ насъ были ошибки...

Варвара. А что это значить—Касатка?.. (*Пауза. Входитъ Раиса*).

Раиса. А я васъ жду въ саду. Здравствуйте, князь. (*Машѣ*). Мы съ вами видѣлись. Вода такая свѣжая, славная. Я купалась.

Князь. Славная, свѣжая. Молодость моя! Боже, какая красота!

Раиса (*прикладывая ладони къ щекамъ*). Какіе пустяки вы говорите!

Варвара. Анатолій! Ты не педагогичень.

Илья (*Машь, млухмъ волосомъ*). Не правда ли, у васъ были свѣтлые волосы...

Маша. Вспоминаете? Да, раньше у меня были свѣтлые волосы, какъ рожь.

Князь (*Раисъ*). Если вамъ не скучно со мной, позвольте предложить руку. Я старъ и безопасень. Пойдемте рвать крыжовникъ. (*Раиса взялаываетъ на тетку*.)

Варвара. Идите, идите.

Раиса. Надо рѣшено захватить.

Князь. Рѣшено! Боже мой!

Маша (*Многочислительно*). Анатолій!

Князь. Что, Мари?

Маша. Ты, можетъ-быть, забылъ?

Князь. Я забылъ? Что? Важное? Не помню. (*Легкомысленный жестъ*). Какая-нибудь чепуха! (*Уходитъ съ Раисой*).

Маша (*сквозь зубы*). Иди, иди голубчикъ...

Варвара. Илюша.. Марья Семеновна.. Объясните мнѣ....

Илья. Улицы были полны народа. Особенно звонко раздавались женскіе голоса. Послѣ полуночи пошелъ дождь. Я все-таки дождался и побѣждалъ за автомобилемъ. Вы окатили меня грязью. Я упалъ.

Маша. Я помню и другое. Каждый вечеръ...

Илья. Я приходилъ каждый вечеръ глядѣть на васъ.

Маша. Выхожу, бывало пѣть. Смотрю, въ публикѣ глаза, черные какъ угли. Горло перехватывало, такъ, бывало, испугаешьсяя.

Илья. Боялись моихъ глазъ?

Маша. Извѣстно. Съ такими глазами жди бѣды.

Варвара (*береть Илью за руку*). Другъ мой, я уважаю всякое мужское прошлое. Это твой духовный опытъ. Но сейчасъ, Илюша, будь благоразуменъ. Одолѣй свой характеръ.

Марья Семеновна, надѣюсь, пойметъ и сама поможетъ намъ. Вели заложить дрожки и поѣзжай въ луга.

Илья (*рѣзко*). Тетя Варя, я положилъ расходную книгу тебѣ на столъ. (*Хватаетъ счеты*). Книга запущена.

Варвара. Успѣю провѣрить, баюшка.

Илья. Немедленно (*Отворяетъ боковую дверь*). До моей свадьбы должны быть провѣрены всѣ счета.

Варвара. Хорошо, хорошо. Ураганъ! Чистый буреломъ. (*Беретъ счеты, уходитъ. Илья бросается въ кресло, закрываетъ лицо*).

Илья. Это вы.. Да!.. Ужасно. (*Пауза*).

Маша. И вспомнила я васъ только сейчасъ, когда руку обрѣзала, а вы подскочили. Ну и глаза! Еще страшнѣе стали, право!

Илья. Зачѣмъ вы прѣхали?

Маша. Ай, ай, ай! Я вотъ, въ циркѣ служила, помню— бросила разъ въ клѣтку лвамъ зарѣзаннаго голубя, свѣженькаго. Такъ у нихъ потомъ цѣлую недѣлю глаза горѣли.

Илья (*вскликиваетъ*). Вамъ здѣсь нельзя оставаться, уѣзжайте.

Маша. Куда же мы поѣдемъ. Мы проигрались. Мы такіе несчастные!

Илья. Я дамъ денегъ вашему князю.

Маша. Не возьметъ. Онъ благородный сталь отъ здѣшняго воздуха.

Илья. Я проиграю въ карты двѣ тысячи, три тысячи рублей.

Маша. На недѣлю не хватитъ. Да и князь собирался прожить здѣсь до осени.

Илья (*ходитъ по комнатѣ*). Тотъ годъ въ Петроградѣ навсегда погребень, отрѣзанъ, я не хочу вспоминать ни одной минуты прошлаго. Вамъ-то лестно, конечно, припоминать, какъ одурѣлый идиотъ, мальчишка пялил на васъ глаза. Вы смѣялись, когда я сорвался съ автомобильной подножки, а должно-быть не слышали, что я кричалъ вслѣдъ! Да, да. Вы были очень великолѣпны въ горностаяхъ и перьяхъ. Какъ я

вась ненавидѣль. О Господи! Длинныя эти бѣлыя ночи безъ сна, на желѣзной кровати. Какіе кошмары лѣзли въ голову! Я неотступно жилъ въ вашихъ комнатахъ. Моимъ воображеніемъ были пропитаны всѣ ваши платья. Я пробирался за вами во всѣ спальни, душилъ вась, молилъ пощады... Ужасно! Умиралъ у вашихъ ножекъ. Я ихъ хорошо помню. Красныя каблочки на туфелькахъ. Раскаленными каблочками прямо въ мозгъ... Никто, ни одна женщина не могла погасить моего воображенія. Цѣлые дни валялся на кровати и зналъ—гибну, гибну... И каждый вечеръ снова шель глядѣть, какъ вы, надменная, порочная и все же потрясающая, пѣли фальшивымъ голоскомъ всю одну и ту же мерзость про какого-то старичка...

Маша (*взволнованно*). Вы такъ меня... любили?

Илья (*съ рѣзкимъ жестомъ*). Тетка увезла меня.. Она чуть съ ума не сошла отъ моихъ писемъ. Я выльчился. (*Кричитъ*). Я вась забылъ... вы понимаете? (*Пауза*).

Маша. Развѣ можетъ пройти такая любовь...

Илья. Я люблю мою невѣсту. Раиса чистая, достойная дѣвушка. Мы всѣ радуемся этому браку. Я счастливъ, я больше никого не хочу.

Маша (*усмѣхается*).

Илья. Чему вы смѣетесь?

Маша. Вижу, что любите очень вашу невѣсту.

Илья. И вотъ, съ этой минуты, ни разу даже не позволю себѣ подумать ни объ одной женщинѣ кромѣ Раисы.

Маша. Наплачутся отъ вась женщины, Илья Ильичъ. Вотъ черезъ такихъ-то и травятся и карьеру свою [теряютъ. (*Подходитъ къ нему*). И руки такимъ цѣлуютъ. Какихъ, какихъ глупостей не надѣлаетъ наша сестра.

Илья (*тихо*). Вы слышали, что я сказалъ? Я на Раисѣ женюсь и любить ее буду.

Маша. А меня?

Илья. Марья Семеновна, не шутите.

Маша. Вотъ видите, чуть было съ вами про Анатолія не забыла. А онъ какъ меня любить, такой мягкій, нѣжный

мужъ. А я, какъ бѣшенная, мучаю его, все хочу чего-то необыкновеннаго. (*Показываетъ на окно*). Посмотрите, идутъ съ вашей Раисой, не наговорятся. А вѣдь правда—между ними какое-то сходство? Простите меня, Илья Ильичъ, и забудьте, что было. Идите-ка я вась поцѣлую, родной мой. (*Цѣлуетъ его въ лобъ*).

Илья (*отскакиваетъ*). Чортъ!

Маша. Вы что? Укололись?

Илья. Все, что я сказалъ, такъ и будетъ! Я такъ рѣшилъ. (*Быстро уходитъ*).

Маша. Я такъ рѣшилъ! Какой принцъ! Довольно глупо. (*Осторожно появляется тетка*).

Варвара. Ну что?

Маша. Ничего.

Варвара. Я спрашиваю, что Илюша? Успокоили вы его?

Маша. Да. Я его успокоила.

Варвара. Голова кругомъ идетъ. Наканунѣ свадьбы такой камуфлетъ. Вась я не виню. Но, моя милая, надо постараться, чтобы Раиса ничего не узнала. Вотъ откуда не ждали бѣды.

Маша. Давно онъ любить ее?

Варвара. Раису? Съ дѣтства.

Маша. Ну, тогда не страшно.

Варвара. А что такое?

Маша. Иду къ себѣ волосы поправить. (*Уходитъ*).

Варвара. Какая странная. Характеръ. Вѣдьма, настоящая вѣдьма. (*Възвываетъ Дуляша*).

Дуляша. Матушка барыня, подите-ка сюда.

Варвара. Что еще такое?

Дуляша. Человѣкъ какой-то пришелъ съ чемоданомъ. Толстѣющій. Вась спрашиваетъ.

Варвара. Что же ты смѣешься! Какой еще человѣкъ? Гдѣ онъ?

Дуляша. На черномъ крыльцѣ. (*Тетка уходитъ, Дуляша приближаетъ столъ. Появляются Раиса и князь съ рѣшетомъ крыжовника*). Барышня, къ намъ баринъ какой-то пришелъ пѣшкомъ.

Раиса. Гость?

Дуняша. Какой тамъ гость. Вихрястый. Пришелъ на кухню—кваску бы мнѣ, говорить. Пять ковшиковъ выпить. Сопить. Силь нѣтъ.

Раиса. Убирайся, пожалуйста. *(Дуняша уходитъ).*

Князь. Вотъ ножницы.

Раиса. Я васъ научу. Видите съ этой стороны хвостикъ?

Князь. Изумительно. Хвостикъ.

Раиса. Ну, да, онъ такъ называется.

Князь. Его нужно отрѣзать и затѣмъ крыжовникъ положить въ ротъ?

Раиса. Да нѣтъ же. На тарелку нужно положить для варенья. Вамъ бы только смѣяться надо мной.

Князь. Я не смѣюсь.

Раиса. А, по-моему, вы считаете меня глупой.

Князь. Мечтой! Мечтой, которая можетъ сниться въ жизни только разъ, когда душа угасаетъ, когда безнадежно и хочется отдыха, смерти. Тогда снится нѣжный и милый сонъ, точно кто-то протягиваетъ руку, говорить: проснись! Свѣтло!.. Ну да, все это, конечно, не важно.

Раиса. Вы очень несчастны?

Князь. Я бы сказалъ, что мнѣ было отпущено не особенно много счастливыхъ дней. Нехватило достаточно умѣнья и ловкости устроить жизнь чистой. А можетъ быть нехватало человѣка около меня, друга, дѣвушки. Одно время у меня не было квартиры. Я ночеваль въ паркѣ или на набережной, на каменной скамьѣ. Къ счастью, стоялъ жаркій июль и я не схватилъ простуды. Но было грустно. Простите, что я вспомнилъ объ этомъ.

Раиса. Какое тамъ простите... *(Отвернула со слезами).*

Князь. Раиса. Конечно я—счастливчикъ. Въ общемъ—я эгоистъ. Изъ-за меня не стоитъ уронить даже слезинки.

Раиса. Сокъ въ глаза попалъ.

Князь. Вотъ за эту минуту я готовъ спать всю жизнь гдѣ-нибудь на баржѣ. Мнѣ больше ничего, ничего не нужно. *(Дѣлаетъ ей руку).*

Раиса. Что вы! Ну, что вы...

(Входитъ тетя).

Варвара. Объясните мнѣ, что это значить? Говорятъ кто-то пришелъ... Батюшки! Раиса, Анатолий!

Анатолий. Тетушка, мы стрижемъ хвосты...

Варвара. Раиса, подай-ка мнѣ мой мигреньшuftъ. Ничего не понимаю, какіе хвосты?

Князь. У крыжовника.

Варвара. Нѣтъ, ужъ ты лучше оставь ее въ покоѣ.

Князь. Тетушка! Я готовъ сію минуту уѣхать, если только вы подумали что-нибудь нехорошее. Ради Бога!

Раиса *(подаетъ мигреньшuftъ)*. Тетя Варя, онъ такой милый. Мы рѣшили другъ друга звать брать и сестра. А вечеромъ сговорились поѣхать на кордонъ, смотрѣть закатъ надъ Волгой. Можно?

Князь. Это пока маленькій секретъ. Я бы не хотѣлъ брать съ собой Мари. Она просто не любитъ природы. *(Маша появляется въ арку и слушаетъ незамѣченная).*

Раиса. Вотъ странно, какъ это не любить природы.

Князь. Мари прозаикъ. Она слишкомъ terra terra. Ей нужны чувства, которыми можно свалить быка...

(Маша киваетъ головой).

Раиса. Ахъ, ахъ!

Князь. Мила въ обыденной жизни, но слишкомъ самобытна.

Раиса. У насъ въ епархіальномъ училищѣ былъ прудъ, полный, полный рыбъ. Бывало сидишь у воды и хочется чего-то необыкновеннаго, такого, такого... *(Приложила руки къ щекамъ).*

Князь. О, милая... Дитя!

Варвара. Никуда васъ не пушу. *(Сморкается трубой).*

(Маша подходит).

Маша *(князю)*. Намъ поговорить нужно.

Князь. О чемъ? Мари, пожалуйста, поговоримъ завтра.

Маша. Нѣтъ, я сейчасъ хочу поговорить.

Князь *(закрывъ глаза)*. Слушаю.

Варвара (*сорвалась съ кресла, Раиса*). Совсѣмъ позабыла! Сорочки тебѣ подвѣчные принесли. Поди примѣрь.

Раиса. Какая скука, тетя Варя.

Маша (*князю*). Ты все-таки меня предаль?

Князь (*отпрянув*). Мари!

Маша. Какъ мнѣ съ тобой теперь поступить, я спрашиваю?

Князь. Что за тонъ!

Варвара (*толкаетъ Раису*). Иди же ты. У нихъ серьезное объясненіе.

Князь. Ты просто не воспитана. Я и разговаривать не хочу.

Маша. И я не хочу много-то съ тобой говорить! (*Ударяетъ его по щекѣ*).

Раиса (*кричитъ*). Анатолій!

Варвара. Стыдно!

Князь. Маша! За что? Такъ больно... (*Садится къ столу, закрывъ лицо*).

Варвара. Какъ вы посмѣли! Моего племянника. Князя Бѣльскаго! Вы? Вы?

(*Появляется Абрамъ Желтухинъ съ гитарой и ромятъ чемоданъ*).

Желтухинъ. Здравствуйте.

Маша. Абрамъ! Абрамъ! Я не могу больше! Увези меня!

Желтухинъ. Такъ это я за этимъ шестнадцать верстъ пѣшкомъ съ чемоданомъ шель? А у васъ тутъ опять мордобой... (*Слохотившись, тетушки*). Виновать! Абрамъ Желтухинъ... Потомственный дворянинъ... Другъ дѣтства... (*Расшаркивается*).

(*Занавѣсъ*)

ДѢИСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Тамъ же. Утро. Большія двери въ глубинѣ раскрыты настежь, видна поляна сада съ уходящей дорожкой и сельская церковка. Въ комнатѣ накрытый столъ. У стола стоитъ Желтухинъ. Изъ боковой двери высовывается Варвара.

Варвара. Дуня! Дуняша!

Желтухинъ. Я не стѣсняю васъ?

Варвара. Вы, батюшка, присаживайтесь. Заморите червячка. До обѣда еще далеко. Дуняша!

Желтухинъ. Отъ волненія, какъ-то проголодался и, пожалуй, перекушу. (*Входитъ Дуняша*).

Варвара (*Дунишь, подавая сюртукъ*). Вотъ, пойдѣ, передай Ильѣ Ильичу. Да не забудь сказать, что этотъ сюртукъ дѣда Михаила Михайловича.

Дуняша. Дѣда Михаила Михайловича.

Варвара. Подожди. Вотъ еще булавка въ галстукъ. Эта, скажешь, булавка прабабки Аплечеевой. Иди. (*Дуняша, взявъ одежду, уходитъ*). Къ жениху я и захожу боюсь. Вчера весь день пропадалъ на охотѣ. Дуняша говоритъ, вернулся поздно и ночью не спалъ. Сейчасъ заперся наверху и не то бредетъ, не то такъ со зла чѣмъ-то скрипитъ. (*Въ отчаяніи*). Они съ Анатолиемъ ходили купаться и я чувствую: что-то между ними произошло.

Желтухинъ. Вотъ и опять упали духомъ, Варвара Ивановна. Ай, ай, ай. (*Прижимаетъ къ груди вилку съ куриной ногой*). Клянусь вамъ, все идетъ, какъ по маслу. Всѣ тренія

мною устранены. У супруговъ миръ, а женихъ съ невѣстой, какъ всегда передъ вѣнцомъ, чудятъ немного.

Варвара, Не такой, не такой ждала я свадьбы. Захожу только что къ Раисѣ, сидитъ на постели, одинъ чулокъ натянула, другой ногой болтаетъ и глаза шалые. Мать моя, говорю, бывало раньше-то и дружки, и сваты, и крестная, вся большая родня около невѣсты хлопочетъ. Каждую вещь и чулокъ и подвязочку надѣнуть ей съ молитвой. А ты сидишь одна, какъ сова, надулась. *(Взглянувъ въ окно всплескиваетъ руками)*. Смотрите, смотрите, бѣжить, фата на боку. *(Кричитъ)*. Раиса, Раиса! Не смѣй ты бѣгать по травѣ! Вотъ, дѣвчонка, неслухъ. *(Быстро уходитъ въ садъ)*.

Желтухинъ *(опять присѣвъ и олядывая столъ)*. Подумайте, чего еще человѣку нужно. *(Входитъ Маша)*.

Маша. Абрамъ, я должна говорить съ Ильей Ильичемъ.

Желтухинъ. Онъ бреется, къ нему нельзя.

Маша. Поди позови его. — Скажи на минутку.

Желтухинъ. Что ты, что ты, ангель мой. Хоть тресни, а не позову. Послѣ вѣнца молодые сейчасъ же садутъ на троечку, запылятъ и до свиданья. Въ свадебное путешествіе внизъ по Волгѣ. Вообще ты успокойся. Скушай подливочки.

Маша. Да ты къмъ тутъ поставленъ? Швейцаромъ тебя, что ли, наняли.

Желтухинъ. Прежде всего я дворянинъ и порядочный человѣкъ и никакого безобразія въ этомъ домѣ не допущу.

Маша. Я же только минуточку поговорю. Мнѣ нужно, нужно видѣть его.

Желтухинъ. Ей Богу, ты оставь Илью Ильича. Насъ и такъ здѣсь едва терпятъ. Слышала — нынче утромъ они съ Анатолиемъ, говорятъ, поругались?

Маша. Знаю.

Желтухинъ. Изъ-за чего?

Маша. Вотъ поэтому-то я и хочу съ нимъ говорить. Онъ не смѣетъ мной распоряжаться. Абрамъ, весь день вчера я искала его. Зачѣмъ онъ бѣгаетъ? Бойтся грѣха? Развѣ я лѣзу къ нему? Пристаю? Сейчасъ увидѣлъ меня въ окошко,

весь такъ и потемнѣлъ. Можетъ-быть, я ему сказать хочу, что мнѣ до него дѣла нѣтъ.

Желтухинъ. Ты не пиши и не подпрыгивай. Выпей вина. Илья Ильичъ мужикъ и грубіанъ. На тебя и смотрѣть не хочетъ и очень хорошо.

Маша. Хочетъ онъ, хочетъ глядѣть на меня. Не смѣешь такъ говорить. И женится только со зла. Иди, зови.

Желтухинъ. Нѣтъ.

Маша *(ударяя по столу)*. Съ ума сойду.

Желтухинъ. Тише.

Маша. Дѣться некуда! Такая тоска, будто ночь у меня на душѣ.

Желтухинъ *(въ ужасѣ)*. Марья! Да ты не влюбилась ли въ него? Сохрани Господи!

Маша. Не знаю... Такого со мной еще не бывало. Мѣста себѣ не нахожу. Ненавижу васъ всѣхъ. Не бывать этой свадьбѣ. Я на дорогу лягу.

Желтухихъ. Глупая, дикая баба. Я тебя разъясню. *(Входитъ Варвара, Желтухинъ, млыня тонъ)*. Устрою свиданье, только молчи. *(Гроико)* Пойди, выкупайся. *(Толкаетъ Машу къ двери)*. Поплавай, да подольше. *(Маша уходитъ, онъ возвращается)*. Вотъ, кстати, вы спрашивали, что такое Касатка? Это ея псевдонимъ. *(Варвара садится и закуриваетъ)*. Скажемъ, если бы я рѣшилъ пойти на сцену, то моя фамилія была бы не Желтухинъ, а Буреломовъ или Чайкинъ. Съ вашего позволенія съѣмъ еще и этого цыпленка.

Варвара. Кушайте на здоровье. Представьте, какое безобразіе: на усадьбѣ всѣ пьянешеньки.

Жултухинъ. Зато цыпленокъ у васъ прямо — необыкновенный цыпленокъ. Такъ и таетъ, шельмецъ. Въ общемъ, Марья Семеновна добрѣйшая женщина. А если и дерется, иногда, то исключительно изъ доброты, чтобы словами не терзать. Конечно, и я въ первую минуту былъ ошеломленъ. Вхожу и вдругъ бацъ, бацъ по щекамъ. И гдѣ же? Въ дворянскомъ домѣ, гдѣ даже простой мухъ гакъ, кажется, и скажешь: — прошу васъ не приставайте ко мнѣ, пожалуйста.

Но Касатка въ данномъ случаѣ поступила очень тонко: однимъ ударомъ Анатоля съ облаковъ прямо на землю, и все по своимъ мѣстамъ.

Варвара. Такъ-то оно такъ, а все-таки...

Желтухинъ. Главное: послѣ вѣнца молодыхъ немедленно посадить въ коляску и увезти куда-нибудь подальше.

Варвара. Спасибо вамъ, батюшка. Я ужъ и тройку велѣла заложить. Ужасно у меня предчувствіе гадкое.

Желтухинъ *(горячо)*. Варвара Ивановна, не будь насъ здѣсь, ей Богу что-нибудь роковое могло случиться съ вашимъ домомъ. Когда мы собирались сюда я даже сонъ видѣлъ, будто вашъ домъ горить.

Варвара. Сохрани Богъ, какіе вы сны видите.

Желтухинъ. И говорю Анатолю:— ѣдемъ, я фаталистъ. Мы принесемъ счастье, хотя сами и погибнемъ, быть-можетъ, да чортъ съ нами: виноватъ.

Варвара. Золотой вы человѣкъ, Абрамъ Алексѣевичъ. Скушайте поросенка.

Желтухинъ. Не могу больше. Хотя поросеночка, пожалуй, бы съѣлъ. Когда-то и у меня была своя деревенька.

Варвара. Въ какой губерніи?

Желтухинъ. Въ Самарской.

Варвара. Это не около ли Мелекеса?

Желтухинъ. Такъ, въ сторонкѣ. Мы, Желтухины, выходцы изъ Литвы. Мой прадѣдъ былъ даже графомъ.

Варвара. Скажите...

(Входитъ Илья, держа въ рукѣ сюртукъ.)

Илья. Тетя Варя, гдѣ бензинъ?

Варвара. Сейчасъ, батюшка.

Илья. Сюртукъ грязенъ и жметъ подъ мышками.

Варвара. Нѣтъ, Илюша, прошу тебя, будь въ этомъ сюртукѣ. Въ немъ вѣнчались и дѣдушка и мой отецъ.

Илья. Хорошо. Скоро все-таки меня поведутъ въ церковь?

Варвара. Сейчасъ, подожди немного, Присядь. Только ѣсть тебѣ ничего нельзя. Не волнуйся. Возьми себя въ руки.

Илья. Оставь, пожалуйста. Я совершенно спокоенъ.

(Онъ садится и чиститъ бензиномъ сюртукъ.)

Желтухинъ. Счастливцевъ. Красавцевъ! Эхъ, чортъ, скинуть бы мнѣ двадцать годковъ, показалъ бы я вамъ, какъ надо жениться!

Илья. Вы, я вижу, здѣсь въ роли капитана на погибающемъ кораблѣ.

Желтухинъ. Какъ-съ? Я не совсѣмъ понялъ.

Варвара *(постынно)*. Видишь ли, задержка за твоими шаферами. Ахъ, Илюша, Илюша, какъ ты меня огорчил! Не пригласить на свадьбу дядю Григорія! Его тетка и моя тетка обѣ — Ивашенцевы. Отъ того Ивашенцева, что при Александрѣ Первомъ на ручномъ медвѣдѣ проѣхался.

Желтухинъ. Какъ же, помню, помню.

(Въ глубинѣ появляется Маша съ полотномъ. Ея видитъ одинъ только Илья.)

Илья *(вскакиваетъ, кричитъ)*. Это невыносимо! Я не могу больше ждать.

Варвара. Скоро, скоро, батюшка.

Илья. Я иду наверхъ, къ себѣ. Когда ударятъ въ колоколъ—спущусь. *(Внезапно Желтухину)*. Скажите, Желтухинъ, этотъ вашъ князь, порядочный человѣкъ? *(Маша скрывается.)*

Варвара. Илья! Анатолий двоюродный племянникъ Анны Аполосовны.

Желтухинъ. Рѣдкой души человѣкъ.

Илья. Это я знаю. А стрѣлять онъ умѣетъ?

Желтухинъ. То-есть, какъ стрѣлять?

Илья. Изъ пистолета.

Желтухинъ. Мухъ бьетъ на лету. Не вѣрите?

Илья. Передайте ему, что если онъ вообще не прохвость, то обязанъ сдержать свое слово. *(Идетъ къ двери)*.

Варвара. Какое слово? Что ты говоришь?

Илья. Пожалуйста, тетя Варя, не трепыхайся. Мы разговаривали съ твоимъ Анатолиемъ въ купальнѣ, и я выяснилъ, что онъ забываетъ нѣкоторыя свои обѣщанія. Вотъ и все.

И вообще, передайте ему, что не жениться до сихъ поръ на Марьѣ Семеновнѣ неопратно съ его стороны. (*Оборачиваясь въ дверяхъ съ бѣшенствомъ.*) Если онъ сегодня же не перевѣнчается съ Марьей Семеновной, то я его убью. (*Уходитъ.*)

Варвара. Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такимъ тономъ! (*Но Илья уже ушелъ и она приступаетъ къ оробѣвшему Желтухину.*)

Желтухинъ. Варвара Ивановна... Все къ счастью!

Варвара. Акробатка ваша во всемъ виновата. Она, можетъ-быть, несчастная женщина, но я въ такомъ состояніи сейчасъ, что жалѣть ее не могу-съ! Есть устои, милостивый государь, которые нельзя шатать.

Желтухинъ. Намъ... дворянамъ, Варвара Ивановна, конечно, дико... (*Вбѣгаетъ Дуняша.*)

Дуняша. Воейкина прѣехала, Анна Аполосовна. Куда провезти?

Варвара. Ну, вотъ, наконецъ, посаженная мать прѣехала. Ты, глупая дѣвка, навѣрно сюда ее хотѣла вести? Проси въ залу. Подожди, я сама. Убери объѣдки. (*Спѣшитъ къ дверямъ, сталкивается съ княземъ.*)

Князь. Тетушка, какой грустный день.

Варвара. Слушай, сударь, ты мнѣ не позорь семейной чести!

Князь. Ма tante!

Варвара. Я тебѣ приказываю молчать, глазъ не поднимать, пока молодые не уѣхали. Понялъ?

Князь. Слушаю-съ.

Варвара. Потомъ съ тобой поговоримъ всерьезъ. (*Ушла.*)

Желтухинъ (*конфиденціально Дуняшѣ.*) Что же, ты не говорила барынѣ?

Дуняша. Говорила.

Желтухинъ. Какъ же ты ей сказала?

Дуня. Какъ вы научили, такъ и сказала.

Желтухинъ. Повтори-ка.

Дуняша. Сказала, думается, — моль, мнѣ, матушка барыня, что прѣзжіе господа намъ къ счастью.

Желтухинъ. Такъ, такъ, такъ. Ну, а Варвара Ивановна что на это отвѣтила?

Дуняша. Ничего не отвѣтили. Задумались.

Желтухинъ. Задумалась? На тебѣ еще полтинникъ. Смотри, постоянно ей повторяй.

Дуняша. Ладно. (*Уноситъ посуду.*)

Желтухинъ. Волосы дыбомъ становятся.

Князь. (*глядя въ садъ.*) Вотъ по этой дорожкѣ она пойдетъ въ послѣдній разъ. Трава еще не успѣетъ просохнуть и замочить подолъ ея платья и ножки. Ударить колоколь, она наклонитъ голову, надѣнетъ кольцо. Черезъ девять лѣтъ будетъ считать себя увядшей. Потомъ старость. Какъ все просто!

Желтухинъ (*держитъ его*). Анатолій.

Князь. Да.

Желтухинъ (*реветъ*). Женись на Марьѣ, тебѣ говорю.

Князь. Оставь, Абрамъ, мнѣ очень трудно сегодня.

Желтухинъ. Ты хочешь, чтобы тебя пристрѣлили какъ дурака? Женись, ну хоть черезъ недѣлю. Дай только всѣмъ честное слово, что женишься.

Князь. Это нужно?

Желтухинъ. То-есть, какъ это нужно? А твое обѣщаніе?

Князь. Tiens.

Желтухинъ (*свирьно*). Эти свои тьены ты брось? Постороннимъ людямъ и то за тебя совѣстно. Безчестный лгунъ!

Князь. Я не могу простить Машѣ нѣкоторыхъ вещей.

Желтухинъ. Будто она тебя мало била!

Князь. Ты жалкій человѣкъ, Абрамъ. Надъ тобой слышкомъ властенъ желудокъ. Шумишь, во все вмѣшиваешься... Ты, оказывается, дурно воспитанъ.

Желтухинъ. Я дурно воспитанъ?

Князь. Во всякомъ случаѣ не волнуйся. Сегодня мы уѣздаемъ отсюда.

Желтухинъ. Какъ?

Князь. Да, всѣ трое.

Желтухинъ. Куда?

Князь. Не знаю. Куда-нибудь.

Желтухинъ. Въ ночлежку?

Князь. Да, я думаю, что намъ придется жить нѣкоторое время въ ночлежномъ домѣ.

Желтухинъ. Анатолий, что ты мнѣ говоришь?

Князь. Быть здѣсь выше моихъ силъ. Еще разъ упасть и такъ разбиться! Мнѣ слишкомъ грустно, Абрамъ! Въ гостиницѣ гдѣ-нибудь, въ номерѣ, будетъ легче все пережить. Хотя стоитъ ли вообще переживать? Подвести итогъ самому себѣ, мужественно признать дефицитъ и закрыть лавочку.

Желтухинъ. Хорошо. Конечно. Уѣхали! Голодаемъ! Въ кулакъ свистимъ! Такъ бы мнѣ и сказала. Знаешь, какъ я къ тебѣ отношусь? Тьфу! Выродокъ!

(Въ это время ударяетъ церковный колоколъ. Князь схватываетъ Желтухина за плечи.)

Князь. Ты слышишь? Дьячокъ началъ читать часы. Это казнь. Абрамъ, я жалкій, безсильный выродокъ. Только что мы встрѣтились съ Раисой въ саду. Я прочелъ въ ея глазахъ рѣшимость. Да, да! Въ ту минуту она была готова на все. Она ждала моего слова, знака. А я сказалъ шутку. Я не могъ ей предложить самого себя. Не смѣю! Что можетъ быть безобразнѣе! Я презираю себя.

(Входитъ Раиса въ подвѣсичномъ платьѣ. Она разсыпана, жалко улыбается, подходитъ къ Желтухину.)

Раиса. Тетя Варя, уже звонять, пора.

Желтухинъ *(вздыхнувъ)*. Это я, Желтухинъ. Вотъ, право, какъ это все такъ...

(Князь дѣлаетъ ему знакъ, онъ уходитъ въ садъ.)

Раиса *(князю)*. Я хотѣла что-то сказать вамъ... Да.. Уже звонять, батюшка запоздалъ на сѣнокося. Нынче весной мы съ тетей Варей несли свѣчи, послѣ двѣнадцати евангелий. Ночь была звѣздная, на дорожкѣ хрустѣлъ снѣжокъ. Я поскользнулась и чуть не упала, а свѣча погасла. Илюша много смѣялся. *(Вздыхнувъ)*. Вы вѣрите въ дурныя примѣты?

Князь. Не знаю, Раиса, должно быть вѣрю.

Раиса. Вотъ Марья Семеновна руку обрѣзала. Я такъ и подумала—что-то случится. Не веселая наша свадьба, правда? Вашей женѣ здѣсь должно быть очень тоскливо. Вы уѣзжаете и мы уѣдемъ сегодня. Прощайте, Анатолий. *(Дрожащимъ голосомъ)*. Прощайте.

Князь. Прощайте.

Раиса. Вы куда-нибудь далеко уѣзжаете?

Князь. Да.

Раиса. Вамъ не будетъ опять плохо жить?

Князь. О, нѣтъ, напротивъ.

Раиса. Не понравилось у насъ, я такъ и думала. Здѣсь такая глушь. Совсѣмъ деревенское захолустье. А мнѣ всегда казалось, лучше нашихъ мѣстъ не найти. Я родилась вонъ въ томъ домикѣ, при церкви, а съ двѣнадцати лѣтъ, послѣ папиной смерти, живу у тети Вари. Илюша говоритъ, что сегодня кончилась моя юность. Конецъ глупымъ грезамъ. Правда это? Полканъ, собака наша, увидѣлъ меня и завылъ. Какъ не хорошо.

Князь. Раиса...

Раиса *(постынно)*. Что? Что?

Князь. Давеча въ саду я оскорбилъ васъ, Раиса. Дѣло въ томъ, что я ничтожный и грѣшный человекъ.

Раиса. Нѣтъ...

Князь. Я выродокъ. Такихъ людей не принято пускать въ порядочный домъ.

Раиса. Не вѣрю вамъ.

Князь. Я бывалъ не чистъ въ карты. Я не платилъ долговъ. Обманывалъ женщинъ. Ни разу не сдѣлалъ усилія стать лучше. Все послѣднее время жилъ на средства Марьи Семеновны. Я никого не любилъ... Вотъ почему я снесъ эту пощечину. Я заслужилъ ее. *(Раиса заплакала)*. Боже мой... Раиса...

Раиса. Все равно, мнѣ васъ жалко.

Князь. Поймите — этого не можетъ быть. Этого не можетъ быть... *(Входитъ Илья)*.

Илья. Звонячь. Ну что же—пора итти? А гдѣ всѣ?

Раиса. Въ залѣ.

Илья. Э, да ты плачешь? Послушайте, князь, вы и тутъ, кажется, поспѣли. Нажаловались? Ну, и пошлякъ же вы, ваше сіятельство.

Князь *(тихо)*. Вы раздражены и не правы.

Раиса *(Ильѣ дрожащимъ голосомъ)*. Если ты сію минуту не попросишь у него прощенья—мы поссоримся.

Илья. Это еще откуда громъ загремѣлъ? Я долженъ извиняться? Не узнаю тебя, моя милая.

Раиса. Я тоже тебя не узнаю, Илья.

Илья. Да ты книжекъ что ли какихъ-нибудь начиталась? Что такое? Откуда?

Раиса. Да, я слишкомъ много читала глухыхъ книгъ. *(Швыряетъ со стола нѣсколько томовъ.)* Читай самъ, пожалуйста.

Илья. Раиса.. ты съ ума сошла..

Раиса *(дрожащимъ голосомъ закрывъ глаза)*. Я не люблю тебя больше. Ты грубый, тупой, безсердечный, упрямый чеповѣкъ..

Илья. Чепуха... *(Вытираетъ лобъ.)* Дурацкія бредни. Ты отлично понимаешь, что мы должны... *(Кричитъ.)* Можеть-быть и мнѣ въ горлѣ застряла твоя свадьба! Я же молчу! *(Внезапно.)* Раиса, ты влюблена? Что? Ну? отвѣчай... Да?

Раиса *(молчитъ, стиснувъ зубы)*.

Князь. Оставьте ее.

Илья. Уйди.

Князь. Не мучайте ее.

Илья. Уйди, говорю.

Раиса. Уйди самъ, уйди самъ.

Князь *(беретъ его за плечи)*. Вы сильный и мужественный. Будьте же честнымъ въ любви.

Илья *(освобождается)*. Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ тебя убью..

Раиса. Не смѣешь. Боже мой, какъ глупо.

(Появляется Маша. Илья мгновенно утихаетъ и глядитъ на Касатку.)

Маша. Звонячь *(Ильѣ)*. Что глядите? Я васъ не съѣмъ. Илья. Вообще, какого чорта!

Маша *(протягивая руку)*. На-те.

Илья. Что это?

Маша. Должно быть, вы обронили.

Илья. Я ничего не терялъ.

Маша. Булавка отъ галстука. Возьмите. *(Она протягиваетъ руку, она быстро и крѣпко сжимаетъ ее.)*

Илья *(тихо)*. Пустите мою руку.

Маша *(тихо)*. Больно?

Илья. Да.

Маша *(тихо, взволнованно)*. Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Илья *(вырываетъ руку)*. Благодарю васъ. *(Маша дѣлаетъ жестъ отчаянья, она платкомъ вытираетъ кровь на рукѣ и идетъ къ выходу, юдъ появляются Варвара, Анна Аполосовна и Вѣрочка.)*

Варвара *(Ильѣ)*. Куда? Нѣтъ, не пушу.

Анна. Раиса, здравствуй душа моя. Вѣнчаться надумали. Повѣнчаемъ. Дѣло простое... Анатолій! Сударь мой! Здравствуй. *(Обнимаетъ его.)*

Варвара *(Ильѣ)*. Дѣвки съ деревни пришли, хотять славить. Какъ ты думаешь, хватить у насъ водки? *(Она подходитъ съ Ильѣй къ шкафу и мѣряетъ водку въ четверти. Въра чьлается съ Раисой. Маша отходитъ въ глубину за каминъ.)*

Анна *(окончивъ обнимать)*. Не узналъ старую тетку, Анну Аполосовну?

Князь. Что вы, тетя Анна! Конечно узналъ. Вы мало измѣнились.

Анна *(хохочетъ мужскимъ басомъ)*. Разодолжилъ. Подарилъ рублемъ! Да я, отецъ мой, совсѣмъ старая стала и мясовъ прибавилось вдвое. *(Хохочетъ.)* На прошлой недѣлѣ произошелъ даже отъ этого непріятнѣй пассажъ: ѣхали мы съ дядей Григоріемъ въ его коляскѣ, той, что на круглыхъ рессорахъ. И вдругъ, въ колдыбашинѣ, помнишь, за поворотомъ изъ роши, есть у меня рытвина, коляску тряхнуло и обѣ рессоры пополамъ. *(Хохочетъ.)* Ну, вѣдь и дядя Григорій не

легкокъ сталъ. Ты къ нему непремѣнно съѣзди, поклонись. Онъ тебя любить. Нехорошо, нехорошо родныхъ забывать, племянникъ. Что же ты мнѣ про себя не рассказываешь? Чай, поди, по министерству пошелъ? Лицо у тебя какое-то озабоченное.

Князь. Нѣтъ, тетя Анна, я не служу.

Анна. Ну и это тоже хорошо, грѣха меньше. А то нынче всѣ въ дѣла кинулись. Помѣщика нашего Бабыкина помнишь? У него еще наслѣдственный почичуй! Пошелъ служить и проворовался... Женать?

Князь. Нѣтъ, тетушка.

Анна (*взглянувъ на Касатку*). Слышала, слышала про твои проказы. У насъ въ уѣздѣ тетку Варвару никто, конечно, въ серъезъ не принимаетъ. У нея всегда кунсткамера въ дому. Либо воспитываетъ кого, либо спасаетъ. (*На ухо*.) Мой совѣтъ, подумай хорошенько, раньше чѣмъ жениться на твоей Жульетѣ. А лучше всего совсѣмъ не женись.

Князь. Благодарю васъ, тетушка, за совѣтъ.

Анна. Что же я тебя съ Вѣрочкой не познакомлю. Вѣра!

(*Вѣра перестаетъ шептаться съ Раисой и подходитъ.*)

Вѣра. Да, мама.

Анна. Познакомься, да поцѣлуй его: родственникъ.

Князь. Очень радъ увидѣть васъ, кузина.

Анна (*хлопнувъ дочь по спинѣ*). Она у меня, разумеется, „стремится“! А я еще по старинѣ: замужъ выйдешь, милая моя, тогда и стремись, хоть на луну. (*Отходитъ къ Ильѣ*.) Ну, а ты, женихъ, что нось повѣсилъ? Угости-ка меня табаккомъ. Крѣпкій навѣрно куришь?

Илья. Крѣпкій.

Вѣра (*князю шопотомъ*). Раиса мнѣ все рассказала. Какая трагедія! Она только тети Вари боится, иначе бы давно покончила съ собой. Но, если вы скажете хоть одно слово, она не пойдетъ подъ вѣнецъ.

Князь. Что вы говорите мнѣ...

Вѣра. Вамъ надо подойти къ Илюшѣ, нанести ему оскорбленіе перчаткой по лицу и вызвать на дуэль.

Князь. Я васъ не понимаю.

Вѣра. Произойдетъ страшный скандалъ, тетя Варя упадетъ въ обморокъ, у мамы разболится ишиась и батюшка откажется вѣнчать. А вы тѣмъ временемъ будете стрѣляться. Господи, сдѣлайте такъ, пожалуйста!

Князь. Благодарю васъ за лестное мнѣніе обо мнѣ, кузина. Къ сожалѣнію, я лишень права носить рыцарскія шпоры.

Вѣра (*подталкивая его*). Все равно это будетъ страшно интересно!

(*Вбѣгаетъ Дуняша.*)

Дуняша. Обѣдня началась. Батюшка безпремѣнно велѣлъ всѣмъ итти въ церковь.

Варвара. Ну, слава Богу.

Дуняша. Барыня, еще баринъ Желтухинъ велѣлъ вамъ сказать, что пріѣзжіе господа намъ къ счастью...

Варвара. Ахъ, оставь, пожалуйста, весь день лѣзетъ ко мнѣ со своими глупостями.

Дуняша. Виновата! (*Уходитъ.*)

Варвара. Ну, дѣти мои, Раиса, Илюша! Что, бишь, хотѣла вамъ сказать въ напутствіе? Многое что-то насочинила ночью, да голова дырявая стала. Присядемте. (*Всѣ присаживаются, Варвара вынимаетъ бумагу.*) Вотъ тутъ завѣщаніе. Я ужъ вамъ говорила. Свадебный подарокъ. Половину имѣнія отказываю Раисѣ, а другую половину—Ильѣ. А я у васъ такъ буду жить, завалющей старушонкой, покуда ноги не протяну... Да, вотъ еще, вамъ на дорогу каждому по триста рублей. (*Даетъ деньги въ конвертахъ.*)

Раиса. Тетя Варя, милая...

Илья. Тетушка...

Тетушка. Ну, ну, перестаньте благодарить. Не люблю. (*Указываетъ на садъ.*) Вотъ пойдете вы этой дорожкой, она будто и коротка, а путь по ней дальній. И преградъ много, а еще больше соблазновъ.

Анна. Много, много соблазновъ. Хорошо говоришь, Варвара.

Варвара. Но соблазны не страшны. Напротивъ. Одно только нужно—никогда не лгать. Въ чувствѣ своемъ быть честнымъ и вѣрнымъ. Любишь, не стыдись, люби во всю мочь, а разлюбилъ, такъ и скажи!

Маша *(иромко)*. Вотъ это вѣрно.

Анна. Что? Что такое?

Илья. Идемъ.

Варвара. Гмъ... Гмъ... Ну пойдете, друзья.

Анна. Раиса, дай-ка мнѣ руку, дитя мое *(дочери)*. Подалее отъ этой женщины! Да не забудь оторвать у невѣсты кусокъ фаты.

Вѣра. Очень нужно! Такой бракъ, фи! *(Уходитъ.)*

Варвара. Илюша, а ты мнѣ дай руку.

Илья. Тетушка, я лучше пойду самъ.

Варвара. Тогда, Анатолий, дружокъ мой, возьми-ка меня... Ноги что-то ослабли. *(Всѣ направляются къ выходу.)* Марья Семеновна, а вы что же?

Маша. Я не пойду въ церковь.

Варвара. Воля ваша.

Анна. Такъ-то и лучше, безъ постороннихъ. *(Всѣ уходятъ. Маша беретъ гитару, трогаетъ струны. Появляется Желтухинъ.)*

Желтухинъ. А я въ церковь иду.

Маша. Иди.

Желтухинъ. Ладана боишься? Вѣдьма. Что — сорвала свадьбу! А я послѣ вѣнца передъ тетушкой на колѣни встану... И мнѣ не стыдно! Стану и разревусь. Да-съ. Пойди-ка такого выгоны на вѣтеры!

Маша. Пошелъ вонъ. *(Желтухинъ исчезаетъ. Маша беретъ нѣсколько аккордовъ. Затѣмъ облокачивается и плачетъ.)* Люблю, люблю, люблю...

(Пауза. Появляется Илья, на лицѣ его кривая усмѣшка.)

Маша *(вскрикиваетъ)*. Пришелъ!

Илья *(сильно вздрогнувъ)*. На одну минуту. *(Подходитъ.)* Во всей жизни нашлась одна только минута. Я слишкомъ много терпѣлъ. Грѣхъ, грѣхъ, но вѣдь жжетъ меня... Касатка, прощай! *(Порывается ее обнять, она рѣзко отстраняется.)*

Маша. Я закричу на весь домъ.

Илья. Почему?

Маша. Прошла охота.

Илья. Но ты нарочно ждала меня?

Маша. Ждала.

Илья. Знала, что придутъ?

Маша. Знала.

Илья. Такъ что же тебѣ? Эта минута быть-можетъ больше всей моей жизни.

Маша. А мнѣ теперь дѣла нѣтъ до твоей жизни. Пропади ты съ невѣстами, съ тетками... Тоже—сокровище подарилъ, минутку! Что я на ней верхомъ стану скакать! Да мнѣ теперь и всего-то тебя не надо. Много возни съ такимъ.

Илья. Я не уйду.

Маша. Вотъ и хорошо. Давай въ шашки играть.

Илья. Не мучай меня!

Маша. Очень нравлюсь?

Илья. Тебѣ нужно, чтобы я оказался подлецомъ.

Маша. Вотъ сейчасъ совѣмъ обижусь. Иди, дружокъ, вѣнчайся хоть со всей деревней. Черезчуръ ты ни въ чемъ невиноватый. Прѣсный.

Илья. Маша, что мнѣ дѣлать?

Маша. Идите въ церковь и на „ты“ больше не разговаривать. Скоро я сама стану княгиня. Тогда ужъ никто не посмѣетъ выпрашивать минутку. *(Беретъ его подъ руку.)* Погибшее созданіе, видно? Смириться мнѣ нужно? А я на солнышкѣ отогрѣлась и вдругъ вообразила, что и меня можно полюбить на всю жизнь... *(Илья обхватываетъ ее и цѣлуетъ.)* Цѣлуйте... Все равно. Богъ съ вами. Люблю.

Илья. Подожди! Подожди, Маша... *(Глядитъ ей въ лицо.)* Милая... Маша! *(Внезапно.)* Ёдемъ!

Маша. Куда?

Илья. Не знаю. Ёдемъ. Все равно.

Маша. Съ ума сошелъ!

Илья (*торопливымъ, страстнымъ шопотомъ*). Тройка запряжена... въ каретникъ... я самъ приказалъ... Трехлѣтики... какъ вѣтеръ...

Маша. Что ты... что ты... Раиса?

Илья. Плевать. Ничего не бери съ собой... только пледъ... Мы пробѣжимъ черезъ вишенникъ... Сюда идуть... скорѣе...

Маша. Боюсь!

Илья (*схватываетъ ее на руки*).

Маша. Пусти.

Илья. Молчи, молчи... (*Несетъ ее къ выходной двери*.)

Маша. Илья. Илюша. Любовь моя. Радость!..

(*Илья съ Машей на рукахъ скрывается. Изъ сада появляется Желтухинъ.*)

Желтухинъ. Илья Ильичъ, васъ ждуть. Илья Ильичъ... Маша. Машенька... Эй, господа, куда же вы... Батюшки свѣты... (*Стучитъ въ дверь*.) Марья Семеновна, послушайте, такъ, право, неудобно. Прислушивается, и въ это время за окномъ проносится съ бѣшенымъ топотомъ и звономъ тройка. Увезъ! Увезъ! Держите его! Разбойникъ! (*Съ этими словами онъ бросается къ выходу. За сценой гулъ коловозовъ, женскій крикъ, и, когда занавѣсъ опускается, слышенъ набатъ.*)

(Занавѣсъ)

ДѢИСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маленькая пристань на Волгѣ. Горитъ керосиновый фонарь. Въ темной водѣ отражаются звѣзды. Громко щелкаютъ соловьи на берегу. На мѣшкахъ спитъ Касатка, съ боку выходитъ Илья и матросъ Панкратъ, который почесывается. Онъ босяк и безъ шапки.

Илья. Когда же, наконецъ, придетъ пароходъ, я спрашиваю?

Панкратъ. Пароходу скоро надо быть. (*Плავетъ съ воду*.) Черезъ три четверти часа.

Илья. Ты эти три четверти часа брось. Говори прямо, насколько опозданіе?

Панкратъ. Дешпи не было, мы не знаемъ. (*Увѣренно*.) Пароходъ обязательно сидитъ на мели.

Илья. Ну, а пароходъ снизу?

Панкратъ. Меркурьевскій-та?

Илья. Да.

Панкратъ. Они въ одно время проходятъ.

Илья. Почему же Меркурьевского нѣтъ до сихъ поръ?

Панкратъ. Тоже, чай, на мель залѣзъ. Развѣ здѣсь мыслимо проѣхать. Перекаты.

Илья. Что же намъ теперь дѣлать?

Панкратъ. Свѣтать скоро начнетъ. Соловей шибко запѣлъ. Это онъ непремѣнно къ дождю. Али такъ поетъ, шутъ его знаетъ! Бѣда, много соловья въ тѣхъ кустахъ. А рыба, говорятъ, вся ушла въ Каму. Вотъ, паря!

Илья. Свѣжо. Вѣтерокъ поднялся, (*Пледомъ прикрываетъ ноги Маша. Она просыпается.*)

Маша. Илья! Милый...

Илья. Парохода все нѣтъ.

Маша. Мнѣ снилось сейчасъ... Ахъ, какъ странно!

Илья. Что снилось тебѣ?

Маша. Я заснула на этихъ мѣшкахъ. Кажется, такъ сладко никогда не спала. *(Кладетъ руку Ильи на плечи.)* Тихо. Вода плещется... Кто это щелкаетъ?

Илья. Соловьи.

Маша. Ну-да!

Панкратъ. Чаю не желаете? Чайникъ все равно буду кипятить.

Илья. Хорошо. Да. Пойди вскипяти.

(Панкратъ уходитъ.)

Маша. Илья, такой ночи не было въ жизни.

Илья. Тебѣ не сыро?

Маша. Нѣтъ. Знаешь, что мнѣ снилось? Будто я лежу въ полѣ, и я простая, деревенская, какая была давно. Въ темнотѣ въ полѣ—шаги и никого не видно. А я все-таки знаю, что идешь ты. Вотъ и весь сонъ.

Илья. Маша, какъ я люблю тебя!

Маша. А мнѣ, Илья, грустно немного. *(Постышно.)* Нѣтъ, нѣтъ, я тебя никому не отдамъ. Но что-то мнѣ печально. Слѣшкомъ хорошо здѣсь, съ тобой... И эти руки, точно мои руки, и голова не моя, и колѣни не слушаются... *(Илья наклоняется и цѣлуетъ ей колѣни.)* Жалко мнѣ всѣхъ стало. Больше всего Абрама, вотъ ужъ кто безъ грѣха. И князя жалко. Растерялся, несчастный, и Раисѣ твоей не легко, самолюбіе все-таки женское. Прости меня, Илья, только мнѣ все кажется, будто бы намъ не за что такое счастье! *(Вздыхаетъ.)* Я бы сейчасъ Богу помолилась...

Илья. Хочешь, я въ Волгу прыгну?

Маша. Зачѣмъ?

Илья. Такъ, не знаю.

Маша. А правда, легко сейчасъ и умереть. Ночь-то, ночь! Хоть бы не кончалась.

Илья. Когда вернемся, мы все имъ расскажем. Они простятъ. *(Уверенно.)* Они не могутъ не простить.

Маша. Да. Нужно вернуться.

Илья. Когда? Сейчасъ? *(Она киваетъ головой.)* Маша, а пароходъ?

Маша. Пароходъ будетъ потомъ, когда-нибудь.

Илья *(дрожащимъ голосомъ)*. Я отпустилъ лошадей.

Маша. Я люблю тебя, знаешь какъ? Всей душой... Кровью люблю...

Илья *(цѣлуетъ ее)*. Люблю всей кровью. *(Цѣлуетъ.)* У тебя свѣтятся глаза. Волшебное, дивное лицо!

Маша. Долго ты будешь любить меня?

Илья. Маша, какъ не стыдно!

Маша. По моему расчету два года. Не обижайся. Илюша. Мнѣ понятнѣе, если думаю, что ты бросишь меня когда-нибудь. Понятнѣе и грустнѣе и больше тебя люблю. Развѣ я такая, чтобы меня любить всю жизнь? Что ты, Илья?

Панкратъ *(входитъ)*. Чайникъ вскипѣлъ,

Илья. Хорошо, хорошо, мы сейчасъ придемъ.

Панкратъ. Чай, сахаръ чей будетъ, вашъ или своего заварить?

Илья. Маша, пойдемъ на берегъ.

Маша. Пойдемъ.

Панкратъ. Съ кормы сходите прямо на песокъ. А тутъ гризшиша.

Илья *(съ досадой)*. Знаемъ. *(Онъ и Маша уходятъ направо.)*

Панкратъ. Какой сердитый! Тоже не велика птица—соловей...

(Онъ глядитъ на сходи, на которыхъ появляется Желтухинъ съ гитарой и чемоданомъ.)

Желтухинъ *(подойдя и опуская вещи)*. Какъ звать-то?

Панкратъ. Панкратомъ.

Желтухинъ. Скоро будетъ пароходъ?

Панкратъ *(слезивается)*. Черезъ три четверти часа.

Желтухинъ. Вотъ, братецъ ты мой, какія дѣла! Уѣзжаю.

Панкратъ. Далеко?

Желтухинъ. За границу.

Панкратъ. Не понравилось.

Желтухинъ. Такъ, какъ-то... Не душевно. Скучно. Дороги ужасно пыльные. И люди какіе-то дикіе у васъ. Удивительно некультурно. Глушь."

Панкратъ. За границей, что говорить, легче. Давеча на баржѣ мужики плыли хвалынскіе—бѣда. Шестыя сутки ругаются на всю Волгу, пьяные.

Желтухинъ. Не останавливаясь ни въ одной изъ европейскихъ столицъ проѣду прямо въ Монте-Карло. Видишь чемоданъ. Мой пріятель наигралъ его полный денегъ, триста съ чѣмъ-то тысячь въ одну ночь. А чемоданъ потомъ мнѣ подарилъ. И вездѣ у нихъ асфальтовые дороги, автомобили, кафе на каждомъ поворотѣ. Сигара стоитъ три копейки самая лучшая.

Панкратъ (*съ сопитіемъ*). Вы кто же—рускій?

Желтухинъ. Русскій дворянинъ. А что на пароходѣ имѣется четвертый классъ?

Панкратъ. На товарныхъ бываетъ четвертый классъ.

Желтухинъ. У меня вогъ тутъ поросеночекъ съ собой, да баранья ножка. Кабы водочки? А?

Панкратъ. Гдѣ ее достать. Сами бьемся.

Желтухинъ (*душевно*). Я бы выпилъ, Панкратъ.

Панкратъ. Ну, ужъ идемте. (*Они идутъ нальво, въ это время слышенъ колокольчикъ*).

Желтухинъ. Подожди. А вдругъ это Варвара Ивановна ѣдетъ? За мной? Одумалась? Панкратъ?

Панкратъ. Все можетъ быть.

(*Колокольчикъ ближе и голосъ тпрррру*).

Желтухинъ. Варвара Ивановна необыкновенная женщина, но крута. Я даже руками развелъ—кремень. (*Появляется Варвара*).

Варвара (*Желтухину*). Вы что же это—пѣшкомъ ушли? Я, кажется, могла дать лошадей.

Желтухинъ. Ей Богу...

Варвара. Думаю, что это вы тоже назло мнѣ сдѣлали, для сраму.

Желтухинъ. Въ мысляхъ не было такой гадости.

Варвара (*трясетъ головой*). Стыдно, очень стыдно. (*Панкрату*). Кто-нибудь еще дожидается здѣсь парохода, кромѣ него?

Панкратъ. Дожидаются.

Варвара. Кто же? Можетъ-быть Илья Ильичъ.

Панкратъ. Онъ самый.

Варвара (*Желтухину*). Опять это вы все напутали. Онъ здѣсь, а я его по всему Мелекесу ищу. Гдѣ же Илья Ильичъ?

Панкратъ. На пескѣ.

Варвара. То-есть, на какомъ пескѣ?

Панкратъ. Вонъ поправѣе тѣхъ кустовъ, тамъ, надо быть, онъ и находится.

Варвара. Вонъ у тѣхъ кустовъ?

Панкратъ. Это не кусты, это телѣги стоятъ, а полѣвѣе чуть, тамъ кусты.

Варвара (*съ волненіемъ и надеждой*). Одинъ?

Панкратъ (*площувъ*). Съ женщиной.

Желтухинъ (*Варварѣ*). Позвольте я васъ провожу.

Варвара. Нѣтъ ужъ, Абрамъ Алексѣвичъ, это мое семейное дѣло. (*Уходитъ направо*).

Желтухинъ. Сердится она на меня, или вообще взволнована? Какъ по-твоему? Дѣло-то, видишь ли, въ томъ, что Илья Ильичъ удралъ изъ-подъ вѣнца съ одной дамой. Присшествіе въ высшей степени неприятное, но надо посмотреть философски, съ птичьего полета. Можетъ-быть все это къ счастью. А какъ я сказалъ ей, Панкратъ, это слово... Боже ты мой... Вспомнить жутко... Я въ купальню спрятался. И, знаешь, сижу тамъ, гляжу на воду—тихо, птички летаютъ, а у меня слезы прямо градомъ. Опять городъ, опять номера, биллиарды, времяпрепровожденіе... не тѣ года мои, Панкратъ...

Панкратъ. А вы ее хорошенько попросите, она барыня ничего себѣ.

Желтухинъ. Не могу я просить, какой ты, право...

Панкратъ. Вамъ самое подходяще къ ней на хлѣба. Спокойно.

Желтухинъ. Не совѣмъ на хлѣба. Я бы и по хозяйству могъ распорядиться. Но въ особенности огорода. Такой, братъ, тебѣ артишокъ выращу—съ капустный кочанъ. Ей Богу, гораздо больше, чѣмъ съ капустный кочанъ. Я, Панкратъ, сегодня напьюсь пожалуй. *(Уходитъ съ Панкратомъ налево, унося штату. На которой осторожно появляются Раиса и князь, съ маленькимъ чемоданчикомъ. Говорятъ громкимъ шопотомъ).*

Раиса. Увѣрю васъ, я слышала голоса.

Князь. Никого нѣтъ.

Раиса. А вдругъ здѣсь тетя Варя?

Князь. Нѣтъ, она бы насъ обогнала.

Раиса. Она могла изъ Мелекса проѣхать прямо верховой дорогой.

Князь. Тогда что?

Раиса. Ай.. Слышите?

Князь. Да... Но я думаю, что это матросы.

Раиса. Все-таки очень страшно.

Князь. Раиса... Вамъ страшно? Вы уже раскаиаетесь? Быть-можетъ вернуться?

Раиса. Вернуться... Что вы... Нѣтъ... Они замучили меня. Вы сами видѣли, какъ тетя Анна затискала Вѣрочку въ коляску, увезла ее отъ грѣха подальше. Должно быть я, дѣйствительно, порочная личность. Я не хотѣла вѣнчаться, заставили, а теперь я же оказалась виновата.

Князь. Раиса, вы обѣщали не вспоминать...

Раиса. Какъ же не вспоминать, когда отъ меня даже изъ церкви бѣгаютъ. Я очень рада, что Илья отвязался, но во вѣдъ теперь всякій отъ меня убѣжитъ. И такъ будетъ всегда, до скончанія вѣковъ. А вы-то, покуда сюда ѣхали, развѣ не перемѣнились... Да, да, да, я замѣтила, какъ вы всю

дорогу глядѣли на звѣзды, думали о вашей Марьѣ Семеновнѣ. Я ужасно несчастна. Я одна поѣду... Поступлю на телеграфъ въ Симбирскѣ.

Князь. Раиса..

Раиса. Вотъ, вотъ, вотъ, именно Раиса. *(Съѣла на скамью, заплакала).*

Князь. О чемъ?..

Раиса. Вы такой странный.

Князь. Вы должны понять.. Я не смѣю прикоснуться даже къ вашей рукѣ..

Раиса. Въ высшей степени обидно... Сама же предложила вамъ уѣхать и теперь вижу, что вы ѣдете только изъ вѣжливости.

Князь. Нѣтъ.. Нѣтъ..

Раиса. Но чего же вы молчите все время? Да, нѣтъ..

Князь. Раиса.. Каждое слово мнѣ приходится отрывать съ кровью... Я не смѣю вамъ говорить нѣкоторыхъ словъ..

Раиса. Какихъ.

Князь. Это кощунство... Я столько разъ легко повторялъ... Нѣтъ, Раиса... я мучаю, оскорбляю васъ..

Раиса *(поспѣшно)*. Да, да ужасно оскорбляете. Ну? *(Глядитъ ему въ ротъ. Пауза).*

Князь *(слабымъ страшнымъ голосомъ)*. Люблю тебя.

Раиса. Ай. *(Шопотомъ)*. Носовой платокъ.

Князь. Сейчасъ, сейчасъ... *(Достаетъ изъ чемодана).*

Раиса. Это совѣмъ не платокъ. Пустите, нельзя у меня рыться въ чемоданѣ. *(Достаетъ платокъ)*. Очень скоро вы разочаруетесь во мнѣ, я ужъ знаю. *(Громко было заплакала. Князь наклоняется къ ней).*

Князь. Люблю васъ. Люблю васъ... *(Шепчетъ).*

Раиса. Анатолий.. Милый.. *(Послѣ долгаго пощелуя)*. Ахъ, что вы.

Князь. Этимъ пощелуемъ вы сняли съ меня весь грѣхъ.

Раиса. Я боюсь—мы опоздали на пароходъ.

Князь. Матрость.

Раиса. Панкратъ.
Панкратъ. Иду, иду. *(Появляется)*. Вамъ чего?
Раиса. Пароходъ.
Панкратъ. Пароходъ не проходилъ. Запаздываетъ.
Раиса. На сколько?
Панкратъ. На три четверти часа.
Раиса. Хорошо, иди.
Панкратъ. Соловьи-то, а? Самая безпкойная птица.
Князь. Благодарю васъ.
Панкратъ. Чаю не желаете?
Князь. Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ.

(Панкратъ уходитъ. Князь близко около Раисы.)

Раиса. Ну?
Князь. Какіе милые волосы. Какія маленькія руки. Дѣтскій, заплаканный ротъ...
Раиса. Видите тамъ огонекъ, это фонарь горитъ на мели. Пароходъ сюда не пристаетъ. Мы выѣдемъ къ нему на лодочкѣ! *(Тихо)*. Я полюбила васъ съ перваго дня, какъ увидала.

(Они цѣлуются. Появляется Илья.)

Илья *(громко кашляетъ)*.
Князь *(отскакиваетъ отъ Раисы, Ильи)*. Я готовъ драться съ вами какимъ хотите оружіемъ!..
Илья *(внезапно начинаетъ хохотать)*.
Князь. Превосходно. Вы мнѣ неприятны. *(Ударяетъ его перчаткой)*.
Илья *(обхватываетъ его)*. Да, молодецъ, молодчина, хватъ! Маша, Маша! *(Появляется Маша)*.
Князь. Пустите же. *(Освобождается)*. Я не позволю шутить надъ Раисой Глѣбовной, вы слышите?
Раиса *(Ильи)*. Я тебя ненавижу.
Илья. Извиняюсь. У меня это нервный смѣхъ. Ей Богу, мнѣ не до смѣха... Маша, они цѣловались. *(Смѣется)*. А мы собрались прощенья просить.

Раиса. Мы не нуждаемся въ вашихъ извиненіяхъ. Анатолий, пожалуйста, идемте на берегъ.

Князь. Да, сейчасъ идемъ. Марья Семеновна, я хочу только предупредить васъ, что считаю себя передъ вами въ большомъ долгу и готовъ исполнить всѣ ваши требованія,— всѣ кромѣ одного.

Маша. Спасибо, Анатолий. Попрошу тебя только объ одномъ,—вы ужъ простите, Раиса Глѣбовна, общай никогда не брать въ руки картъ...

Князь *(строго)*. Марія Семеновна...

Раиса. Марья Семеновна...

Илья. Ну, довольно. Мы у васъ прощенья попросили, квиты, вы желаете сердиться, а мы уходимъ.

Князь *(Ильи)*. Я всегда къ вашимъ услугамъ.

Илья. Ладно.

(Въ это время Желтухинъ, незамѣтно подкравшись, бросается на Илью.)

Желтухинъ. Вотъ ты гдѣ, разбойникъ! Не уйдешь! Не пушу!

Маша. Абрамъ, ты откуда взялся?

Желтухинъ А... Удрать хотѣли! Лататы, голубчики!

Илья *(стряхивая его)*. Не цѣпляйтесь вы за меня.

Желтухинъ *(кричитъ)*. Тетя Варя, Тетя Варя! Поймайте! Держу!

Раиса. Боже мой, здѣсь тетя Варя...

Илья. Маша, ты только не бойся.

Желтухинъ. Тетя Варя!

Голосъ Варвары. Иду, иду. *(Молчаніе, слышны шаги по мосткамъ, тяжелое дыханіе. Появляется Варвара)*.

Желтухинъ. Вотъ они, всѣ здѣсь. *(Пододвигаетъ стулъ)*. Пожалуйста.

Варвара. Всѣ здѣсь. Ну давайте говорить. *(Садится)*. Спасибо тебѣ, Илья. Осрамилъ на весь уездъ. Большое будетъ веселье въ уездѣ. Да ужъ я-то старый грибъ, на меня можно и наплевать. А вотъ что намъ съ дѣвушкой дѣлать.

послѣ такого позора? Въ монастырь—одно мѣсто. Вѣдь послѣ такихъ исторій на дѣвцахъ не женятся. Развѣ что найдется какой-нибудь отпѣтый человѣкъ... А гдѣ его я буду искать?

Князь. Тетушка...

Варвара. Помолчи.. Ну, Илья. Грустно тебѣ—вижу. Но послѣ самъ поблагодаришь, что во-время тебя остановили отъ безумія... Отойди отъ этой женщины.

Илья. Тетя Варя. Маша моя жена. Пусть это всѣ зарубятъ у себя на носу. Моя жена.

Варвара. Что ты говоришь... Илюша...

Илья. Это кажется тебѣ невѣроятнымъ, недопустимымъ и прочее. Согласенъ. Поэтому мы уѣзжаемъ въ Астрахань, а вернемся недѣли черезъ три. И въ твой домъ, тетка. Надѣюсь къ этому времени все будетъ и вѣроятно и допустимо.

Варвара. Твоя жена, Илюша. Какая бѣда.

Илья. По-твоему бѣда, а по-моему это такое счастье, о какомъ я не смѣлъ мечтать. И вотъ, кстати,—Раиса выходитъ, кажется, замужъ, за князя. Можешь съ ними и утѣшаться сколько душъ угодно. Хотя они тоже уѣзжаютъ.

Варвара. Раиса... Анатолий... Вы шутите надо мной?..

Князь. Нѣтъ, тетушка, мы не шутимъ.

Раиса. Тетя Варя.

Варвара. Не подходите ко мнѣ.. Своевольники. Безстыдники. Этого я не переживу, такъ вы и знайте...

(Два гудка парохода, одинъ за другимъ).

Панкратъ. Самолетъ подошелъ и Меркурьевскій. Въ одно время, аккуратно. Пожалуйте въ лодку.

Варвара. Прочь, прочь. Дѣлайте, какъ хотите. Уѣзжайте съ глазъ долой. Не хочу васъ, не хочу никого. Панкратъ, подавай лодку молодымъ господамъ.

Панкратъ. Есть.

Раиса. Тетя Варя, простите насъ...

Варвара. Уѣзжай.

Илья. Ну, тетка, мы тебѣ все напишемъ съ дороги.

(Князь, Раиса и Илья идутъ къ трапу, спускаются въ лодку. Маша подбѣгаетъ къ Варварѣ и опускается у ея ногъ).

Маша. Я буду ему вѣрной женой. Такой смиренной—вы и не услышите меня. Ни одна женщина не сможетъ такъ позаботиться объ Илюшѣ, какъ я. Не успѣетъ онъ и подумать, а ужъ я все исполню. Вездѣ поспѣю. Не гнѣвайтесь, простите насъ, Варвара Ивановна. Я много, очень много была грѣшна, а полюбила въ первый разъ... Илюшу. Позвольте мнѣ жить съ нимъ, покуда онъ самъ не разлюбитъ.

Варвара *(глядитъ въ ея лицо)*. Такъ вы любите его? Да? *(Дѣлаетъ движеніе, чтобы обнять и отстраняетъ)*. Нѣтъ, не могу сейчасъ. Уѣзжайте. Да ужъ недолго прохладжайтесь на пароходахъ. Рожь надо жать.

Илья. Маша...

(Маша кланяется и уходитъ).

Желтухинъ *(перешагивая черезъ перила)*. Прощайте, господа. Меня-то забыли?

Голоса. Прощай. Абрамъ. Жди насъ. Писать будемъ. Прощай.

Желтухинъ. Пишите. Пишите. Счастливый путь.

(Онъ машетъ шляпой, слышны плескъ веселъ и голоса отъѣжающихъ). Желтухинъ поворачивается къ Варварѣ. Каковъ неожиданный поворотъ обстоятельствъ, Варвара Ивановна. Даже недолго и прослезиться. А я рѣшилъ съ товарнымъ пароходомъ поѣхать. И удобнѣе, какъ-то, и дешевле. За границу ѣду.

Варвара. Уѣхали. Что-то будетъ? Въ одну минуту все разломали, все перевернули, нашумѣли, по-своему устроились. Стариковъ имъ не надо, сами все лучше знаютъ. Глупья, глупья, смѣшныя дѣти... Боже мой, Боже мой, но вѣдь Раиса даже калошъ не взяла. Ахъ, дѣвчонка.

Желтухинъ. На пароходѣ сухо, Варвара Ивановна.

Варвара. Что?

Желтухинъ. Я говорю, вотъ она, любовь-то. *(Разводитъ руками)*. И намъ, старикачъ, одно остается—надѣяться, что все будетъ къ счастью. Виновать, Варвара Ивановна, я

въ томъ смыслѣ, что самое главное въ жизни—любовь—съ во-
всѣхъ проявленіяхъ, остальное все, повѣрьте мнѣ, не заслу-
живааетъ большого вниманія. Одна любовь-съ.

Варвара. Любовь. Любовь. Вотъ ужъ и свѣтаетъ. И
соловьи поютъ громче.

Желтухинъ. Не смѣю васъ больше беспокоить. Про-
щайте, Варвара Ивановна.

Варвара. Прощайте, батюшка. Что я хотѣла вамъ ска-
заться... Да.. Куда ѣхать-то собрались. За границу? Тамъ, чай,
и безъ васъ обойдутся. Оставайтесь у меня жить, все равно.

Желтухинъ. Кто? Я? У васъ... Жить?

Варвара. Молодежь будемъ поджидать вмѣстѣ. Не по-
ссоримся. *(Идетъ съ мостковъ на берегъ. Желтухина за ней).*

Желтухинъ. Варвара Ивановна, словъ у меня нѣтъ
никакихъ. Лишился. А, кромѣ того, давно хотѣлъ сказать, я,
Варвара Ивановна, большой мастеръ артишоки выгонять.
Это у меня наслѣдственное... *(Варвара вздыхаетъ. Издалека
прощальные голоса. Шелкаютъ соловьи. Разсвѣтъ).*

(Занавѣсъ)

10 ноября 1916 года

КУКУШКИНЫ СЛЕЗЫ

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марья Петровна Огнева, актриса.

Степанъ Александровичъ Хомутовъ, ея мужъ.

Дмитрій Ивановичъ Яблоковъ, его другъ, челоуѣкъ пожилой.

Давыдъ Давыдовичъ Бабинъ, богатый землевладѣлецъ, изъ крестьянъ.

Наталья Владимировна Бѣльская, сирота, имѣетъ свой домъ въ уѣздномъ городѣ.

Шавердовъ, почтмейстеръ.

Анюта.

Дарья.

Гармонистъ.

Два мужика.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городкѣ, въ началѣ іюня

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Низкая комната, грязь и нищета. Окно и двѣ двери, одна выходная, другая въ чуланъ. Хомутовъ лежитъ на кровати. Яблоковъ у стола ѣстъ. Изъ двери высовывается почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Яблоковъ, поди-ка сюда.

Яблоковъ. Да ну тебя.

Почтмейстеръ. Иди говорю: получена невѣроятная телеграмма.

Яблоковъ. Вотъ ты врешь, братецъ мой, цѣлый день врешь.

Почтмейстеръ. Да ты выдь-ка.

Яблоковъ. *(переставя пѣть.)* А что такое? *(За дверью звонокъ.)*

Почтмейстеръ. Погоди, сейчасъ приду. *(Скрывается.)*

Яблоковъ. Ходить и врать. Всякія шуточки выдумываетъ. Никто ему не вѣритъ. А можетъ, и правда какая-нибудь телеграмма? *(Бросаетъ ложку.)* Только ссадины въ животѣ отъ этой каши, чортъ съ ней. Такъ, братъ ты мой, туго намъ, какъ никогда не бывало. Что дѣлать? А?

Хомутовъ. Не знаю, что намъ дѣлать.

Яблоковъ. Чего ты валяешься?

Хомутовъ. Такъ, валяюсь.

Яблоковъ. Слушай, князь Хованскій про тебя опять спрашивалъ. Я понимаю—ему нуженъ управляющій, который бы не кралъ; хоть дуракъ, только бы не воръ. Ты какъ объ этомъ думаешь?

Хомутовъ. А мнѣ какое дѣло.

Яблоковъ. То есть, какъ какое дѣло? Объясни мнѣ, пожалуйста — какъ тебѣ какое дѣло? *(Совершенно разсердился.)* Бездѣльникъ, лежебока.

Хомутовъ. Извини, Митя, въ управляющіе къ князю я не пойду.

Яблоковъ. Нѣтъ, ты мнѣ объясни, почему въ управляющіе не пойдешь.

Хомутовъ. Такъ.

Яблоковъ. Такъ?

Хомутовъ. Перестань, Митя, на меня сердиться, пожалуйста. Во-первыхъ, никакой князь меня въ управляющіе не зоветъ, ты все это выдумалъ.

Яблоковъ. Я выдумалъ?

Хомутовъ. Ну не выдумалъ, такъ показалось. Князь отлично знаетъ, что я никуда, ни къ чему не гожусь. А спрашиваетъ прямо изъ любопытства: что я — умеръ съ голода, или еще живъ. А во-вторыхъ, я вообще не желаю работать. Мнѣ жить не хочется. Понялъ?

Яблоковъ. Дворянчикъ!

Хомутовъ. Если тебѣ такъ понадобились деньги — иди самъ въ управляющіе.

Яблоковъ. Какъ же я пойду въ управляющіе, я могу провороваться. Вообще я совершенно не знаю, что дѣлать. У насъ ни копейки. Давеча у судьи въ девятку играли, я думаю: что такое карты? Случай, удача. Почему бы мнѣ девятку не выдернуть изъ колоды, а? И только хотѣлъ рискнуть, а у самого карты въ рукахъ вотъ такъ и заходили, судья глядитъ и смѣется... И все черезъ тебя я чортъ знаетъ къмъ сталъ.

Хомутовъ. Покуда у меня было имѣніе — я жилъ на счетъ мужиковъ. Теперь я живу на твой счетъ. Извини, Митя, если тебѣ очень трудно.

Яблоковъ. Перестань.

Хомутовъ. Ссоримся, суетимся, весь день заботы о какихъ-то мелочахъ, а умремъ все равно въ назначенный срокъ. Всѣ уйдемъ въ космосъ.

Яблоковъ. Куда?

Хомутовъ. Въ космосъ.

Яблоковъ. Что это за манера жалкія слова говорить. Иди, умойся. Наташа сейчасъ придетъ.

Хомутовъ. Наташа? Къ намъ? зачѣмъ? *(Встаетъ съ постели.)*

Яблоковъ. По дѣлу. *(Хомутовъ идетъ въ чуланъ, и слышно, какъ тамъ фыркаетъ водой.)* Давыдъ Давыдовичъ опять ей предложение сдѣлалъ.

Хомутовъ *(изъ чулана)*. Хорошая пара. Давыдъ Давыдовичъ красивъ и богатъ.

Яблоковъ. Представь — она опять ему отказала. Онъ всѣ ея векселя скупилъ и векселями ее тѣснить, силой хочетъ заставить итти замужъ. Вотъ мужицкая-то кровь гдѣ сказала! Только не на такую напалъ: Наташа дѣвчонка, дѣвчонка, а какой характеръ. Ну, а если я за дѣло взялся — онъ на ней женится.

Хомутовъ. Еще бы.

Яблоковъ. Анютку знаешь, дьячкову дочь?

Хомутовъ. Знаю.

Яблоковъ. Сейчасъ Давыдъ Давыдовичъ съ ней по булвару гуляетъ передъ Наташиными окнами. Понялъ?

Хомутовъ. Нѣтъ.

Яблоковъ. Это мой новый планъ. Ударъ по самолюбию. Знаешь, у меня полна голова разныхъ плановъ. Примѣнь ихъ не къ чему, вотъ горе. *(Входитъ почтмейстеръ)*. Ты что, опять вратъ пришелъ?

Почтмейстеръ *(громко)*. Нѣтъ, я вратъ бросилъ, нынче я за барышнями ухаживаю. *(Манитъ Яблокова пальцемъ)*.

Яблоковъ. Ну?

Почтмейстеръ *(тихо)*. Телеграмма.

Яблоковъ. Отъ кого?

Почтмейстеръ *(подавая телеграмму)*. У меня даже въ ухахъ зазвенѣло.

Яблоковъ *(прочтя вскрикиваетъ)*. Ради Бога, ничего ему не говори.

Почтмейстеръ. Вотъ это сюрпризъ.

Яблоковъ. Ударъ.

Почтмейстеръ (*указывая на чуланъ*). Ты говоришь — я вру, а до чего онъ доврлся.

Яблоковъ. Съ нимъ ударъ можетъ случиться. Надо подготовить. Я буду издалека. (*Въ дверь стучатъ*). Войдите! (*Входитъ Наташа*). Наташенька, голубушка моя, ручку.

Наташа. Здравствуйте, Дмитрий Ивановичъ, я къ вамъ по дѣлу.

Почтмейстеръ. У него всѣ чувства сейчасъ кверху ногами, какъ говорится.

Яблоковъ (*показывая Наташѣ телеграмму*). Вотъ, не угодно ли прочесть, что намъ преподнесли.

Почтмейстеръ. На что я хладнокровный скептикъ, а какъ прочесть — даже вспотѣлъ... извиняюсь.

Наташа (*прочитавъ телеграмму*). Боже мой, что же вы, будете дѣлать?

Яблоковъ. Тсс... Главное, необходимо его подготовить... Степань!

Хомутовъ (*изъ чулана*). Сейчасъ выйду.

Яблоковъ. Моется.

Наташа. Дмитрий Ивановичъ, я пришла къ вамъ за помощью.

Яблоковъ. Батюшка вашъ покойный, царствіе ему небесное, когда умиралъ — говорилъ: твердо помни, Дмитрий, поручаю дочь мою тебѣ. И я прежде всего вашъ слуга-съ, да. Рассказывайте, что еще за бѣда случилась?

Наташа. Давыдъ Давыдовичъ...

Яблоковъ. Понимаю: подаль ко взысканію векселя!

Наташа. Да.

Яблоковъ. Подлецъ.

Почтмейстеръ. Митя, ты выражаешься.

Наташа. Завтра срокъ одному векселю.

Яблоковъ. Завтра? А великъ вексель?

Наташа. Двѣсти рублей.

Яблоковъ. Эхъ, деньги! Куда же теперь податься, просить его нужно, пускай перепишетъ.

Наташа (*взволнованно*). Ахъ, нѣтъ! Я ничѣмъ не хочу быть обязанной Давыду Давыдовичу. Я не могу просить. Не хочу! Если бы вы знали, какъ необходимо заплатить именно въ срокъ.

Яблоковъ. Домъ опишетъ?

Почтмейстеръ. Психологическая причина.

Яблоковъ. Хорошо. Значитъ нужно къ завтраму достать двѣсти рублей. Я еще не могу ясно сообразить, но уже что-то мерещится. (*Входитъ Хомутовъ и здоровается*).

Хомутовъ. Здравствуйте, Наташа. Какая вы красивая сегодня. Спасибо, что не побрезговали къ намъ заглянуть.

Наташа. Перестаньте, Степанъ Александровичъ.

Почтмейстеръ (*Яблокову*). Начинай.

Яблоковъ. Степанъ...

Хомутовъ. Что?

Яблоковъ. Скажи, пожалуйста, есть у тебя жена?

Хомутовъ. Да.

Яблоковъ. Гдѣ она сейчасъ?

Хомутовъ. Я не знаю! Гдѣ-нибудь...

Яблоковъ. Она актриса?

Хомутовъ (*все больше удивляясь, тревожно*). Да, моя жена актриса.

Яблоковъ. Скажи, пожалуйста, сколько лѣтъ ты не видѣлъ своей жены?

Хомутовъ. Я не видѣлъ Машу пять лѣтъ... Мы разстались... Ты же знаешь все это... Слушай, зачѣмъ ты вдругъ.. Несчастье случилось?

Яблоковъ. Никакого несчастья, не тарачи глаза, перестань!

Хомутовъ. Вы получили извѣстіе?

Яблоковъ. Да...

Хомутовъ. Что? Какое извѣстіе?.. Ахъ, да, навѣрно опять просить выслать немного денегъ. Бѣдняжка! (*Наташѣ*). Поймите, Маша особенная женщина, она любитъ все изящное,

все необыкновенное. Как же я могу рѣшиться написать ей, что я вот такой. Пусть думаетъ все, что угодно, только не это. Если она узнаетъ, что я разоренъ, нищій, босякъ, то проститъ все, пожалѣетъ, возьметъ жить къ себѣ... Но именно этого-то я и не допущу. Ради Бога, что вы получили отъ нея? Я какъ-то писалъ Машѣ, что служу земскимъ начальникомъ... Я вралъ все время, всѣ пять лѣтъ, Я ревновалъ ее, оскорбилъ, бросилъ... Я ничего не дѣлалъ, разорился, сталъ вотъ такимъ... Она не имѣетъ права меня простить... Покажите...

Яблоковъ. Подожди. Значитъ твоя жена думаетъ, что ты богатъ, земскій начальникъ, у тебя въ городѣ домъ и положеиіе?

Хомутовъ. Да, она навѣрно такъ и думаетъ.

Яблоковъ. Теперь прочти телеграмму.

Хомутовъ. Телеграмма? Несчастье? *(Читаетъ.)* Завтра приѣзжаю, три дня, встрѣчай почтовымъ, Маша... Маша... моя жена...

Яблоковъ. На три дня, на три дня приѣзжаетъ. Тутъ написано...

Наташа. Бѣдный Степанъ Александровичъ.

Почтмейстеръ. Ну, знаешь, твоя жизнь прямо бюграфия.

Хомутовъ. Зачѣмъ приѣзжаетъ Маша?

Яблоковъ. А зачѣмъ, что здѣсь мужъ съ положеніемъ домъ, обстановка.

Почтмейстеръ. Однако у васъ здѣсь хлѣвъ, извинаясь.

Хомутовъ. Принять Машу здѣсь! Нѣтъ. Скажите ей, что я уѣхалъ... я уйду. *(Идетъ къ двери.)*

Яблоковъ *(удерживаетъ ея)*. Подожди, мы что-нибудь придумаемъ.

Хомутовъ. Что ты придумаешь, какую-нибудь глупость.

Яблоковъ. Подумай, мы здѣсь разговариваемъ, а она ужъ въ вагонѣ ѣдетъ, конечно о тебѣ думаетъ, какъ ее

встрѣтишь? *(Стучаетъ ему пальцемъ по лбу)*. Завтра въ три часа приѣдетъ твоя жена, понялъ?

Хомутовъ. Нѣтъ... невозможно.

Наташа. Степанъ Александровичъ, привезите вашу жену ко мнѣ въ домъ.

Яблоковъ. Ну вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ говорить. Спасибо.

Наташа. Мы можемъ сказать, что это вашъ домъ родовой, Хомутовскій.

Яблоковъ. Именно. На Степана надѣнемъ фракъ. Встрѣтимъ актрису шампанскимъ. Надо же показать, какъ мы къ искусству относимся! Грибами обросли! Да я цыганскій таборъ притащу! Штопоромъ по городу пройдуся! Вотъ жизнь.

Почтмейстеръ. Я слышалъ—актрисы разговариваютъ промежъ себя исключительно анекдотами. Эту часть вы мнѣ представьте.

Яблоковъ. Разговаривай, почтмейстеръ.

Хомутовъ. Еще разъ обмануть Машу, такъ просто и безсовѣстно...

Яблоковъ. Да, и обманемъ, Степанъ Александровичъ, въ чистомъ видѣ, такъ что комаръ носу не подточить.

Почтмейстеръ. А когда къ намъ губернаторъ приѣзжалъ—насажали же мы фальшивыхъ деревьевъ на площади, и получили благодарность.

Хомутовъ. Да вѣдь денегъ у насъ нѣтъ... Какой ты, Митя, право... жестокой человекъ.

Яблоковъ. Да, денегъ на это нужно много. Денегъ нѣтъ!

Хомутовъ. Какъ здѣсь накурено, какъ гнусно! *(Хватаетъ шапку)*. Однимъ словомъ—выхода нѣтъ! *(Быстро уходитъ)*.

Яблоковъ. Куда?*(почтмейстеру)*. Иди за нимъ... утопится... ей Богу утопится... я его знаю.

Почтмейстеръ. Не беспокойтесь. Ни на что рѣшительное онъ неспособенъ. *(Уходитъ)*.

Наташа. Ахъ, Боже мой, какъ грустно.
Яблоковъ. Нельзя ли продать чего-нибудь изъ старого?

Наташа. Дмитрій Ивановичъ, теперь вамъ не до меня, прошайте, голубчикъ. Пускай домъ пойдетъ съ торговъ, не такъ и страшно, не пропаду; я прекрасно языки знаю и музыку. Завтра соберусь и уѣду изъ нашего города. *(Идетъ къ двери)*. Ужасно неприятно, что всего этого легко избѣжать, сказать только одно слово. Но Давыдъ Давыдовичъ не дожидается только меня словечка, такъ ему и передайте.

Яблоковъ *(который до этого грызъ ногти)*. Наташа, у меня идея пришла. Ахъ, какая вы, право, вамъ бы вскоичить и убѣжать. Садитесь. Слушайте.

Наташа. Ну?

Яблоковъ. Ѣдетъ актриса. Такъ? Нужно ее принять съ помпой. Иначе—скандалъ. Нужны деньги. Такъ? Теперь—Давыдъ Давыдовичъ любитъ васъ безъ памяти, объ этомъ весь городъ знаетъ.

Наташа. А мнѣ какое дѣло. А какъ онъ смѣетъ любить! Какъ смѣетъ любовь эту мнѣ навязывать?! Думаетъ—я ему въ придачу къ векселямъ достанусь... До свиданья.

Яблоковъ. Да вѣдь онъ съ отчаянія за эти векселя уцѣпился. Если его пальчикомъ поманить, только поманить, онъ насъ деньгами завалитъ.

Наташа. Что?

Яблоковъ. Намекнуть: не отчаявайся, моль. Больше ничего. Хотите, это я даже могу намекнуть.

Наташа. Я, должно быть, васъ плохо понимаю.

Яблоковъ. Я говорю—схитрить нужно. Хвостомъ слегка пыль навести. Наташа, если и слукавить немножко — какой грѣхъ! Вѣдь Давыдъ Давыдовичъ на нѣсколько дней отъ радости ума рѣшится, а Степана спасетъ отъ смерти! А деньги мы потомъ ему отдадимъ, честное слово дворянина.

Наташа. Какой вы дуракъ!

Яблоковъ. И дуракъ, и свинья, и прохвостъ! Наташа, разъ въ жизни закройте глаза и сдѣлайте подлость. А по-

томъ удивительно приятно бываетъ; думаешь: Господи, больше никогда не буду такъ поступать. И солнце тебѣ не солнце... *(Наташа, не прощаясь, поворачивается, идетъ къ двери)*. Ну, виноватъ, виноватъ, пошутить *(хватается за нее)*.

Наташа. Мнѣ очень неприятно, Дмитрій Ивановичъ.

Яблоковъ. Вѣдь жить-то всякому хочется.

Наташа. Если такъ жить, лучше совсѣмъ не жить.

Яблоковъ. Понимаю... А можетъ быть только маленькое словечко я ему скажу.

Наташа. Пустите платье...

Яблоковъ. Бейте, до смерти! Не пушу... *(Быстро входитъ Давыдъ Давыдовичъ Бабинъ и, захлопнувъ дверь, держитъ ее за ручку)*.

Бабинъ *(Наташѣ)*. Извините, я не зналъ, что вы здѣсь.

Яблоковъ. Давыдъ Давыдовичъ, голуба моя, вотъ кстати...

Наташа *(Бабину)*. Позвольте мнѣ пройти. *(Бабинъ дѣлаетъ жестъ ужаса)*.

Бабинъ. Невозможно! *(Дверь изнутри держатъ)*. Отворить никакъ нельзя. *(Голосъ Анюты за дверью: „Нѣтъ, голубчикъ, отворишь“)*. Ахъ, мерзкая!

Наташа *(внезапно засмѣялась)*. Давыдъ Давыдовичъ, гдѣ это видано такъ обращаться съ дѣвцами, впустите ее. Анюта, войдите, я васъ не съѣмъ. *(Бабинъ, махнувъ рукой, отходитъ въ глубину комнаты. Появляется Анюта, сердитая, дикая дѣвушка, глядитъ исподлобья)*.

Яблоковъ. Анюта!

Анюта. Вотъ, вошла.

Наташа. Я рада васъ видѣть, Анюта *(подаетъ ей руку)*. Почему вы не хотите дать мнѣ руку. *(Здоровается)*. Полгода васъ не видала, хоть бы на минутку забѣжали ко мнѣ. Мы съ ней еще вотъ такими дѣвочками играли. Какая вы стали красавица. А я уѣзжаю, Анюта, совсѣмъ. Прощайте — *(кладется, не замечая Бабина, и уходитъ)*.

Яблоковъ *(провожая Наташу)*. Я къ вамъ все-таки за-

бѣгу. (*Возвратясь отъ двери, Анютѣ.*) Ты зачѣмъ въ дверь ломилась?

Анютѣ. Ломилась, я съ кавалеромъ пришла.

Яблоковъ. Какой онъ тебѣ кавалеръ, ты бы лучше молчала.

Анютѣ. Влюбилась въ него, вотъ какой кавалеръ. Я объ немъ третій годъ думаю.

Яблоковъ. Безстыдница!

Анютѣ. Какой мой стыдъ, когда папаша меня за косы за волосы (*на Бабина*). Пускай онъ женится.

Бабинъ. Лучше женюсь на козѣ.

Анютѣ. Какъ вамъ будетъ угодно.

Яблоковъ (*Анютѣ*). Не любитъ онъ тебя и не женится, а путается только для отвода глазъ.

Анютѣ. Какъ это для отвода глазъ, я что-то не пойму.

Яблоковъ. У меня такой планъ, чтобы васъ съ нимъ кое-кто видѣлъ на бульварѣ. Поняла? А ты ужъ обрадовалась. Иди домой.

Анютѣ. Нахально разговариваете.

Бабинъ. Анютѣ, прости меня, пожалуйста, ты мнѣ совсѣмъ не нужна, у насъ разговоръ сейчасъ будетъ секретный.

Анютѣ. Послушаю.

Бабинъ. Тебѣ мало, что ты меня навѣкъ сейчасъ опозорила. Наглая. Не лѣзь въ мою жизнь, выкину.

Анютѣ. Испугалась.

Бабинъ. Анютѣ, все, что я тебѣ говорилъ—все спяну. Вотъ тебѣ святая икона. Не тебя я люблю и не черезъ тебя мучаюсь. И ничего у насъ кромѣ гадости съ тобой не выйдетъ. Я тебя брошу по одному словечку, сама знаешь кого, либо—пьянство и побои. Опозорю и кину, какъ рвань.

Анютѣ. Отъ кавалера такія слова не снесу. Ты меня видно плохо знаешь. Тебѣ живымъ не быть за такія слова.

Бабинъ (*тихо*). Уйди! (*Вертеть за воротъ рубашки и раздвигаетъ ее до подола.*) Уйди... Спрячься...

Яблоковъ (*хватаетъ Анюту, толкаетъ къ двери*). Смерто-

убійство еще съ вами тутъ будетъ. Поди, поди, моя цыпочка. (*Закрываетъ за ней дверь, возвращается.*) Ну, у тебя характеръ, Давыдъ Давыдовичъ. Отдышись, успокойся. Хочешь водички.

Бабинъ. Да, Митя, плохо мое дѣло. Не надо было тебя слушать. Теперь о Натальѣ Владимировнѣ и думать даже напрасно. Конецъ.

Яблоковъ. Ну, разумѣется, я всегда виноватъ. Придумалъ я хорошо, да ты ни къ чему негоденъ. Наташу нужно заставить ревновать, вотъ мой планъ. Но при этомъ надо быть съ ней изящнымъ и свѣтски холоднымъ, говорить колкости, похожія на комплименты. А ты что дѣлаешь: съ векселями на нее навалился. А сейчасъ—что это была за сцена? Я велѣлъ тебѣ прогуляться съ Анютой, то-есть держать себя въ высшей степени независимо и вызывающе; расчитывалъ на уколъ самолюбію! А ты весь день таскаешь Анютку по городу, какъ гулящую дѣвку, и видъ у тебя весь какой-то нелѣпый.

Бабинъ. Митя, что мнѣ дѣлать?

Яблоковъ. Я почему знаю. Женись на Анюткѣ, сиди въ лавкѣ, торгуй дегтемъ.

Бабинъ. Разсчитывать, значить, не на что, такъ. Совсѣмъ недавно мы стояли съ Натальей Владимировной на балконѣ, я осмѣлѣлъ и взялъ ее за руку, она ничего, руки не приняла и сама усмѣхнулась такъ дивно! Неужели никакой надежды нѣтъ, Митя!

Яблоковъ. Отдай ей всѣ векселя. Передай мнѣ, я перешлю.

Бабинъ. Отдать?

Яблоковъ. Давай.

Бабинъ. Нѣтъ! Какая моя сила—однѣ деньги. Тутъ хоть по дѣлу къ ней зайдешь на минутку, а то она и какъ звать-то меня забудетъ.

Яблоковъ. Послушай, могъ бы ты мнѣ дать взаимы пятьсотъ рублей до пятницы, я отдамъ.

Бабинъ. Я тебѣ сказала: женюсь на Натальѣ Владими-

ровнѣ — озолочу, а такъ цѣлковаго не дамъ, мое слово крѣпко.

Яблоковъ. Ну да, я понимаю.

Бабинъ. Плохой ты совѣтчикъ. Путаешь, путаешь, не по совѣсти, не какъ у людей. Пришибить тебя давно бы надо, право.

Яблоковъ. Подожди, давай говорить серьезно. Планъ съ Анюткой потерпѣлъ фiasco, признаюсь. Но ты пойми: Наташа тебя любитъ.

Бабинъ *(вскрикиваетъ)*. Оставь!

Яблоковъ. Она горда, какъ бѣсъ! Вотъ причина. Ее нужно разжечь, чтобы, или въ воду, или тебѣ на шею.

Бабинъ. Молчи!

Яблоковъ. На тонкую игру ты не способенъ, я вижу. Слушай—завтра прѣзжаетъ Степанова жена, актриса. Блондинка, понимаешь, грандъ-кокетъ. Всѣ платья шелковыя, вотъ такая прическа. Московская львица. *(Въ окнѣ показывается Хомутовъ, слушаетъ и проходитъ въ направленіи къ двери)*. Вотъ тутъ-то тебѣ и нужно дѣйствовать. Развернись. Покажи натуру. На тройкахъ катай актрису, пой шампанскимъ, денегъ не жалѣй ни на что! Тряхни черноземомъ, чтобы во всемъ уѣздѣ рты поразинули. Ну, ужъ если тогда Наташа останется равнодушной—можешь мнѣ голову отвернуть.

Бабинъ. Развернуться я могу... Ну, а дальше-то что?

Яблоковъ. Наташа, конечно, обозлится сначала, потомъ сдѣлаетъ видъ, что ей все равно. Потомъ ревѣть начнеть. Самолюбіе, все-таки, женское, кровь молодая. Видить, что звѣрь-то отъ нея уходитъ—тутъ она и забудетъ, что дворянка и все прочее. А ты, смотри, только эту минуту не прозѣвай: моментально всѣмъ кутежамъ—точка, и ягненоккомъ къ Натальѣ Владимировнѣ — рука и сердце. Будь я проклять!

Бабинъ. Что ты мнѣ говоришь! Но какъ же я съ незнакомой женщиной... Мнѣ противно.

Яблоковъ. Великъ трудъ нашель—съ актрисой шампанское пить.

Бабинъ. А если опять хуже выйдеть?

Яблоковъ. Все равно, братъ, хуже некуда. А ужъ если и не выйдеть ничего, по крайней мѣрѣ время проведемъ и выпьемъ, какъ слѣдуетъ.

Бабинъ. Постой... А какъ же Степанъ? Вѣдь это его жена.

Яблоковъ. А мы такъ сдѣлаемъ: дня три дадимъ супругамъ понѣжитья, а потомъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ отправимъ Степана къ тебѣ на хуторъ.

Бабинъ. Какой ты все-таки дрянной человѣкъ.

Яблоковъ. Да, дѣйствительно, ты выражаешься.

Бабинъ. Сколько тебѣ за сводничество?

Яблоковъ. Я собой не торгую. *(Входитъ Хомутовъ. Яблоковъ постыжно)*. Пятсотъ. Пока только пятсотъ.

Бабинъ *(достаетъ деньги)*. Все равно, какъ съ горы качусь. На! Прощай. *(Уходитъ)*.

Хомутовъ. Ну?

Яблоковъ. Денежки намъ дали. Вотъ жену твою и встрѣтимъ. Ты радъ, а?

Хомутовъ. Отдай деньги назадъ!

Яблоковъ. Зачѣмъ?

Хомутовъ. Отдай деньги, я тебѣ приказываю.

Яблоковъ. Это что за тонъ...

Хомутовъ. Отдашь!

Яблоковъ. Я ему благодарствую... Я расшибаюсь... А онъ... Да кто ты такой—нищій! ничтожество! Что прикажу, то и будешь дѣлать.

Хомутовъ. Вотъ когда ты меня попрекнулъ. Такъ на же тебѣ. *(Срываетъ съ себя пиджакъ и шапку, бросаетъ на полъ)*. Я нищій! А я пойду пѣшкомъ за двѣ станціи, дождусь поѣзда и Машу предупреду. Ты ее, несчастную, можетъ быть беззащитную, за деньги продаешь. Я вамъ всѣмъ покажу! Ты увидишь, на что я способенъ...

Яблоковъ. Степа, какъ ты шутокъ не понимаешь. Мало ли что говорится, когда даютъ деньги. Притомъ, Давыдъ Давыдовичъ будетъ очень сдержанъ съ ней первые три дня, она же только три дня и пробудетъ. Понялъ? *(Смѣется)*.

Хомутовъ. Врешь.

Яблоковъ. Ну, хорошо, иди предупреждай. А она возьметъ тебѣ и скажетъ: Степанъ Александровичъ, дай-ка мнѣ денегъ, я въ дорогѣ издержалась! Да прокати меня на тройкѣ, съ шампанскимъ, мы, молъ, актрисы, привыкли къ этому. Да спросить, почему ты такой ободранный, въ опоркахъ. Стало быть все ложь? Все лгаль! Ввелъ жену въ ложное положеніе, въ дорожныя издержки. Возьми деньги, отдай, предупреди. Ничтожество! Куча грязныхъ тряпокъ! Лгунишка!

Хомутовъ. Господи Боже мой!

Яблоковъ. Завтра ты у меня рожу свою перекроишь на веселую. Да! И сразу я тебя женѣ не покажу, я тебя выдержу, пока не обойдешься. Ты вратъ будешь и притворяться, какъ я захочу. Ты у меня еще и фракъ надѣнешь. Поняль.

Хомутовъ. Поняль! Все поняль.

Яблоковъ. Голова лопается, сколько дѣлъ! Сначала вотъ что: идемъ къ портному. Ну, вставай!.. *(Тащитъ его съ постели за рукавъ).*

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Зала съ колоннами. Натѣво дверь во внутреннія комнаты. Прямо двери на балконъ и въ садъ. Направо маленькіе хоры, подъ ними дверца. Въ глубинѣ направо за хорами входная дверь.

До поднятія занавѣса слышенъ голосъ Яблокова: „Тащи его, тащи на себя. Да поверни его, поверни бокомъ. Не такъ. Стой! Стой!“ Слышенъ трескъ, занавѣсъ поднимается. На хорахъ два мужика ставятъ органчикъ. Посреди зала, задравъ голову, Яблоковъ.

Яблоковъ. Грохнули! Черти окаянные! На чемъ теперь мнѣ играть? Ставь его къ стѣнѣ. Да легче! Не лѣзь въ нутро, ручищами-то не лѣзь. *(Покуда мужики ставятъ органъ на мѣсто и затѣмъ уходятъ, Яблоковъ кидается къ Дарьѣ, которая принесла портретъ, влѣзла на стулъ и хочетъ повисить).* Не такъ, баба. Переверни его. Еще поверни. Что же ты его кверху ногами вѣшаешь. Вѣдь это генераль. Слѣзай! Теперь все, кажется. Дарья, подойди ко мнѣ.

Дарья. Что, батюшка?

Яблоковъ. Смотри у меня, баба! Разговаривай, какъ я тебя училъ: домъ этотъ Степана Александровича Хомутова, и все это его, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоковъ. Наталья Владимировна живетъ только здѣсь, комнату снимаетъ, и она тебѣ не барыня, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоковъ. Ты здѣсь въ дому съ малолѣтства, грудью Степана Александровича выкормила, и зовутъ тебя не Дарья, а Домнушка, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоковъ. Ступай, неси посуду.

Дарья. Баринъ...

Яблоковъ. Что еще?

Дарья. Въдь меня Дарьей кстили-то...

Яблоковъ. А вотъ я стукну по твоей глупой головѣ, тогда поймешь, какъ тебя кстили! Поняла?

Дарья. Поняла, поняла, батюшка.

Яблоковъ. Накрывай столъ. Да чтобъ у меня самоваровъ этихъ не было.

Дарья. А какъ же гостя если съ дороги захочеть чаю?

Яблоковъ. Гостя ничего кромѣ шампанскаго не захочеть. *(Дарья уходитъ. Яблоковъ передъ зеркаломъ)*. Хорошая поддевка, отличная поддевка, совсѣмъ какъ на меня счита. *(Дарья возвращается)*. Тебѣ что?

Гармонистъ. Пришелъ я.

Яблоковъ. Музыкантъ?

Гармонистъ. Очень даже музыкантъ. Сами прійти умолляли.

Яблоковъ. Лѣзь на хоры, на органъ будешь играть.

Гармонистъ. На органъ намъ неудобно.

Яблоковъ. Когда я скажу: „музыка“, верти его за ручку, онъ самъ заиграетъ.

Гармонистъ. Ладно. Только я рядился—когда играть, пиво чтобы пить, это ужъ обязательно. *(Ушелъ на хоры)*.

Яблоковъ. Батюшки, седьмой часъ. Домна! Эй, баба! *(Дарья появляется)*. Поѣздъ опаздываетъ на три часа. Я бѣгу на вокзалъ. Какъ только услышишь свистокъ — наливай бокалы и жди. *(Указываетъ ей на голову)*. Это что у тебя?

Дарья. Повойникъ.

Яблоковъ. Чепчикъ, чепчикъ надѣнь. Вернись—голову оторву. *(Уходитъ)*.

Дарья. Оторвалъ одинъ такой. Нагрѣшишь съ вами, процсти Господи.

Гармонистъ. *(Съ хоръ)*. Свадьба что ли у васъ предполагается.

Дарья. Какая тамъ свадьба. Прибѣжалъ этотъ вотъ утромъ, барышнѣ моей двѣсти цѣлковыхъ сунулъ, и самъ на чердаки, по чуланамъ, тащить все, вѣшаетъ рожи, гвозди колотить.

Гармонистъ. Съ чего же это онъ обрадовался?

Дарья. Барышня моя вотъ деньгамъ-то обрадовалась, парень. Изъ дому убѣжала и чаю не пила. Домъ-то теперь больше не нашъ, ей Богу. И меня, какъ не крещеную, по-другому зовутъ. Кого теперь слушаться, кому служить?

Гармонистъ. А кто на тебя шибче закричитъ, тому и служи.

Дарья. Спасибо, батюшка, надоумиль.

Гармонистъ. Тетка, протяни-ка мнѣ вонъ ту бутылку, что подлиннѣе. *(Дарья подаетъ ему бутылку, въ это время появляются Наташа и Бабинъ. Гармонистъ скрывается за арку, что на хорахъ; Дарья, захвативъ тарелки, тоже уходитъ)*.

Наташа. Васъ никогда нельзя застать дома. Я два раза забѣгала въ лавку, была въ конторѣ и у амбаровъ. Гдѣ вы пропадаете?

Бабинъ. Я маловато занимаюсь теперь дѣлами, это вѣрно.

Наташа. Гдѣ вы были? Сознавайтесь! Хотя, виновата, у мужчинъ, у холостяковъ, никогда не спрашиваютъ гдѣ они были, правда? Садитесь.

Бабинъ. Я утормъ въ степь ѣздилъ на хуторъ, одинъ, честное слово...

Наташа. Честное слово?

Бабинъ. Наталья Владимировна, вы насчетъ вчерашняго поведенія моего? Не грѣшень ни въ чемъ. Выслушайте меня.

Наташа. Не грѣшень? *(Смѣющимися глазами смотритъ на него, онъ, утѣряя, прикладываетъ руку къ груди)*. Вы знаете, какъ странно, я не люблю, когда мужчина ни въ чемъ не грѣшень. Тогда отъ него точно молочкомъ пахнеть, правда, правда. Смотришь на такого добродѣтельнаго человѣка и во рту прѣсно.

Бабинъ. Нѣтъ, что же, я все-таки... могу.

Наташа. Что? что?

Бабинъ. Я пью много... бываетъ конечно ошибешся и другимъ манеромъ...

Наташа. Пьете? и еще что? Грубияните? Ухаживаете за женщинами? Значитъ вы грубый, противный человѣкъ!

Бабинъ. Что вы... Ахъ ты, Господи!

Наташа. Вы не находите страннымъ, что я все утроскала васъ и привела сюда?

Бабинъ. Дѣйствительно странно.

Наташа. Вы навѣрно рѣшили, что я по васъ соскучилась? Или, что я васъ ревную? Ахъ, Давыдъ Давыдовичъ, вы ужасно недогадливый, въ васъ нѣтъ никакой игры. Ну хоть бы вы развернулись! Сидите и прикладываете руку къ груди. Гдѣ же здѣсь поэзія?

Бабинъ *(тихо)*. За что вы меня ненавидите?

Наташа. Я васъ ненавижу? Фу, какія глупости. Я васъ позвала вотъ за чѣмъ. Дайте-ка мнѣ вексель, сегодняшній.

Бабинъ. Сію минуту. *(Постынно достаетъ вексель)*.

Наташа *(вынимаетъ деньги)*. Вы это видѣли! Двѣсти рублей. Берите! *(Беретъ у него вексель и рветъ)*. Давыдъ Давыдовичъ, мою жизнь я устрою такъ, какъ я захочу, а не кто-нибудь другой. Это нужно запомнить.

Бабинъ. Покорно васъ благодарю. *(Прячетъ деньги)*. За науку тоже спасибо. Постараюсь вамъ угодить. Только вы напрасно о векселяхъ беспокоитесь. Вексель бумажный, какая ему цѣна? *(Вынимаетъ вексель)*. А неприятностей много. Такъ вотъ, чтобы вы спали спокойно, и не трудились меня разыскивать, какъ сегодня—порвемъ-съ. *(Рветъ ихъ на мелкіе куски, бросаетъ на столикъ и уходитъ въ садъ)*.

Наташа. Какъ вы посмѣли. Какъ это глупо... Давыдъ Давыдовичъ!

Бабинъ *(въ дверяхъ)*. Что?

Наташа. Я васъ ненавижу.

Бабинъ. Это я знаю. Теперь у меня сердце съ цѣпи

сорвалось, вы ужъ не осудите. *(Уходитъ и въ то же время изъ парадной двери появляется Хомутовъ)*.

Хомутовъ. Приѣхала.

Наташа. Смотрите—разорвалъ все, на мелкіе кусочки! Какой грубиянъ! Пускай самъ теперь подбираетъ. Какъ не понять, что не силой, не грубостью... *(Прикусила губу съ досады)*...

Хомутовъ. Онъ очень тяжелый человѣкъ. Его нужно опасаться. Наташа, они задумали отнять ее у меня.

Наташа. Я не могу, чтобы меня на веревкѣ тащили. Я сама должна позвать. А до тѣхъ поръ жди терпѣливо. Я не кукла.

Хомутовъ. Она очень мало измѣнилась. Гляжу стоить на площадкѣ, платье въ клѣточку, поѣздъ подходит и вдругъ—глаза наши встрѣтились, а сейчасъ же спрятался въ палисадникѣ. И такъ и не показался. А черезъ кусты видѣлъ, какъ она стояла на перронѣ съ букетомъ, нюхала его и смѣялась. Митя, почтмейстеръ, начальникъ станціи и телеграфистъ держали бокалы и вдругъ закричали „ура!“ Я убѣжалъ. *(Стучитъ экипажа)*.

Наташа. Вотъ они, кажется, подѣхали. Идите, встрѣчайте.

Хомутовъ. Нѣтъ, я не покажусь! Я не смѣю. Я долженъ услышать сначала ее голосъ, что она обо мнѣ думаетъ. Иначе сейчасъ же ей все открою: что мы лжемъ, скажу—уѣзжай! Наташа, я вамъ объясню ихъ планъ: Митя уговорилъ Давыда Давыдовича кутить съ Машей.

Наташа. Вотъ какъ, я этого не знала.

Хомутовъ. Наташа, вы никому не говорите. Я стану за эту дверку и буду слушать. Митя не знаетъ, гдѣ я. Онъ думаетъ, что я до вечера ушелъ въ степь. *(Голоса, шаг)*. Пожалуйста, не выдавайте меня. *(Постынно уходитъ за маленькую дверцу, что подъ хорами. Проѣзжаетъ Дарья. Появляется почтмейстеръ съ букетомъ)*.

Почтмейстеръ. Встрѣтили, туалетъ, шляпа—умопомраченье. *(Кланяется входящимъ. Входятъ Онега и Яблоковъ)*.

Яблоковъ. Пожалуйста, Марья Петровна, не спотыкнитесь о порогъ.

Почтмейстеръ. Еще разъ—ура!

Огнева. Дорогое, родимое гнѣздо. Какъ стильно!

Яблоковъ. Амфиръ.

Огнева (*клянется Наташѣ*). Здравствуйте.

Яблоковъ. Это племянница.

Огнева. Чья племянница?

Яблоковъ. Наташа.

Огнева. Какая она свѣженькая. Познакомимся, моя прелесть.

Наташа (*сухо*). Здравствуйте.

Яблоковъ (*Наташѣ постынно*). Вотъ, Наташенька, къ намъ наконецъ и хозяйюшка пожаловала.

Наташа. Очень рада. (*Повернулась и ушла*).

Огнева. Она дикарка?

Яблоковъ. Она у насъ дурочка, заговаривается: несчастная любовь.

Дарья. Здравствуйте, матушка барыня.

Яблоковъ (*благодарушно*). Это Домнушка, нянька.

Огнева. И даже старая няня, ну что же это такое?

Яблоковъ. Домнушка, неси бокалы. (*Домна уходитъ и приноситъ бокалы, на хорахъ появляется музыкантъ*).

Огнева. Здравствуй, милый домъ.

Яблоковъ. Пожалуйте за столъ, Марья Петровна. Чай, проголодались. И мы, по правдѣ сказать, до смерти голодны. (*Садятся*).

Почтмейстеръ. Желудокъ присоединяется къ всеобщему торжеству.

Огнева. Никогда, никогда, не забуду сегодняшней встрѣчи. Я растрогалась до слезъ...

Яблоковъ. Всѣ кричатъ—медвѣжий уголь! А мы столыцѣ не уступимъ. Для насъ искусство—все! Пожалуйста, ветчинки.

Огнева. Въ Баку, помню, меня тоже принимали. Моло-

дежь хотѣла выпрячь лошадей, но мѣстный богачъ Алексѣй Карповичъ отбилъ меня у нихъ и умчалъ на автомобилѣ.

Яблоковъ. И у насъ хотѣли выпрягать, да я побоялся—завезутъ куда-нибудь въ канаву. Про Алексѣя Карповича не слыхалъ, но зато у насъ мѣстный миллионеръ Давыдъ Давыдовичъ, нашъ пріятель, покажетъ, чортъ возьми, какъ нужно чествовать; вѣрно, почтмейстеръ?

Почтмейстеръ. Да, этотъ покажетъ! Надо бы за нимъ послать. (*Дарья вноситъ бокалы*). Сбѣгай за Бабинымъ.

Дарья. Онъ въ саду. (*Уходитъ*).

Яблоковъ (*поднимая бокалы*). Господа, въ нашемъ бо-лотѣ, въ нашемъ, такъ сказать, хлѣву появился яркій солнечный лучъ... Ну, нѣтъ у меня словъ... Съ прїѣздомъ... Музыка!

Почтмейстеръ. Ура! (*Музыкантъ вертитъ ручку органа, который издаетъ странные звуки*).

Огнева. Боже мой, даже музыка. Я не могу, я сейчасъ заплачу. Я не ждала, что меня знаютъ въ такомъ медвѣжьемъ углу, такъ горячо любить. Вашъ городъ—игрушка, прелесть. Какъ никто до сихъ поръ не догадался прїѣхать сюда на гастроли. Мнѣ хочется какъ-то особенно васъ отблагодарить.

Почтмейстеръ. Мы и такъ всѣмъ довольны.

Яблоковъ. Пожалуйте—рыбы, и еще винца.

Огнева. Я опьянѣю.

Яблоковъ. Вотъ удивительно, какъ это я проголодался. Что, почтмейстеръ, это тебѣ, братъ, не каша. Вотъ такъ балыкъ!

Огнева. Кушайте, милые мои, кушайте. (*Встаетъ, отходитъ отъ стола*). Какъ здѣсь хорошо. Боже мой, совсѣмъ, какъ изъ „Горя отъ ума“.

Почтмейстеръ. А вы слыхали разсказъ—„Горе уть ума наоборотъ“?

Яблоковъ. Молчи. Успѣшь. (*Бѣтъ*).

Огнева. Мы въ городахъ только мечтаемъ объ этихъ диванчикахъ, трогательныхъ, смѣшныхъ предкахъ на стѣнѣ;

о цвѣтныхъ стеклахъ; навѣрно, въ трубахъ здѣсь вездѣ вороньи гнѣзда; смотрите, какія глупыя колонки! Хочется прижаться къ ней, закрыть глаза, и она расскажетъ прелестную задумчивую повѣсть: какъ построили этотъ домъ и жизнь протекла здѣсь, точно въ сказкѣ, безопасно и немного грустно. И быть можетъ, у этой колонны, такъ же, какъ я, стояла дѣвушка въ локонахъ, въ изящномъ старинномъ платьѣ, и плакала, что все пройдетъ, все минетъ...

Яблоковъ. Вотъ Степанъ, то же самое, прижмется къ шкафу какому-нибудь, да какъ завоюетъ.

Почтмейстеръ. А у нашего купца Штукатурова, знаете, вся обстановка въ пароходномъ стилѣ „Самолетъ“.

Огнева (*возвращается къ столу*). Простите, что я васъ покинула, кушайте, друзья мои. Мнѣ стало грустно. Вспомнилась разочарованія. Быть можетъ, я создана для тихой жизни въ такомъ дому, а вышло по-иному. (*Пауза. Дрожавшимъ голосомъ*). Почему нѣтъ съ нами Степана?

Почтмейстеръ (*кашляя*). Да, въ самомъ дѣлѣ.

Яблоковъ. Надо же было ему какъ разъ ухъать въ уѣздъ по дѣламъ. Чортъ, какая досада. Я телеграммы расслалъ во всѣ концы. Двое верховыхъ до сихъ поръ скачутъ. Къ вечеру долженъ явиться. Страшный чудакъ, онъ еще сначала одѣнется съ иглопочки, во фракъ и только тогда придетъ здороваться.

Огнева. Степанъ... Я совсѣмъ забыла его лицо.

Почтмейстеръ. Рыжеватый.

Яблоковъ. А давненько вы съ нимъ не видались.

Огнева. Пять лѣтъ. Мы встрѣтились въ Москвѣ, тамъ и повѣнчались. И прожили только годъ. Онъ выдумалъ меня ревновать, это было такъ глупо. У насъ всегда были странныя отношенія.

Яблоковъ. Нѣтъ, отчего же, ничуть не странныя.

Огнева. Оставьте, очень даже странныя. (*Молчаніе*).

Почтмейстеръ. Этотъ купецъ Штукатуровъ напечаталъ однажды объявленіе: „Вновь открытыя семейныя бани. Мой девизъ въ полномъ смыслѣ—паръ и кипятки“. (*Молчаніе*).

Огнева. Онъ очень некрасиво поступилъ со мной.

Яблоковъ. Марья Петровна, да не то что вы—отъ него у насъ весь городъ плачется. Одно время выдумалъ: ходитъ по улицѣ и всѣхъ толкаетъ.

Огнева. Все равно, я ничѣмъ не заслужила такого отношенія. Это очень, очень обидно. Вы его друзья, вы должны ему объяснить, что нельзя мучить женщину столько лѣтъ.

Яблоковъ. А самъ-то онъ какъ мучается: сидитъ у окна и смотритъ на поле, гдѣ телеграфные столбы, да такъ весь день и просидитъ, не ѣвши.

Огнева. Тогда зачѣмъ было расходиться—странно! Кажется, могъ пригласить побывать у себя, если самъ не пожелалъ прѣхать. Какъ будто такъ легко самой навязываться. Передайте ему, что я хочу его видѣть. Я должна сообщить очень важную перемѣну въ моей жизни. И прибавьте, я не навязываюсь, я могу завтра же ухъать.

Яблоковъ. И не подумаемъ, раньше трехъ дней не отпустимъ. (*Изъ сада появляется Бабинъ*).

Почтмейстеръ. Тѣ же и онъ.

Огнева (*вскрикиваетъ*). Кто это?

Яблоковъ. Рекомендую: мѣстный оригиналъ, богачъ и сердцевъдъ, Давидъ Давыдовичъ Бабинъ.

Огнева. Представьте, въ первую минуту я подумала, что это Степанъ, такъ испугалась. Здравствуйтесь, я о васъ уже слышалась.

Бабинъ (*здоровается*). Здравствуйте. Что у васъ тутъ—шампанское.

Яблоковъ. Наливай, и за здоровье жрицы искусства!..

Бабинъ. За мужа меня приняли, мало похожъ. А Степанъ куда дѣлся?

Яблоковъ. Я же тебѣ толковалъ, что онъ по дѣламъ...

Бабинъ. Такъ...

Огнева. Въ послѣднемъ письмѣ онъ писалъ, что настолько занятъ, даже нѣтъ времени прѣхать повидаться.

Яблоковъ. У него однихъ неразобранныхъ дѣлъ въ

канцелярии тысячу папокъ. Вотъ даже урваться не можетъ отремонтировать домъ. Извольте поглядѣть, штукатурка отвалилась, дранки видны.

Огнева (*живо*). Развѣ это его домъ?

Бабинъ. Гмъ.

Яблоковъ. А какъ же, въ прошломъ году купилъ за сорокъ двѣ тысячи. А вдругъ, говоритъ, жена ко мнѣ придетъ, нужно ее принять по-княжески.

Огнева. Значить—Степанъ богатъ?

Яблоковъ. Невѣроятно. Шесть тысячъ десятиинъ земли, спиртовой заводъ и двѣ мельницы.

Огнева. Я ничего этого не знала. Почему же онъ никогда не присылалъ мнѣ денегъ?

Почтмейстеръ. Дѣйствительно, почему же это онъ такъ?

Бабинъ. Чудаки.

Яблоковъ. Да заложено все, Марья Петровна, сильно заложено, все заложено.

Почтмейстеръ. Разорень.

Яблоковъ. Ну, какъ такъ разорень, чего ты болтаешь. Осталось все-таки, здорово осталось.

Огнева. Я ничего не пойму. Вы такъ меня взволновали. Все это мнѣ знать гораздо, гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете. Пожалуйста, друзья мои, скажите, чтобы онъ пришелъ; я чувствую онъ гдѣ-то здѣсь, онъ никуда не уѣзжалъ.

Яблоковъ. Какъ не уѣхалъ, когда ему самъ положилъ въ телѣжку жареныхъ цыплятъ на дорогу.

Бабинъ. Митька, перестань. Наливай вино.

Яблоковъ. Дѣйствительно, господа, выпьемъ. Музыка! Гармонистъ (*издавъ нѣсколько звуковъ на органчикѣ*).

Дмитрій Ивановичъ, онъ скрипитъ, совершенно неспособно.

Яблоковъ. Играй, тебѣ говорятъ.

Гармонистъ. Играй, играй. (*Внезапно хватилъ на тармоникѣ камажинскаю*).

Яблоковъ (*вскочивъ*). Не то, не то! Маршъ.

Огнева. Что это? Боже мой.

Яблоковъ. Маленькій родъ оркестра. Степанъ раньше держалъ настоящихъ музыкантовъ. Спились. Эхъ, русский народъ.

Бабинъ (*ударивъ по столу*). Пить! Давайте пить!

Яблоковъ (*Бабину на ухо*). Ради Бога, легче, не наливайся. (*Музыканту*). Маршъ играй, тебѣ говорятъ!

Почтмейстеръ. Люблю безшабашную жизнь. Напьюсь, ей Богу.

Бабинъ. Пейте всѣ.

Огнева. Господа, я пью за семейное счастье. У меня кружится голова отъ всего, что я увидѣла, услышала сегодня. Я еще не знаю—нужно ли это мнѣ все: мужъ, семья, положеніе въ городѣ. Я люблю театръ. Всю жизнь я кочевала по гостиницамъ... Съ чужими людьми... въ чадѣ... Въдъ тѣмъ только и живешь, что скоро все забывается—уколы, обиды, слезы. Въдъ вы не знаете, какъ умѣють нѣкоторые обижать. Только легкомысліе и спасаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, я что-то не про то говорю. Мнѣ странно, что сегодня вдругъ начинается совсѣмъ иная жизнь, спокойная, увѣренная... Я хозяйка этого дома?.. Странно... Или мнѣ жалко разстаться со свободой?..

Бабинъ. Къ чорту ее, бабью свободу. Помнить надо: коли любить, такъ значитъ любить до смерти. Вотъ и все. А отъ непонятнаго только голова кружится.

Яблоковъ. Ты это къ чему?

Бабинъ. Къ слову.

Огнева. Онъ медвѣдь. Вы мнѣ нравитесь. Давыдъ Давыдовичъ, хотите дружить?

Бабинъ. Это какъ же дружить-то мы будемъ?

Огнева (*смѣется*). Господа, вы всѣ такіе милые. Примите меня въ вашу семью.

Яблоковъ. Вы-то насъ къ себѣ примите, безъ искусства мы, можно сказать, шерстью обросли.

Почтмейстеръ. Именно, запсѣли.

Бабинъ. Дружить, такъ дружить. Почтмейстеръ, бѣги ко мнѣ, вели заложить тройку. Ящикъ съ шампанскимъ въ ноги. Ыдемъ!

Почтмейстеръ. Лечу... *(уходитъ)*.

Огнева. Не знаю, ѣхать, или не нужно?...

Бабинъ. Въ степь, на хуторъ. Цыганъ найдемъ. Всю ночь пѣсни. Вотъ воля!

Огнева. Ну хорошо, пусть сегодня будетъ мой послѣдній день. Сегодня въ послѣдній разъ я—Маша Огнева. На тройкѣ, въ степь, какъ сумасшедшіе. *(Дружимъ тономъ)*. Вы меня напоили. Я говорю глупости.

Бабинъ. Марья Петровна, вамъ тоже вѣдь дѣться-то некуда. Давайте вмѣстѣ, какъ бобыли, разматаемъ это вотъ постылое—то, отъ чего больно. Вы не бойтесь, если я незначай и обижу. У меня здѣсь все оторвалось, а денегъ много. *(Подходитъ съ бокаломъ)*. Давайте брудершафтъ!..

Огнева. Нѣтъ, я такъ не хочу... Онъ меня не понялъ.

Яблоковъ *(Бабину)*. Послушай, Марья Петровна до смерти спать хочеть, а ты нахальничаешь.

Огнева. Мнѣ надоѣло—не успѣешь пріѣхать въ городъ, сейчасъ же начинаются пристававанья, тройки, ресторанъ. Вы всѣ должны помнить, что я жена вашего друга. Вашъ долгъ помирить меня съ мужемъ и устроить намъ хоть сносную жизнь. *(Береть бокалъ)*. А отъ всѣхъ шампанскихъ у меня сѣдые волосы появились. Я больше не хочу. *(Врбасаетъ бокалъ на полъ)*. Мнѣ нужно было сразу сказать. Я бросила сцену и пріѣхала къ мужу навсегда.

Яблоковъ *(въ ужасъ)*. Что вы говорите. Навсегда?!

Бабинъ *(смѣется)*. Ай да, Митя, ай да, лысый... Попался!

Облоковъ. Нѣтъ, вы пріѣхали на три дня. Дальше здѣсь оставаться нельзя.

Огнева. Почему?

Яблоковъ. Нельзя. Невозможно. Понимаете—нельзя!

Огнева. Понимаю: Степанъ до сихъ поръ не можетъ мнѣ простить. Такъ объясните же ему, я была не виновата. Я даже ничего не помню, не знаю, какъ это случилось. Кажется, послѣ второго акта я вошла въ уборную, тамъ сидитъ офицеръ, знакомый. Ну, какъ-то случайно мы поѣхали

ужинать вдвоемъ. Вотъ и все. Господи, но вѣдь я актриса, я женщина... Могу же я быть виновата... Приведите его... Я хочу просить прощенья.

Яблоковъ. Вы лучше, Марья Петровна, потомъ какъ-нибудь пріѣдете.

Огнева. Я хочу его видѣть... Если онъ не явится, я прокляну. Я ему отомщу... Руки на себя наложу...

Бабинъ. Наплевать на него. Ёдемъ на хуторъ. *(Хватаетъ ее за руки)*. Оба несчастные. Ну и чортъ съ нами. Жалью, ей Богу!

Огнева. Пустите меня, это неслыханно!

Бабинъ. Нѣкоторые меня хуже звѣря считаютъ. А я не кусаюсь... нѣтъ... *(Цѣлуетъ ей руки)*.

Огнева. Какъ вамъ не стыдно.. Пустите... Я не хочу.

Яблоковъ. Батюшки, ерунда пошла.

Огнева. Пустите же. *(Вырываетъ руки)*.

Хомутовъ *(выходитъ изъ двери. Стоитъ, глядя на жену)*.

Огнева. Ты... Здѣсь...

Хомутовъ *(слухимъ, отчаяннымъ голосомъ)*. Маша... *(Качается и вдругъ падаетъ на полъ)*.

Яблоковъ. Это сейчасъ пройдетъ... Отъ голода... Воды, воды давайте...

Огнева. Что это... Что это значитъ?

(Заваньса)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Тамъ же. Закать. Хомутовъ въ креслѣ, подперевъ голову, смотритъ на жену.
Она у стола. Поодаль на диванѣ Яблоковъ.

Огнева (*мѣжу*). Быть можетъ, вы отвѣтите хотя бы на главные вопросы. Положеніе женщины, которая ничего ровно не понимаетъ, согласитесь, очень странное. Для чего вы прятались все время за дверью?

Хомутовъ. Маша...

Яблоковъ (*ворчитъ*). Ничего не дѣлаетъ, какъ люди, все у него навыворотъ.

Огнева. Почему вы во фракѣ? Гдѣ вы служите?

Хомутовъ. Я, Машенька...

Яблоковъ. Да, мировой судья онъ.

Огнева (*недоброжелательно*). Что?

Яблоковъ. Проворуетъ кто-нибудь, или наскандалить, онъ сейчасъ же—пожалуйте на цугундеръ.

Огнева. Чей этотъ домъ?

Яблоковъ. Его. Заложень.

Огнева. Объясните, пожалуйста, что за личности ваши друзья?

Яблоковъ (*не громко*). Такъ!

Хомутовъ. Митя мнѣ настоящий другъ. Но, вотъ, отношеніе мое къ тебѣ онъ понимаетъ слишкомъ поверхностно. Онъ хорошій, только очень легкомысленный.

Огнева. У васъ есть имѣнье, заводъ, мельница.

Хомутовъ. Машенька, зачѣмъ тебѣ все это знать?

Огнева. Зачѣмъ мнѣ интересоваться вашимъ матеріальнымъ положеніемъ, хотите сказать... Я получаю, Степанъ Александровичъ, въ театрѣ двѣсти рублей, на своихъ туалетахъ. И работаю, какъ водовозная кляча. Вотъ прошлой весной меня заставили привидѣніе играть. И, когда проваливалась, такъ треснулась головой объ люкъ, что этого люка вамъ никогда не забуду. (*Хомутовъ поднимается*). Да станьте, пожалуйста, и стойте. Съ вокзала пѣшкомъ съ чемоданомъ по осенней грязи вы никогда не ходили? А рожать въ гостиницѣ вы пробовали? А вы знаете сколько стоитъ пара панталонъ для офицерскаго фарса? Благодарю васъ, вы очень были расточительны... Я не знала, куда дѣваться отъ вашихъ денегъ.

Хомутовъ. Маша... Маша... Я люблю тебя... Больше я ничего не могу сказать... (*Пауза*).

Огнева. Вы писали мнѣ двусмысленныя письма... Я надѣялась... Вы подлець... (*Хомутовъ закрываетъ лицо руками*).

Яблоковъ. Ладно вамъ, господа.

Хомутовъ (*дрожащимъ голосомъ*). Прости меня за проклятую, за несчастную любовь. Я свою жизнь разбилъ и тебя замучилъ.

Огнева. Не ломайте рукъ. Не кривляйтесь. (*Рышительно*). Я хочу знать всю правду.

Яблоковъ. Всю правду?

Яблоковъ. Ты бы, Степа, прошелся по саду. Право.

Хомутовъ. Маша, я прожилъ гнусную жизнь. Я малодушный, ничтожный человекъ. Но нужно, чтобы конецъ этой муки былъ прекрасный и торжественный, какъ ударъ колокола. Я понялъ это сегодня ночью. Ты, бездомная бѣдняжка, отдохни здѣсь нѣсколько дней, проживи ихъ въ тихомъ, въ свѣтломъ счастьи, ну, какъ во снѣ. Ты актриса, ты можешь себѣ все представить. Не все ли равно, если нѣтъ у насъ ничего, можно все это выдумать, только бы любить другъ друга...

Огнева (*съ досадою и слезами*). Какъ это все непонятно... (*Яблоковъ усиленно старается показать Огневой, что у Степана голова не въ порядкѣ*).

Хомутовъ. Ты уѣдешь и когда-нибудь, въ тоскѣ, въ бѣдности, въ горѣ, вдругъ вспомнишь эти три дня, и точно колоколь ударить, освѣтится вся твоя жизнь...

Огнева. Но почему вы все время говорите про три дня? Я же вамъ ясно сказала, что бросила сцену навсегда. Вы заставляете меня быть навязчивой.

Хомутовъ. Счастье коротко, что три дня, что три года, что мгновение.

Огнева (*затыкая уши*). Говорите, пожалуйста, понятно. Хомутовъ. Митя, что намъ дѣлать. Придумай... Такъ же нельзя.

Яблоковъ (*смотрѣется*). Ну васъ тутъ совсѣмъ.

Огнева. Что это за напыщенные разговоры. У меня кружится голова отъ нихъ. И вы, и вы, и вашъ этотъ почтмейстеръ, что за типы? Какъ червяки извиваетесь между пальцами. Я ничего не хочу „представлять“, я, славу Богу, не на сценѣ. Этотъ домъ мой, или я здѣсь чужая?..

Хомутовъ (*нетъ воду*). Да, да, ты права, конечно.

Огнева. Вы лжете или трусите? Какъ не понять, что всего обиднѣе мнѣ весь этотъ обманъ... (*Входитъ Дарья, зажигаетъ лампы*). Я не могу никуда ѣхать, никуда поступить, потому что продала всѣ платья, и костюмы, а деньги проиграла въ вагонѣ. У меня осталось шесть рублей тридцать копеекъ. (*Достаетъ изъ сумочки и показывается*). Вотъ, перекрещусь, если не вѣрите.

Яблоковъ. Покажите-ка. Дѣйствительно.

Хомутовъ. Маша, только не падай духомъ. Говори, говори все до конца.

Огнева. Домнушка, подите сюда.

Дарья. Аюшки. Иду, иду, матушка.

Огнева. Вотъ шесть рублей тридцать копеекъ. Это вамъ на-чай.

Яблоковъ. Съ ума сошла.

Дарья. Спасибо. Дай Богъ тебѣ здоровья, пожалѣла старуху.

Огнева. Поди и позови сюда барышню.

Яблоковъ. Зачѣмъ?

Огнева. Скажи, что я очень прошу, именно сейчасъ.

Дарья. Барышня у себя сидитъ, злющая. Пойду, пойду, позову. (*Уходитъ*).

Огнева (*мужу*). Не бойтесь, мой другъ. Мы съ ней поговоримъ, какъ женщины. Иногда рубище и слезы бываютъ краше гордости. А у васъ я ничего не прошу, ни жалости ни любви. (*Идетъ къ балкону*).

Хомутовъ. Маша... Ты ужасно ошиблась.

Огнева (*въ дверяхъ*). Когда я смотрѣла въ окна вагона на поля и телеграфные столбы и поѣздъ приближался къ этому городу—неожиданно и совсѣмъ глупо начало замирать сердце, какъ у дѣвочки. Вотъ и все, этимъ кончилось. Ночь, звѣзды, глупое сердце. Трудно представить, что въ такую ночь нужно закутаться въ платокъ и уйти одной... Куда... Зачѣмъ... (*Медленно уходитъ на балконъ. Пауза*).

Яблоковъ. Вотъ какъ это все такъ, какъ то...

Хомутовъ. Митя, ты самъ видишь... Такъ дальше нельзя... Непереносимо. Я долженъ рассказать Машѣ все, понимаешь...

Яблоковъ. Попробуй! Скажи. Я не берусь. Она съ отчаянія чортъ знаетъ что натворитъ. Руки на себя наложить.

Хомутовъ. Ей нужно понять, почувствовать, какъ я ее люблю. Я долженъ сдѣлать что-то героическое.

Яблоковъ. Надо достать денегъ, тысячу рублей. (*Грызетъ ногти*).

Хомутовъ. Тебѣ бы только деньги, деньги. Маша хочетъ любви, а не твоихъ тысячи рублей.

Яблоковъ. Пари: сегодня тысячу рублей достану у Давыда Давыдовича. Не вѣришь?

Хомутовъ. У Давыда Давыдовича. (*Съ внезапнымъ подъемомъ*). Вотъ кого я долженъ уничтожить. Онъ не смѣлъ хватать Машу за руки! Онъ звѣрь! Я знаю—именно такіе, какъ онъ, Машу оскорбляли всю жизнь! Для этихъ богачей, для безсовѣстныхъ она фарсы неприличные должна была

играть! Работала изъ послѣднихъ силъ. Я, понимаешь, я избавлю ее отъ этого униженія. Я ей докажу...

Яблоковъ. Рехнулся!

Хомутовъ. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

Яблоковъ (*хватаетъ его за руку, увлекаетъ къ столу, сажаетъ на стулъ*). Степанъ. Степа. Иди. Садись. Ъшь, пей. (*Суетится*).

Хомутовъ. Пусты, не хочу!

Яблоковъ. Ъшь телятину. На сардинку. Пей. Это у тебя отъ голода.

Хомутовъ (*надаётъ головой на столъ*). Митя, Митя, какъ я ужасно виноватъ...

Яблоковъ. Ничего—обойдется. Ты главное на меня положишься. У меня предчувствіе такое, что все обойдется. Ужь слишкомъ скверно. Хуже некуда, значитъ должно быть лучше.

Хомутовъ. Нѣтъ, только убить... И самому умереть... она повѣритъ, не можетъ не повѣритъ...

Яблоковъ. Перестань. Выпей бѣленькаго. (*Входитъ Наташа*).

Наташа. Вы меня звали?

Яблоковъ. Наташенька, вспомните, что я для васъ сдѣлалъ?

Наташа. Помню.

Яблоковъ. Мы попали въ отчаянное положеніе: Марья Петровна подозрѣваетъ Степана и васъ.

Наташа. Въ чемъ?

Яблоковъ. Фигли-мигли.

Наташа. Какую чепуху вы говорите?

Яблоковъ. Въ томъ-то и дѣло что разувѣрить ее нельзя, иначе, какъ все раскрыть, но тогда она руки на себя наложитъ. И при всемъ этомъ Степанъ настроенъ героически.

Наташа. Какъ странно, а Дарья мнѣ сказала, что у васъ было очень весело. Марья Петровна много смѣялась. Будто бы даже собралась съ Давыдомъ Давыдовичемъ на тройкѣ. Конечно, я была очень, очень рада, что они поѣдутъ кататься.

Яблоковъ. Она послала за вами, хочеть говорить. На

колѣняхъ умоляю—представьте насъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Въдь мы порядочные люди, все-таки, какъ-никакъ ей Богу. (*Спѣшитъ къ балконной двери*).

Наташа. Не понимаю, зачѣмъ нуженъ этотъ разговоръ.

Хомутовъ. Наташа, вы чистая и счастливая дѣвушка, вы найдете слова убѣдить Машу, какъ я люблю и не смѣю, не могу этого ей сказать. Ужасно любить, и не умѣть выразить, и только мучить...

Наташа! Неужели у всѣхъ въ любви такая мука. Почему? Степанъ Александровичъ, отчего это?

Хомутовъ. Не знаю. Любви нужна жертва. А я провалялся пять лѣтъ на кровати, какъ трупъ. Любовь приходитъ къ сильнымъ и мужественнымъ, только. (*Входитъ Огнева и Яблоковъ*).

Яблоковъ. Здѣсь. Дождается.

Огнева (*стремительно подходитъ къ Наташѣ, беретъ ее за руки*). Наташа, я хотѣла съ вами говорить. Мы обѣ женщины. Вы юная, милая, цвѣтущая. Дай Богъ вамъ большого долгаго счастья. Вѣрьте мнѣ—я люблю васъ, какъ сестру. Пусть къ вамъ не закрадется даже капелька сомнѣнія. Я глупая, легкомысленная, ненужная никому баба. Какъ ку-кушка безъ гнѣзда... (*Оборвала, прикрыла глаза ладоною*).

Хомутовъ. Маша, Маша...

Яблоковъ. Потерпи.

Наташа. Я ничего не понимаю. О чемъ вы плачете? Перестаньте.

Огнева. Я ничего не прошу у васъ. Но мнѣ не хочется уходить ночью въ дорогу.

Наташа. Увѣряю... Увѣряю васъ—вы ошибаетесь...

Огнева. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я не могу больше лжи. Во имя любви къ нему пожалѣйте меня. Когда-нибудь вы поймете, какъ трудно мнѣ сейчасъ просить у васъ. Но я съ ума схожу отъ страха. Мнѣ бы только до осени прожить... Потомъ я сплшусь съ провинціей и уѣду...

Наташа (*почти съ тѣвномъ*). Поймите же, такъ нельзя! (*Бросилась въ кресло, закрылась руками, даже ножкой топнула*).

Какъ вы смѣете такъ унижаться! Боже мой! не смѣете... Не смѣете!

Огнева (*растерянно*). Я только прошу сдать мнѣ комнату наверху, до осени, съ пансіономъ... Я заплачу когда-нибудь...

Наташа (*съ интонаціею Хомутову*). Вы ничтожный, отвратительный человѣкъ! Убирайтесь отсюда... (*Яблокову*). Все это вы придумали. Глупо. Жестоко. (*Ошевой*). Они васъ обманываютъ, а вы ничего не видите. Вашъ мужъ нищій. А этотъ мой домъ, а не ихъ...

Яблоковъ. Эхъ, бабы.

Огнева. Что вы сказали... Нищій?

Яблоковъ. Да шутить. (*Махнувъ рукой, отошелъ къ дверямъ*).

Огнева (*мужу*). Отвѣчайте...

Хомутовъ. Да, правда все...

Огнева. Что все? А этотъ домъ?

Хомутовъ. Ничего у меня нѣтъ. Нигдѣ не служу. Нищій.

Яблоковъ. Неврастеники проклятые! (*Ушелъ въ садъ*).

Огнева. Это, конечно, опять шутка? Да?

Наташа. Нѣтъ, это не шутка...

Хомутовъ. Мы хотѣли тебѣ удовольствіе доставить, думали, что ты пробудешь три дня...

Огнева. Какое удовольствіе?.. Что же я теперь буду дѣлать?.. Но вѣдь я надѣялась, я думала, что у меня есть домъ когда станетъ не подъ силу, поѣду къ мужу грѣхи забывать, всѣ кошмары... Но это слишкомъ ужасно... а вашъ фразъ?.. Маскарадъ? Издѣвательство? Почему вы молчите?.. Мнѣ страшно! Ахъ, значитъ, вотъ какъ вы мнѣ отомстили за все прошлое? А вамъ извѣстно, вотъ какія я положенія попала?

Хомутовъ. Не надо... Не надо...

Огнева. Вы отомстили, мелко и подло...

Хомутовъ. Маша не мшу. Нѣтъ... Люблю...

Огнева. Любить... Влюбленъ! (*Зло смеется*). А, хотите покажу карточки моихъ поклонниковъ... У меня наверху ихъ цѣлый чемоданъ. Можетъ быть у меня и дѣти есть.

Наташа (*постынно астала, пошла къ дверямъ*). Я буду здѣсь неподалеку. Когда вы кончите я приду... (*Ушла*).

Огнева. Я еще не то могу поразсказать... Всѣ разбѣгутся... Я вашей честию очень мало дорожила... Я и здѣсь себѣ поклонника заведу, будьте покойны...

Хомутовъ. Маша, ты лжешь на себя.

Огнева. Можетъ быть. Я ненавижу васъ... Боже мой, никого, никого, никого... (*Садится*).

Хомутовъ. У насъ есть комнатка, у почтмейстера. Ты тамъ могла бы пожить. А мы съ Митей по лѣтнему времени наружи поспимъ... (*Пауза*).

Огнева. Въ Баку у меня былъ поклонникъ — грекъ. Отвратительный, черномазый. (*Пауза*).

Хомутовъ. Тебя люблю только я одинъ, больше никто.

Огнева. Благодарю васъ...

Хомутовъ. Люблю я и больше никто.

Огнева (*жалобно*). Чортъ знаетъ что такое—вотъ. (*Входитъ Бабинъ*).

Бабинъ. Лошади готовы. Можно сейчасъ ѣхать, можно утра подождать.

Огнева. Давыдъ Давыдовичъ.

Бабинъ. Что прикажете?

Огнева. Увезите меня...

Хомутовъ (*подходя къ Бабину*). Вонъ!..

Бабинъ. Что?

Хомутовъ. Вонъ отсюда. Не смѣешь съ ней разговаривать.

Бабинъ. Не трогай меня сейчасъ, Степанъ Александровичъ.

Хомутовъ. Ты мой врагъ... Я тебя убью...

Огнева (*мужу*). Что это за мука! Убирайтесь! Чтобы я васъ не видѣла больше.

Хомутовъ (*глядя ей въ глаза*). Я уйду. Но я вернусь, Маша. Я тебѣ докажу. (*Уходитъ*).

Бабинъ. Не долго вы съ нимъ полюбезничали.

Огнева. Представьте—нищій! И разыгрывалъ со мной

пошлѣйшій фарсъ. Отомстили! Но я ихъ всѣхъ вывела на свѣжую воду.

Бабинъ. Богъ съ ними. Хорошо-бы теперь цыганъ послушать! Степныхъ, кочевыхъ. Они понимаютъ тоску настоящую. Поютъ, а у самихъ лица каменные. *(Пьетъ вино)*. За ваше здоровье, Марья Петровна.

Огнева. Послушайте, вы, должно быть, чуткій, отзывчивый человекъ.

Бабинъ. Мужикъ въ высшей степени несуразный.

Огнева. Не скромничайте. Вы любите искусство.

Бабинъ. А гдѣ у насъ его возьмешь? Стихи читаю. Да, стихи я очень люблю. Пушкина подарила мнѣ прошлой весной Наталья... А къ чему все это вамъ знать?

Огнева. По-моему, вы должны любить театръ. Въ васъ есть что-то артистическое. Я хотѣла посоветоваться. У меня большое горе. На желѣзной дорогѣ пропалъ мой сундукъ со всѣми туалетами, и тамъ же лежали деньги. Я въ ужасномъ положеніи! Въ чемъ я буду играть? Ахъ, я не могу дня прожить безъ театра! Сцена моя жизнь. Запахъ кулисъ, огни, гулъ зрительнаго зала, аплодисменты, цвѣты... Я всего этого теперь лишена. *(Поднесла платокъ къ глазамъ)*. Завтра же я бы уѣхала изъ вашего медвѣжьяго угла. Давыдъ Давыдовичъ, хотите быть моимъ антрепренеромъ?

Бабинъ. Нѣтъ, мнѣ сейчасъ не до смѣху, Марья Петровна.

Огнева. Ахъ, русскіе всегда удивительно неподвижны! Въ Баку одинъ грекъ антрепренеръ предлагалъ мнѣ двѣсти рублей за выходъ. Я отказалась. Какъ хотите, конечно. Тогда мы такъ сдѣлаемъ. Давыдъ Давыдовичъ, я вамъ выдамъ вексель, а вы мнѣ дадите тысячу рублей...

Бабинъ. Опять вексель? Нѣ-ѣтъ. Мнѣ такъ не нравится.

Огнева. Что вамъ не нравится?

Бабинъ. Не хорошо разговариваете. Какъ-то у васъ егозливо все это выходитъ.

Огнева. Егозливо?

Бабинъ. Вотъ какъ по моему характеру нужно сейчасъ: либо въ воду головой, либо такой разгулъ, чтобы и себя

забыть. *(Незамѣтно появляется Наташа)*. Тоска у меня Марья Петровна, такая черная, такая окаянная! Никого я не вижу, никого мнѣ не жалко. Провались все на этомъ мѣстѣ! Сначала было я подумалъ мы съ вами товарищи... Прощайте.

Огнева *(схватила его за руку)*. Нѣтъ, не уходите.

Бабинъ. Пустите рукавъ.

Огнева *(тихо)*. Возьмите меня, ну хоть въ конторщицы. *(Тихо)*. Дѣлайте, что хотите.

(Пауза, онъ смотритъ на нее).

Бабинъ. Но вѣдь это значить... дальше итти некуда!

Огнева. Да, некуда.

Бабинъ *(внезапно увидалъ Наташу, неподвижно стоящую въ дверяхъ)*. Сейчасъ принесу деньги, подождите, Марья Петровна. *(Ушелъ. Огнева немедленно оборачивается и тоже видитъ Наташу)*.

Огнева. Вѣчные беспорядки у насъ на желѣзныхъ дорогахъ! Ужасно неудобно! Приходится прибѣгать къ любви...

Наташа *(стремительно подходит къ ней, обнимаетъ)*. Молчите! Бѣдняжка! *(Огнева громко заплакала)*.

(Занавѣсъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Раннее утро. Садъ. Налѣво балконъ. Направо скамейки. Яблоковъ и почтмейстеръ сидятъ и курятъ. По мѣрѣ дѣйствія встаетъ солнце, расходится туманъ, запѣваютъ птицы, начинается куковать кукушка.

Почтмейстеръ. Что касается меня, то я начну ухаживать за Анюткой. У нея скверный характеръ, но въ высшей степени чувственный.

Яблоковъ. Пошлакъ.

Почтмейстеръ. Пошлаго въ моей жизни одно, только то, что я почтмейстеръ. Во всемъ же остальномъ—натура далеко не заурядная.

Яблоковъ. Свѣтло. Кукушка кричитъ. Вотъ тебѣ и по-праздновали. И все изъ-за того, что не могутъ они попросту: ѣшь, пей, веселись. Непремѣнно имъ нужно выяснять отношенія. Порядочный человѣкъ никогда ни въ чемъ не позволить себѣ сомнѣваться. Что тебѣ говорить, то, значитъ, и правда. Прежде всего довѣріе, а если начнешь разспрашивать, да раскапываться, то окажется, что мы не на землѣ, а на лунѣ. Въ жизни все относительно. Все правда, и все неправда.

Почтмейстеръ. Самое главное въ жизни—половой вопросъ.

Яблоковъ. Летѣли бы мы сейчасъ на тройкахъ въ степь. Подъ козлами ящикъ съ шампанскимъ. Лица счастливыя. Впереди перспективы. Эхъ! Всѣ кричатъ—Яблоковъ вретъ, Яблоковъ выдумываетъ. А я говорю—вы почему знаете, что на самомъ дѣлѣ есть? Что намъ хочется, то и

есть на самомъ дѣлѣ. Я представляю, напримѣръ, что у меня въ карманѣ тысяча рублей и мнѣ такъ весело, какъ будто у меня дѣйствительно въ карманѣ тысяча рублей. Говорятъ: существуетъ Америка, а ты ее видѣлъ? Я тоже не видалъ, а знаю, потому что мнѣ хочется, чтобы была эта самая Америка.

Почтмейстеръ. Это все философія. А жизнь есть проклятый вопросъ. Пойдемъ спать.

Яблоковъ. Я спать не пойду... *(Быстро входитъ Хомутовъ)*.

Хомутовъ *(показывая на домъ)*. Онъ тамъ?

Яблоковъ. Ты откуда явился...

Хомутовъ. Онъ тамъ, я спрашиваю? *(Заллѣдываетъ въ балконную дверь)*. Гдѣ Давыдъ Давыдовичъ?

Яблоковъ. Я почему знаю.

Хомутовъ. Скрываете! Вы его прячете!

Яблоковъ. Что у тебя за видъ, скажи, пожалуйста.

Хомутовъ. Хорошо. Я буду его ждать здѣсь.

Почтмейстеръ. Давыдъ Давыдовичъ къ себѣ пошелъ, по-моему—спать.

Хомутовъ. Онъ пошелъ къ себѣ, спать? Прекрасно. *(Быстро уходитъ направо)*.

Яблоковъ. Степанъ, ты куда? *(Хомутовъ скрывается)*. Почтмейстеръ, видѣлъ—какіе у него глаза? Идемъ за нимъ.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, извините.

Яблоковъ. Ничтожная тля, вотъ ты кто. Бѣги, по крайней мѣрѣ, къ воротамъ, если Давыдъ Давыдовичъ съ той стороны вернется—предупреди, чтобы со Степаномъ ни въ какомъ случаѣ не встрѣчался. Понялъ? Вотъ еще бѣды не было... *(Стишитъ вслѣдъ Хомутову)*.

Почтмейстеръ. Извиняюсь, у меня и безъ того психологія испорчена. *(Закуриваетъ)*. Я достаточно себя уважаю, да-съ. *(Махнулъ тросточкой)*. „Папирочка, мой другъ, ты меня плѣняешь, мечты навѣвашь, люблю тебя всей душой, страстно всей душой...“ *(Идетъ нальво, мимо балкона, на котормъ появляются Наташа и Онега, зябка закутанная въ платокъ)*.

Наташа. Вы что тут ходите?

Почтмейстеръ. Приходилъ сообщить насчетъ тройки, но такъ какъ развлеченія неожиданно прекратились—иду къ себѣ почивать. *(Отвѣой)* Благодарю за пріятно проведенное время. Всегда готовъ къ услугамъ—почтмейстеръ Шавердовъ. Счастливыхъ сновъ. *(Уходитъ)*.

Наташа. Вотъ бездѣльникъ.

Огнева. Какъ сыро въ саду.

Наташа. Вы какъ хотите—а я схожу выкупаю и лягу спать.

Огнева. Я бы хотѣла подождать еще немного Давыда Давыдовича.

Наташа *(глядя въ сторону)*. Пойдемте купаться.

Огнева. Холодно.

Наташа. Ну такъ посидите въ купальнѣ... Развѣ вы съ нимъ не обо всемъ переговорили? Деньги онъ вамъ дастъ. Что же еще?

Огнева. Правда? Вы въ этомъ увѣрены? Какой обаятельный человекъ Давыдъ Давыдовичъ. Немного грубоватый на первый взглядъ, но у такихъ людей, я знаю, бесконечно нѣжное сердце. Я буду работать не покладая рукъ и верну ему долгъ до Рождества... гораздо раньше, чѣмъ до Рождества.

Наташа. Вы находите, что у него нѣжное сердце?

Огнева. Повѣрьте моей опытности—такіе люди любятъ страстно, и одинъ разъ на всю жизнь.

Наташа *(неожиданно весело затѣла. Затѣмъ отъ смущенія завертѣлась, съела колоколомъ...)* Такъ вы въ этомъ увѣрены? *(Дунула на одуванчикъ)*. А я нѣтъ... Знаете—мнѣ часто снится сонъ, будто я лечу высоко, до самыхъ облаковъ. Мнѣ легко, прохладно, кружится голова и сердце часто, часто бьется. И чувствую я—лечу оттого, что это любовь. Правда, какой глупый сонъ?

Огнева. Милочка, какая вы еще дѣвочка. Ахъ, облака. Лишь бы чувствовать, что на землѣ среди множества, множества людей есть родной человекъ... Онъ простить и пожалѣть.

Наташа. Какая тамъ жалость. Я не хочу никакого убожества. Пусть любятъ меня такой, какая я есть.

Огнева *(прислоняясь головой къ балюстрадѣ)*. Когда увидишь, что земля очень велика, людей на ней много, настрадаешься, прольешь не мало слезъ—тогда станеть ясно, что жить намъ всѣмъ очень не долго, и не съ чего быть заносчивой. Любовь—такая рѣдкость. И какъ намъ она нужна. Вотъ тотъ же Давыдъ Давыдовичъ—богатый, сильный и молодой, а я чувствую—у него какое—то страшное горе, точно онъ каждую минуту на шагъ отъ смерти.

Наташа. Какое же у него можетъ быть горе?

Огнева. Давеча онъ такъ мнѣ сжалъ руки, такъ увѣрялъ, что мы поймемъ другъ друга—я поняла: онъ любитъ кого-то, его мучаютъ, и некому утѣшить...

Наташа *(рзко)*. Мнѣ кажется, Давыдъ Давыдовичъ не нуждается ни въ чьемъ утѣшеніи.

Огнева. Мы всѣ нуждаемся.

Наташа. Можетъ быть вы нуждаетесь, а Давыдъ Давыдовичъ не нуждается. Вообще весь этотъ разговоръ мнѣ въ высшей степени непріятенъ. Вы хотите итти купаться или нѣтъ?

Огнева *(растерянно)*. Не знаю, право. Мнѣ такъ не хочется.

Наташа. Все равно, пойдемте... Пожалуйста, не подумайте, будто я не хочу, чтобы вы встрѣтились. Но мнѣ просто непріятно если вы его начнете жалѣть.

Огнева. Боже мой...

Наташа. Что?

Огнева. Боже мой, какая же я недогадливая.

Наташа *(инъво)*. Я очень не люблю, когда начинаютъ догадываться.

Огнева. Простите меня, Наташа. У меня просто голова пошла кругомъ. Достаточно человекъ ласково поговорить со мной, я ужъ и надѣюсь, что, можетъ быть, этотъ и спасетъ меня и полюбитъ... Господи... что я говорю...

Наташа. Удивляюсь, Марья Петровна, у васъ есть мужъ...

Огнева. Степанъ... Я его боюсь... Онъ злопамятенъ, ненавидитъ меня... Такой странный.

Наташа. Вотъ ужь, если кто дѣйствительно и любить васъ, такъ это Степанъ Александровичъ.

Огнева. Любить меня..

Наташа. Да. И его никто не хочетъ понять. Онъ очень, очень несчастенъ. Онъ слабый и непрактичный, но это какое то изступленное, надорванное чувство къ вамъ. Особенно за послѣдній годъ, когда онъ совсѣмъ опустился.

Огнева. Что вы говорите... Голубушка, но вѣдь все что вчера... *(Онъ уходитъ въ садъ. На балконъ появляется Дарья. Звучитъ трюмко.)*

Дарья. Вотъ зѣвъ напалъ. Охъ, Господи, должно быть къ дождю. *(Кричитъ въ садъ.)* Барышня! Ставить самоваръ-то? Голосъ Наташи. Да, ставъ.

Дарья. И спать не ложились. Дѣлать нечего — вотъ и ходюте, вотъ и шляндаютъ безъ ума... *(Появляются Бабинъ и Яблоковъ.)*

Бабинъ. Отстанъ, пожалуйста, отстанъ отъ меня...

Яблоковъ. За что ты меня прибилъ? Я тебя спасаю, а ты дерешься. Бѣшенный мужикъ.

Бабинъ. Я тебя еще на изнанку выверну. *(Дарья.)*. Баба, гдѣ Марья Петровна?

Дарья. Купаться пошла съ нашей барышней.

Яблоковъ. Поди, побѣги къ ней, скажи молъ деньги принесли.

Дарья. Деньги? А я сейчасъ сбѣгаю. *(Уходитъ.)*

Яблоковъ. Я тебѣ толкую—у Степана револьверъ Смитъ и Вессонъ.

Бабинъ. А мнѣ какое дѣло.

Яблоковъ. Вѣдь онъ же тебя убьетъ.

Бабинъ. Ну и пускай убиваетъ. Не страшно. А вотъ ты почуялъ деньги — и лѣзешь ко мнѣ и крутишься, какъ оса.

Яблоковъ. Наплевалъ я на твои деньги.

Бабинъ. Дать бы тебѣ сейчасъ тысячу рублей, похаль

бы ты въ Москву, купилъ новую шляпу, закатился на скачки, въ ресторанъ, портсигаръ бы себѣ завелъ серебряный. А потомъ въ клубѣ можно выиграть въ карты цѣлое состояніе. Я зналъ одного такого.

Яблоковъ. Какой же ты все-таки свинья! Слушай, здѣсь тебѣ ей Богу опасно оставаться. Вотъ, кажется, кто-то идетъ. Ты деньги дай мнѣ, а я ихъ передамъ Марьѣ Петровнѣ. Ты же немедленно поѣзжай на хуторъ. Давай!..

Бабинъ *(показываетъ)*. Вотъ они. И бумажникъ новенькій. Хочешь отдамъ тебѣ совсѣмъ?

Яблоковъ. Нѣтъ... а какъ же Марья Петровна?

Бабинъ. Ей тоже дамъ. Мнѣ не жалко. Хотя все берите.

Яблоковъ. Я не милостыню у тебя прошу. Какъ только въ желѣзку выиграю—сейчасъ же верну..

Бабинъ *(бросаетъ бумажникъ на землю)*. Подними.

Яблоковъ *(оглядывается—не видитъ ли кто)*. Ну, а если подниму?

Бабинъ. Твои! *(Яблоковъ наклоняется, Бабинъ придерживаетъ бумажникъ ною.)*

Яблоковъ. А ты не держи ногой.

Бабинъ. Поцѣлуй сапогъ—тогда отпущу.

Яблоковъ. Зачѣмъ это тебѣ нужно? Ей Богу, никакого удовольствія не доставитъ. Что это за привычка надругиваться, въ самомъ дѣлѣ, за что ты меня такъ обижаешь, Давыдъ?

Бабинъ. Злѣйшій ты мой врагъ, Митя. Пользовался самымъ что ни на есть завѣтнымъ. Хуже чѣмъ обидѣлъ меня—уничтожилъ. И Степанову любовь повернулъ на деньги. И актрису эту замучилъ. Проходимецъ! Кабы сейчасъ у меня была охота—я бы тебя сапогомъ растеръ. Не держись за мою ногу. *(Толкаетъ его. Яблоковъ садится.)*

Яблоковъ. Униженіе мое ты ни во что цѣнишь? *(Входитъ Хомутовъ.)*

Хомутовъ *(Бабиню)*. Встанъ!

Яблоковъ *(вскрикиваетъ)* Степа!.. Ради Бога...

Бабинъ. Нѣтъ. Я посижу.

Хомутовъ. Ты знаешь, для чего я тебя ищу?

Бабинъ. Знаю. Вонъ онъ у тебя торчитъ изъ кармана.

Яблоковъ. Господа, честное слово не надо. Что вы дѣлаете...

Хомутовъ. Я ищу тебя убить...

Бабинъ. Ну, и убивай.

Яблоковъ. Вотъ видите у васъ и человѣческой разговоръ завязался. Можно и отношеніе выяснить...

Хомутовъ. Ты оскорбилъ мою жену. Ты причинилъ всѣмъ зло. Ты и сейчасъ смѣешься надо мной.

Яблоковъ. Степа... Я, я всему причиной.

Бабинъ (*Хомутову*). Ты что лопочешь? Боишься, что ли? Зачѣмъ пришелъ то и дѣлай. Или уйди. Мнѣ противно.

(*Сзади за деревьями незаметно появляются Наташа и Огнева*).

Хомутовъ. Я долженъ отомстить за Машу. Ея руки нельзя даже коснуться безнаказанно. Грязной мысли не должно быть о Машѣ...

Яблоковъ. Постой, постой, Степа, я васъ помирю. Давидъ Давыдовичъ былъ настолько добръ, что принесъ Марьѣ Петровнѣ деньги, тысячу рублей... (*Показываетъ бумажникъ*).

Хомутовъ (*Бабину*). Ты осмѣлился предлагать моей женѣ деньги!

Бабинъ. Осмѣлился.

Хомутовъ. Стой... (*Внимаетъ изъ кармана револьверъ*).

Бабинъ. Подожди... Подожди... (*Вздвинулъ*). Стрѣляй. (*Въ это время Огнева закричала, а Наташа бросилась къ Хомутову. Раздался выстрѣлъ. Бабинъ покачнулся... Затѣмъ отеръ со лба потъ*).

Хомутовъ (*закрывая рукой лицо*). Нельзя же такъ... Господа.

Наташа (*Хомутову*). Отдайте. (*Беретъ у него револьверъ*).

Яблоковъ. Мимо!

Бабинъ (*Хомутову*). Все, что ли?

Яблоковъ. Все, все... Больше ничего не будетъ. Уходи. (*Бабинъ поворачивается чтобы уйти*).

Наташа. Подождите. (*Идетъ за нимъ*). Вы не ранены?

Бабинъ. Нѣтъ.

Наташа. Мнѣ нужно съ вами говорить.

Бабинъ. Я, Наталья Владимировна, кругомъ виноватъ. Получилъ за дѣло.

Наташа. Ахъ, подождите же... Вы... Это не самое важное. (*Они уходятъ въ глубину сада*).

Огнева. Что вы надѣлали...

Хомутовъ. Промалнулъ!

Яблоковъ (*изъ глубины сада*). Умнѣе ты ничего не придумалъ—стрѣлять. Эхъ ты—Кугузовъ. (*Скрывается*).

Огнева. Степанъ, подойдите ко мнѣ. Для чего вы это сдѣлали. Скажите...

Хомутовъ. Я тебя люблю, Маша.

Огнева. Милый мой, голубчикъ, ты все это сдѣлалъ для меня? Неужели для меня... (*Хомутовъ киваетъ головой*). Только изъ-за того, что меня обидѣли, ты рѣшилъ стрѣлять?

Хомутовъ. Я люблю тебя...

Огнева. Ты смѣешься надо мной? (*Глядитъ въ глаза*). Нѣтъ. нѣтъ, нѣтъ... Знаешь ли, что ты для меня сдѣлалъ? Дай руку... (*Глядитъ въ глаза*). Человѣкъ мой, родной.

Хомутовъ. Теперь ты вѣришь мнѣ? Я столько выстрадалъ. Какъ я люблю тебя. Мы уѣдемъ, я буду работать. (*Они садятся на скамью*). Прекрасная, изумительная женщина. Вотъ сейчасъ я чувствую, твое сердце совсѣмъ раскрылось... Свѣтлая, чистая, невинная...

Огнева. Какъ ты мнѣ нравишься. Мнѣ никто не говорилъ такихъ словъ. Я тоже думала иногда, что вовсе ужъ я не такая плохая. Я дѣвушкой была хорошая, мечтательница, и все о чемъ думала — о свѣтлой жизни, о ласкѣ, о любви—момъ мужъ—все это было мое, задушевное. А потомъ, кому не скажу про это, всѣ смѣются, не понимаютъ, никому это мое задушевное не нужно. А ты понимаешь?

Хомутовъ. Да, да понимаю... *(Цылуеъ ей руки).*

Огнева. Слушай. А можетъ быть, все это уже минуло? Можетъ быть нельзя забыть прошлаго? Мнѣ хочется, чтобы ты хорошенько понялъ, что и я была дѣвушкой, нѣжной, задушевной, чистенькой...

Хомутовъ. Молчи, молчи... *(Закуковала кукушка).*

Огнева. Слушай... Кукушка... Сколько лѣтъ? Разъ... два... *(Считаетъ. Появляются Наташа и Бабинъ).*

Бабинъ. Понимаю: не своевольничать, не грубить, слушаться васъ, векселей не рвать, а еще что?

Наташа. Главное.

Бабинъ. А что главное-то?

Наташа. Потому сами догадаетесь.

Бабинъ. А сейчасъ на хуторъ ѣхать?

Наташа. Я думаю, что вамъ хорошо пожить на хуторѣ нѣкоторое время одному.

Бабинъ. Хорошо. Уѣду. Въ степи буду жить. Одинъ. А васъ я люблю, Наташа, нѣтъ, извините, я уже это скажу: навѣкъ. До смерти.

Наташа. Что это, кажется, звонять?

Бабинъ. Праздникъ сегодня.

Наташа. Вы все-таки рѣшили ѣхать на хуторъ?

Бабинъ. Да, скоро косить начнемъ.

Наташа. Косить?

Бабинъ. Клеверъ.

Наташа. Это трава такая, лиловыми цвѣтами цвѣтеть.

Бабинъ. Да, лиловыми.

Наташа. И красными?

Бабинъ. И красными бываетъ.

Наташа. А желтыми?

Бабинъ. Желтыми это, какъ сказать...

Наташа *(сквозь смѣхъ и слезы).* А голубыми? *(Быстро цылуеъ его).*

Бабинъ. Наташа... Наташа...

Наташа *(замытвъ Хомутова).* Они глядятъ, безсовѣстный. Виновата, пожалуйста, пустите мою руку, Давыдъ Да-

вдовичъ. Помогите мнѣ принести посуду... *(Убѣгаетъ съ Бабинымъ на балконъ).*

Огнева *(мужу).* А тебѣ какіе цвѣты больше нравятся— красные или синіе?

Хомутовъ. Ты мнѣ нравишься очень.

Огнева. Мнѣ представляется, что нынче я твоя невѣста. *(Входитъ Дарья съ самоваромъ, Наташа и Бабинъ съ посудой).*

Наташа. Вообще во всѣхъ случаяхъ жизни нужно поставить самоваръ, тогда все станетъ понятно. *(Хомутовымъ.)* Вы, кажется, помирились? Я рада.

Огнева. Милочка, поздравляю васъ.

Наташа. Съ чѣмъ? Фу, какія глупости.

Хомутовъ. Давыдъ Давыдовичъ, ты на меня не обижайся.

Бабинъ. Это я-то... А я ничего не понимаю.

Наташа. Ну, пожалуйста... Дайте поднось. Какъ вы держите чашки...

Бабинъ. Замѣчательный поднось, удивительный поднось.

Огнева. Наташа, а мнѣ кукушка накуковала пять лѣтъ... Наташа. Дарья, несите же сливки. Мы всѣ страшно голодны. *(Входитъ Яблоковъ).*

Хомутовъ. А, Митя...

Яблоковъ. Чай пьете... Вотъ что... Я нечаянно чьи-то деньги захватилъ.

Наташа. Дарья, вы опять принесли засахаренное варенье.

Хомутовъ. Мить, присаживайся.

Яблоковъ. Чьи же они теперь, деньги-то?

Огнева. Дмитрій Ивановичъ, пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить.

Бабинъ *(постынно).* Наталья Владимировна, я самъ сбѣгаю.

Наташа. Сидите. Успѣете набѣгаться.

Яблоковъ. Отъ своихъ денегъ отказываются. Помирились, значить, всѣ. Очень хорошо. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать... *(Врываетъ бумажникъ на столъ.)* На-те, чужого мнѣ

не надо. Значить... до свиданья. Никакой благодарности, конечно, и вообще ничего не надо. Прощайте.

Хомутовъ. Митя, останься съ нами.

Яблоковъ. А какъ же вообще... (Съяз.) Дѣйствительно, некуда итти, кромѣ васъ никого...

Огнева. Только бы любить—все будетъ хорошо, Друзья... друзья мои...

Занавѣсъ

ГОРЬКІЙ ЦВѢТЪ

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лиза (Елизавета Антонова).

Василій Петрович Драгоменецкій—лѣтъ 35.

Егоръ Ивановичъ Вологодцовъ—лѣтъ 40.

Мирра Михайловна Хорошенкова (Драгоменецкая)—взбалмошная, нервная женщина, съ фанатическими глазами, столичнымъ лоскомъ и провинціальными манерами.

Зоя—крѣпкая дѣвка—лѣтъ 18.

Прасковья Алексѣевна—лѣтъ 40.

Баба.

Акил—акражистый, мужикъ, юродивый, съ хитрецей.

Константинъ Павловичъ—дьячокъ.

Володька—бродяга, природный анархистъ, зубастый и совершенно собою удовлетворенный человѣкъ, въ общемъ добрый парень.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Лужайка передъ церковью. Сбоку на веревкахъ, вынесенная провѣтриваться, виситъ поповская одежда. За оградой виденъ провинціальныи городокъ.

На травѣ лежитъ Володька, напротивъ на лавочкѣ Зоя, грызетъ сѣмечки. У одежды—баба выколачиваетъ палкой пыль

Володька. Какъ зовутъ-то?

Зоя. Зоя.

Володька. А сколько тебѣ лѣтъ?

Зоя. Вчера было за сто.

Володька. Дѣвка?

Зоя. А тебѣ къ чему это знать?

Володька. Я всегда долженъ знать все по этой части...

Если ты—баба, съ тобой одинъ разговоръ, а если дѣвка—другой. Я сразу вижу, что ты—дѣвка.

Зоя. Какой догадливый. Откуда же ты будешь самъ-то?

Володька. Я—авантюристъ. Живаль въ столицахъ, за границей и даже въ Африкѣ у кафровъ. (*Сплюгиваетъ*). Не интересно. Все одно и то же. Только тамъ бабы много умнѣ нашего. Ты, значитъ, изъ скита пріѣхала?

Зоя. Изъ скита Лысогорскаго. Мы съ тятенькой пріѣхали за свѣчами и за мыломъ.

Володька. Лавошники?

Зоя. Мы—дьячки.

Володька. Это не у васъ ли на Лысой горѣ старецъ проявился Акила?

Зоя. У насъ. А ты такъ про него не выражайся.

Володька, Я туда скоро приду. Ждите.

Зоя. Только тебя там и дожидаются.

(Входитъ дьячокъ—Константинъ Павловичъ).

Дьячокъ. Я на постоянный дворъ побѣжалъ, а ты вотъ гдѣ сидишь. Ну, Зоюшка, все укупилъ. Попонимъ лошадокъ и повѣдемъ съ Богомъ. Это чья же одежда-то висить?

Володька. Поповская. Вывѣтривать повѣсили ржавый духъ.

Дьячокъ. А ты зачѣмъ развалился у храма? Какъ тебѣ не стыдно. Идемъ, Зоя отсюдава.

Зоя. Тянька, подождите, сейчасъ вѣнчать кончатъ, посмотримъ жениха съ невѣстой.

Баба. Ну, ужъ и свадьба. Вчера къ батюшкѣ заявились, а нынче—вѣнчать; чисто тайкомъ, и безъ пѣвчихъ. Боятся они, что ли, чего, или такъ не терпится.

Дьячокъ *(сидится на лавочку)*. Кого вѣнчаютъ-то?

Володька. Дураковъ.

Дьячокъ. Какъ дураковъ? Какихъ?

Володька. Онъ дуракъ, зачѣмъ женится, ну а она дура потому, что баба.

Дьячокъ. А вотъ я сейчасъ схожу, позову полицейскаго, чтобы тебя убрали отсюда. Крапивникъ. *(Володька смѣется)*.

Зоя. А ты слушай что онъ болтаетъ... Женихъ, Василій Петровичъ Драгоменецкій.

Дьячокъ. Ну.

Зоя. А невѣста вдова.

Дьячокъ. Богатая?

Зоя. Хорошенкова Мирра Михайловна.

Дьячокъ. Богатѣйшая, богатѣйшая женщина, дай Богъ ей здоровья. Богомольная женщина. Скитъ нашъ не оставляетъ безъ вниманія. Отецъ Акила ее даже превыше всѣхъ вознесъ. А за кого замужъ-то она выходитъ?

Зоя. Да, говорю, за Василя Петровича.

Дьячокъ. Бѣдный, но благороднѣйшаго происхожденія дворянинъ... Весьма я доволенъ подобному возвышенію нашей благодѣтельницы. *(Ударилъ колоколъ)*. Обрачались.

Володька. А позвольте спросить—чѣмъ же Акила этотъ у васъ въ скиту занимается?

Дьячокъ *(строфо)*. Старецъ врачуетъ душевныя, такъ и тѣлесныя скорби, какъ-то: упадокъ духа, язвы, глазную немочь, запой и дѣтскую криксу. Выгоняетъ червей изъ скота и кладетъ запреты: бродягъ, чтобы не бродилъ, суетному—чтобы не суетился, чревоугоднику—чтобы ѣлъ съ аппетитомъ, но не безобразно. У каждого человѣка есть какая-нибудь дрянь. Значитъ, каждому полезно сходить къ старцу. Большую помощь оказываетъ людямъ.

Баба. Разказываютъ, милые мои, пришла къ нему одна женщина, жалуется животомъ. Мужъ ее черезъ это не любить, бьетъ. Сама избита... Старецъ возложилъ на нее руку, да какъ закричитъ, милые:—змѣя въ ей, змѣя въ ей,—такъ весь народъ и шарахнулся. И что же оказалось, въ этой женщинѣ змѣя шесть аршинъ, страшенная.

Володька. Ну, ужъ это пустыки.

Дьячокъ. Извините, все такъ было, какъ она говорить. *(Вбѣгаетъ изъ воротъ Лиза. Она въ простенькомъ платьѣ и козырькѣ)*.

Лиза. Вѣнчаютъ?

Дьячокъ. Вамъ кого нужно, дѣвица?

Лиза. Его... Онъ здѣсь?.. Василій Петровичъ...

Дьячокъ. Совершенно вѣрно. Обрядъ оконченъ.

Лиза. Обвѣнчался? *(Хочетъ бѣжать въ церковь. Володька заслоняетъ дорогу)*.

Баба. Батюшки. Держите ее.

Володька. Мамзель, вы куда спѣшите?

Лиза. Къ нему. Пустите меня...

Володька. Не могу, при всемъ желаніи.

Лиза. Нужно мнѣ. Пожалуйста.

Володька. Извините, мамзель, мнѣ за это деньги заплачены—васъ не пускать.

Лиза. Деньги платили—въ церковь меня не пускать. Господи помилуй. Что же я ему сдѣлала? Въ церковь не велать пускать...

Володька. Извините, боятся скандала съ вашей стороны.

Лиза. Да какой-же скандалъ, когда любила я его... А онъ тайкомъ, ничего не сказалъ...

Зоя. Хотѣла свадьбу сорвать; есть такія шельмы.

Лиза. Я изъ-за рѣчки бѣжала. Сосѣди сказали... не вѣрила... Вѣдь вчера еще онъ приходилъ, смѣялся... *(Опять жинулась)*. Не вѣрю... не вѣрю... Не можетъ быть. Не его вѣщаютъ...

Володька. Мамзель, ваше дѣло пропащее. *(Лиза съшла на ступени паперти и заплакала)*. Фу, ты, какъ вы ревете. Послушайте, плюньте ему, хахалю, въ глаза, когда онъ выйдетъ. Я препятствовать не стану. Что я, дѣйствительно, напьянъ буржуюмъ. Поищите другого себѣ раба.

Дьячокъ. Ахъ ты, мошенникъ. Деньги взялъ, а сильныхъ міра сего поносишь.

Володька. Ахъ. Деньги вчера пропилъ.

Дьячокъ. Идемъ, Зоя.

Зоя. Тятенька, послушаемъ, какъ она плачетъ.

Баба *(Лизѣ)*. А ты, сударушка, громче кричи, на голось. Вотъ въ прошломъ году тоже одна женщина здѣсь брякнулась на ступеньки, да заголосила такъ хорошо—громко. Народъ со всего квартала сбѣжался, жениху жилетку всю изодрали, едва живого увезли въ каретъ.

Дьячокъ. Выходятъ.

(Она встаетъ и снимаетъ шляпу. Лиза осканиваетъ, прижавъ руки къ груди смотритъ на выходящихъ).

Зоя. Тетенька, молодая вся въ шелку.

(Появляется Драгоменецкій подъ руку съ женой, за ними Вологодовъ. Позади нѣсколько человекъ любопытныхъ. Володька скрывается).

Лиза. Василій Петровичъ... *(Молодые остановились)*.

Мирра. Ай!

Лиза. Васенька. Обманулъ меня... Зачѣмъ тебѣ обманывать нужно было? Родной...

Драгоменецкій *(смотритъ поверхъ головы)*. Гдѣ наша карета?

Лиза. Ни минутки бы тебя не стала держать...

Мирра. Послушайте, что это за женщина?

Вологодовъ. Господа, прошу не волноваться. *(Лизѣ)*. Сударыня, успокойтесь, прошу васъ.

Лиза. Я спокойная... Я никого не трону.

Мирра. Уберите ее, я боюсь.

Драгоменецкій. Не кричите пронзительно. Идемте. Лиза. Васенька... ты мнѣ скажи, совсѣмъ разлюбилъ... навсегда?.

Драгоменецкій. Я ничего не понимаю. Здѣсь такой шумъ. *(Снимаетъ цилиндръ, вытираетъ потъ)*.

Лиза. Не бойся меня, я спросить хочу и уйду. Не томи... Скажи—зачѣмъ же ты вчера приходилъ? Хотя минутку когда-нибудь любилъ меня, скажи? Голубчикъ...

Мирра. Что вы привязались къ моему мужу? Мы васъ не знаемъ.

Лиза. Ты молчи. Ты со мной не смѣешь говорить.

Мирра *(глядитъ на Лизу мимовіе молча)*. У нея страшные глаза.. Боюсь...

Вологодовъ *(народу)*. Послушайте, крикните чтобы карета подъѣзжала.

Зоя. Тятенька, умру, интересно.

Мирра. Базиль, мнѣ дурно...

Драгоменецкій. Держитесь по крайней мѣрѣ достойно, Мирра.

Мирра. Безъ васъ понимаю; какъ держаться... Вы мнѣ очень пріятный сюрпризъ приготовили въ день свадьбы.

Лиза. Васенька, или я съ ума сошла...

Драгоменецкій *(Лизѣ)*. Я васъ вижу въ первый разъ.

Лиза. Нѣтъ.. Нѣтъ...

Драгоменецкій. Вы приняли меня за кого-нибудь другого. Позвольте намъ пройти. *(Пауза)*.

Зоя. Липкая какая, пройти не даетъ.

Дьячокъ А ты не лѣзь еще со своимъ глупымъ разворомъ *(Пауза)*.

Лиза. Прощай, Васенька.

Драгоменецкій *(женъ)*. Идемте, Мирра Михайловна.

Мирра *(Лизъ)*. Васъ милая нужно въ больницу запретъ, а не пускать по городу. *(Подобравъ платье бѣжитъ къ воротамъ, Вологодовъ стѣшитъ за нею. Драгоменецкій идетъ медленно, едва передвигая ноги, держа высоко голову)*.

Зоя. Никогда не допустила бы себя до такого срама при всемъ народѣ.

Дьячокъ. А я вотъ поздравить ихъ даже не успѣлъ съ законнымъ бракомъ.

Драгоменецкій *(оборачивается въ воротахъ и говоритъ Лизъ, глядящей ему въ лицо)*. Прощай, Лиза. Прости. *(Ушелъ)*.

Лиза. Не прощу. Не могу. *(Садится на лавочку)*.

Зоя *(Лизъ)*. Послушайте, а онъ къ вамъ часто ходилъ?

Дьячокъ. Не приставай. Видишь, она безъ сознания. *(Лизъ)*. Дѣвица хорошая, вотъ вамъ книжечка. *(Вынимаетъ изъ шляпы и даетъ)*. Не велика, но чудесно въ ней описано мѣстонахождение нашего скита и природа окрестностей. А вотъ портретъ старца Акилы и все имъ содѣянное. Сходите, сходите къ намъ, получите великое облегченіе. *(Тянетъ Зою за рукавъ къ выходу)*.

Зоя. Тятенька, что это у нея лицо какое страшное — сейчасъ помреть.

Дьячокъ. Иди, Зойка.

Зоя. Тятенька, какіе подлецы на свѣтѣ мужчины.

(Дьячокъ и Зоя уходятъ).

Баба *(Лизъ)*. Ахъ, дѣвушка, какъ же ты такъ не причемъ осталася. Тебѣ надо бы съ перваго раза рыжую эту за волосы схватить — да. А ужъ теперь, она имъ завладѣла. Баринъ-то какой красивый... И самой тебѣ, чай, досадно. Вотъ слезъ-то прольешь. А ты сходи, сходи къ отцу Акилѣ — можеть. Поклонись ему гусемъ али уткой.

Вологодовъ *(быстро входитъ)*. Ну, что она?

Баба. Обмерла. Нѣтъ, гдѣ ужъ, она жить не станеть. Люди говорятъ — сиротка. Въ гимназій училась, грамотная, а швея, на домъ работу брала, значить — бѣдная была. А зовутъ Лиза.

Вологодовъ. Оставьте насъ. Я долженъ съ ней говорить.

Баба. Поговори, поговори, батюшка. Иду. Иду. *(Она отходитъ къ висящей одеждѣ и, спуская некоторое время, захвативъ какую-то шубу, удаляется совсѣмъ)*.

Вологодовъ *(подойдя къ Лизъ)*. Василій Петровичъ только что просилъ меня съ вами переговорить. Онъ мой давнишній другъ, и я отвѣчаю за всѣ его поступки. Вамъ угодно выслушать? Меня зовутъ Вологодовъ. *(Лиза поднимаетъ голову. Глаза ея высохли и блестятъ, какъ въ лихорадкѣ. Она говоритъ почти спокойно, но выраженіе словъ ея находится въ какомъ то несоотвѣтствіи съ ихъ смысломъ)*.

Лиза. За какіе поступки вы отвѣчаете?

Вологодовъ *(рѣзко)*. За всѣ.

Лиза. Говорите.

Вологодовъ. Василій Петровичъ очень удрученъ всѣмъ здѣсь происшедшимъ.

Лиза. Мнѣ тоже это показалось.

Вологодовъ. Вы не поняли меня... Онъ очень озабоченъ вашимъ горемъ.

Лиза. Пожалуйста, передайте, что никакихъ скандаловъ съ моей стороны больше не будетъ.

Вологодовъ. Эхъ, вы все не о томъ.

Лиза. А сегодня случилось только потому, что я ничего не знала... не повѣрила... Побѣжала... Мнѣ все равно нужно было за матеріей бѣжать... Вотъ куда это я записочку потеряла, все было записано, что купить... *(Поискала и сейчасъ же забыла)*.

Вологодовъ *(кусая губы)*. Вы все-таки не желаете меня понять...

Лиза. И горя никакого нѣтъ. На улицѣ ихъ встрѣчу —

на другую сторону перейду. Пусть не боятся... Испугались кого... *(У нея задрожали губы, отвернулась)*.

Вологодовъ. Елизавета Антоновна, послушайте: эта свадьба была рѣшена внезапно, въ три дня, мы всѣ голову потеряли. Дѣло въ томъ, что денежные дѣла Василія были очень тяжелы. Оставался одинъ выходъ—женитьба, или выстрѣлъ... Конечно, все это не оправданіе, да я и не намѣренъ его оправдывать. Онъ самъ считаетъ себя глубоко виноватымъ передъ вами. Онъ хороший, порядочный человѣкъ, но слишкомъ мягкій и не практиченъ... Ну вотъ его собственныя слова: только что, садясь въ карету, онъ мнѣ шепнулъ:— „передайте ей что я подлецъ и негодяй“.

Лиза. Это къ чему же вы мнѣ все говорите?

Вологодовъ. Простите, Елизавета Антоновна, ваша судьба, ваша дальнѣйшая жизнь совершенно намъ не безразлична.

Лиза. Онъ что же деньги мнѣ велѣлъ передать что-ли? *(Пауза)*.

Вологодовъ. Да, конечно, все это дико и гнусно. Вы совершенно правы.

Лиза. Замужъ за него все равно бы не пошла. На колѣняхъ проси не пошла бы. Не знаю изъ-за чего вы такъ безпокоетесь. Я всѣмъ очень довольна...

Вологодовъ. Онъ еще просилъ передать, что все это скрылъ отъ васъ потому, что такъ требовала Мирра Михайловна. Она кажется догадывалась о вашихъ отношеніяхъ и поставила условіе—свадьбу держать въ тайнѣ. Ну вотъ все. Такъ-съ... А Василій поступилъ нехорошо... Елизавета Антоновна, разрѣшите мнѣ какъ-нибудь захватъ къ вамъ. Я былъ бы страшно счастливъ. Если не ошибаюсь, вы живете за рѣкой.

Лиза *(коротко засмѣялась)*. Да, за рѣкой.

Вологодовъ. Чему вы смѣетесь?

Лиза. Смѣшно очень стало. До смерти. За рѣкой я живу, господинъ Вологодовъ. Одна. И ходъ у меня отдѣльный прямо въ садикъ, изъ воротъ налѣво.

Вологодовъ. Фу, Елизавета Антоновна, не считайте меня за подлеца. Я хочу быть вамъ полезнымъ, только. Можетъ у человѣка загорѣться сердце наконецъ. Или мы всѣ звѣри... Я прошу мнѣ сказать, какъ честному человѣку, что я могу сдѣлать для васъ?

Лиза. Уйти. Уйти... Уходите.

Вологодовъ. Слушаюсь. Прощайте. *(Отошелъ, обернулся)*. Елизавета Антоновна, если что-нибудь случится съ вами... ради Бога...

Лиза. Со мной ничего не случится... Что вамъ еще нужно...

Вологодовъ *(низко снимая шляпу)*. Прошу простить меня, Елизавета Антоновна. *(Идетъ и въ воротахъ сталкивается съ Володькой)*.

Володька. Извиняюсь, господинъ, я немного не усмотрѣлъ за этой женщиной, да вѣдь лѣзла она прямо дуромъ.

Вологодовъ. Убирайтесь къ чорту.

Володька. Это я могу, а только съ васъ приходится на-чаишко.

Вологодовъ. На *(Швыряетъ деньги и уходитъ)*.

Володька. На. Какъ собакъ... Думаетъ, я не возьму, а я возьму, но съ величайшимъ презрѣніемъ. Ну-съ, мамзель, какъ ваши дѣла? Можетъ прикажете васъ до дому проводить послѣ такой катастрофы?

Лиза. Нѣтъ, не нужно, я сама дойду. *(Идетъ, покачнулась)*. Ахъ, что это у меня въ головѣ звенить... Точно колокольчики... Точно кузнечики... Жарко... Водичи бы испить... А то очень свѣтъ красный... *(Опускается на траву)*.

Володька. Мамзель, такъ нельзя. Мамзель, здѣсь не хорошо, здѣсь пыльно...

Лиза. Пожалуйста, подушечку мнѣ...

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Трапезная при взѣзжемъ дворѣ, который содержитъ Константинъ Павловичъ. Столы и скамьи. Одна дверь входная, двѣ другія въ комнаты, Окна на скитъ. Прилавокъ съ большимъ самоваромъ и расписной посудой. Здѣсь же продаются пряники, картины духовнаго содержания, колбасы и прочее. На бревенчатой стѣнѣ — сожженіе трехъ отроковъ, генераль Куропаткинъ, объявленіе мыла и прочее.

За прилавкомъ Константинъ Павловичъ. У стола Прасковья Алексѣевна пьетъ чай. Передъ ней стоитъ Лиза.

Прасковья. Давно въ скиту?

Лиза. Съ четверга.

Прасковья. Зачѣмъ пришла? Какое желаніе?

Лиза. Я бы хотѣла поговорить съ отцомъ Акилой.

Прасковья. Не знаю, захочетъ ли старецъ говорить съ тобой. Что-то ты больно блѣдная. Повернись-ка. Тошяя.

Дьячокъ. Лѣтомъ у нея горячка была, Прасковья Алексѣевна, едва не померла въ земской больницѣ. Хорошяя дѣвушка, допустите, допустите ее.

Прасковья. А чѣмъ кланяешься?

Лиза *(съ недоумѣніемъ смотритъ на обоихъ)*. Я не знаю...

Дьячокъ. Спрашиваютъ васъ, что принесли? Гуся, яиць ли, напимѣръ, индѣйскаго пѣтуха? Съ чѣмъ вы къ отцу-то пойдете?

Лиза. У меня есть съ собой немного денегъ. *(Кладетъ кошелекъ на столъ)*.

Прасковья *(взглядываетъ на дьячка, онъ въ свою очередь млядитъ на Прасковью Алексѣевну)*. Какъ же такъ что, а?

Дьячокъ. Такъ ужъ, Прасковья Алексѣевна.

Прасковья. Посчитайте, Константинъ Павловичъ. Дьячокъ. Съ удовольствіемъ.

(Осторожно беретъ кошелекъ и считаетъ деньги).

Прасковья *(Лизѣ)*. Горячка была?

Лиза. Да. Лежала безъ памяти до Петрова дня. А какъ встала—общалась сходить къ старцу, пусть работу возложить на меня. Теперь я совсѣмъ оправилась.

Дьячокъ. Не вѣрю я этому полтиннику, Прасковья Алексѣевна.

Прасковья. Ну-ка. *(Пробуетъ на зубокъ)*. Чистый.

Дьячокъ. Ну-ка, я. *(Пробуетъ на зубокъ)*. Бога гнѣвить нечего—хорошій полтинникъ. *(Лизѣ)*. Это вы дадите старцу, а это на свое пропитаніе у меня оставьте. *(Прасковья)*. Допустить возможно ее.

Прасковья *(Лизѣ)*. Хорошо, я тебя допущу къ отцу Акилѣ.

Лиза. Покорно васъ благодарю.

Дьячокъ. А теперь идите къ себѣ, васъ позовутъ когда нужно.

Лиза. Нельзя ли поскорѣе. Я третій день жду. Быть можетъ сегодня?

Прасковья. Какая настойчивая.

Дьячокъ. Завтра большой выходъ. А сегодня старецъ никого не принимаетъ, предаваясь отдыху и молитвамъ.

(Лиза идетъ и въ дверяхъ сталкивается съ Зоей).

Зоя. Что вы цѣлый день подъ руку лѣзете.. *(Лиза уходитъ. Зоя бѣжитъ къ прилавку, хватается калачъ и мчится къ двери)*.

Дьячокъ. Куда? Кому?

Зоя. Приѣхали.

Дьячокъ. Кто?

Зоя. Да сейчасъ. *(Убѣгаетъ)*.

Прасковья. Замужъ ее надо поскорѣе выдать.

Дьячокъ. Зла, зла, да. Очень строптивая. Прасковья Алексѣевна, еще стаканчикъ съ мятнымъ листомъ?

Прасковья. Не хочу больше чаю. Наливки хочу.
 Дьячокъ. Смородиновой?
 Прасковья. А ты наливай, не спрашивай.

(Входитъ Зоя).

Зоя. Найдите себѣ другого слугу, тятенька, я всѣ ноги отбѣгала. *(Идетъ за прилавокъ).*

Дьячокъ. Кто пріѣхаль-то, я спрашиваю?

Зоя. Мирра Михайловна съ мужемъ и господинъ Вологовъ. Заявились.

Дьячекъ. Ну, слава Богу, наконецъ-то, Зойка, шляпа гдѣ моя? Вотъ радость Богъ послалъ. Вѣдь я почти каждую недѣлю писалъ благодѣтелициѣ—привезите, привезите мужа. *(Прасковья).* Теперь очень надо держать ухо востро. Весьма опасуюсь какъ бы у насъ все обошлось благополучно. Прямо боюсь.

Прасковья. Кто боится тому чортъ приснится.

Дьячокъ. Тыфу, Прасковья Алексѣевна, поминаете чорта подъ праздникъ. *(Зоя).* Въ какомъ они номерѣ?

Зоя. Въ шестомъ.

Дьячокъ. Вотъ она шляпа. *(Уходитъ).*

Прасковья. Благодѣтельница мужа это лѣчить привезла?

Зоя. Да, отъ запоя. Въ маѣ повѣнчались—онъ и запилъ.

Прасковья. Налей-ка мнѣ еще смородиновой.

Зоя. Люди говорятъ — безпокойный сталь, невѣжливый какъ тиранъ.

Прасковья. Сглазили, значить.

Зоя. Сглазила его Лизавета, съ вами-то которая разговаривала, она. Какъ разъ на красную горку.

Прасковья. Вотъ какъ.

Зоя. Я сама видѣла: глазищами она въ него уперлась, онъ такъ и перемѣнился въ лицѣ, и затрясся. Вотъ страшно было глядѣть. я даже поблѣднѣла.

Прасковья. Что же ты раньше-то мнѣ не сказала? Это надо во вниманіе принять. *(За стѣной слышенъ кашель).* Ба-

тюшки, самъ проснулся. *(Слышитъ къ двери).* Накрывай столъ, чтобы ему со сна поскорѣе чаю выпить, а то опять будетъ кричать. *(Уходитъ во внутреннюю дверь. Зоя накрываетъ шиньонку уюль стола. Входитъ Володька).*

Володька. Папирсы имѣются?

Зоя. Имѣются.

Володька. Давай пачку.

Зоя. Безъ денегъ не дамъ.

Володька. Я бумажникъ въ оврагѣ оставилъ.

Зоя. Ну и ступай въ оврагъ, откуда пришелъ.

Володька *(обхвативъ ее за талию).* Такъ вѣдь мнѣ же одному тамъ скучно.

Зоя. А, ну тебя. *(Отталкиваетъ его).* Только платѣ мнешь. *(Продолжаетъ накрывать столъ).* Хотя бы занялись дѣломъ. Право. Тетенька вамъ жалованье хорошее положить. Одежу справимъ. Въ люди можете выйти.

Володька. Нѣтъ, ужъ это ты брось на меня покушаться. Я лучше уйду отъ грѣха.

Зоя *(бросая ему съ прилавка коробочку папирсы).* На-те.

Володька. Я тебѣ сейчасъ докажу. *(Закуриваетъ).* Вамъ, мѣщанамъ, жить на свѣтѣ тошно, какъ въ мелкой водѣ карасямъ; графамъ скучно; купцамъ—заботъ много, а царю — опасно. Вотъ и получается, значить, что мнѣ одному только и весело жить. Когда ты это поймешь—тогда пожалуйста, мы за грибами съ тобой можемъ сходить.

Зоя. За грибами?

Володька. Да, за грибами.

Зоя. Безчестный. Совѣсти нѣтъ у тебя надъ дѣвушкой безобразничать.

Володька. Такъ вѣдь я же тебя не силой тащу.

(За стѣной слышенъ кашель и голоса).

Зоя. Убирайся, Акила сюда идетъ.

(Володька прислоняется къ косяку входной двери. Изъ двери противоположной входятъ Акила и Прасковья. Акила — черный, сутулый и кряжистый, глядитъ исподлобья).

Акила. Я сонъ видѣлъ. Будто я въ саду и кругомъ меня цвѣты. Будто я по самый пупокъ въ землю вросъ.

Прасковья. Къ чему же сонъ, отъ диво то...

Акила. Жарко.

(Онъ садится къ столу. Прасковья и Зоя служатъ ему).

Прасковья. Откушай, батюшка.

Зоя. Прошу покорно, откушайте чаю.

Акила. Не желаю.

Прасковья. Вотъ жамки да меду. Вотъ орѣшки. А вотъ отвѣдай—лепешки крупитчатая, только изъ печи выкинули.

Акила *(толкаетъ тарелки)*. Не хочу. Фу, дрянь. Противно.

Прасковья. А ты хоть огурчикъ съ медкомъ откушай, разгуляй аппетитъ.

Акила. Прохладнаго.

Прасковья. Зоюшка, бѣги за квасомъ.

(Зоя убѣгаетъ и сейчасъ же возвращается со жбаномъ).

Акила. Къ тому сонъ, что я помереть долженъ. Да.

Прасковья. Ой, не говори такъ, батюшка мой...

Акила. Не вой. Желаю представиться. Грѣховъ много вижу. У всѣхъ бѣсъ за спиной. Тѣфу.

Прасковья *(наливаетъ кваса)*. Ужасы какіе.

Володька *(сплевываетъ)*. Чудеса.

Зоя. Батюшка, вы хоть бы вотъ Владимира-то пристыдили. Живетъ восьмую недѣлю, спитъ въ лѣсу, ничего не дѣлаетъ. Какъ дикій.

Акила *(Володькѣ)*. Ты, ротъ разинулъ. Оглянись... *(Володька олядьивается)*. Видѣлъ?

Володька. Нѣтъ.

Акила. А я видѣлъ. Да. *(Пьетъ изъ жбана)*.

Зоя. Вотъ, батюшка, страсти...

Акила *(спокойно)*. Вонъ онъ изъ-за плеча у него рыло высовывается. Фу, смрадъ какой...

Прасковья. Уходи, уходи съ нечистымъ духомъ.

Володька. Чудно что-то...

Акила. Будешь трудиться, какъ человѣкъ, а не какъ бродяга, я за тебя помолоюсь. Получишь награду великую и милость. Понялъ?

Володька. Да, понялъ.

Зоя. Уходи, уходи...

Володька. Ну, и политика. *(Уходитъ)*.

Зоя. Хорошенько его, батюшка, пострачайте, такой непокорный...

Акила. А ужъ ты и разсолодѣла. Ну-ка, садись рядомъ.

Прасковья *(поджавъ губы)*. Зоя, сядь напротивъ.

Акила. Въ каждое время я могу огорчиться. Что тогда?

Прасковья *(толкаетъ Зою въ дверь)*. Уходи отъ грѣха. *(Зоя ушла)*. Что ты съ дѣвкой-то озорничаешь? Мало тебѣ, батюшка, что ли сладкаго...

Акила. Ты корга, старая ворона. Да...

Прасковья. Сократись, сократись. Господь съ тобой...

Акила. Много воли взяла, Прасковья...

Прасковья. Пошелъ бы ты сейчасъ въ баню, право, а то больно гнѣвный. Вѣдь тебѣ съ благодѣтельницей надо разговаривать. Неровень да и напугаешь.

Акила. Ну, твое счастье. *(Съзавѣтъ съ лавки, причисываетъ волосы)*. Давно я Мирру Михайловну не видалъ. Поди, узнай, отдохнула она что ли съ дороги. Скажи—желаю съ ней ласкаться.

Прасковья. Да не забудь, батюшка, что я ты тебѣ про Лизавету рассказывала.

Акила. Я ничего не забываю.

(Входитъ Лиза).

Лиза. Отецъ Акила.

Прасковья *(бросается къ ней навстрѣчу)*. Нельзя, нельзя. Сказано тебѣ—нынче старецъ не принимаетъ.

Лиза. Я не могу здѣсь больше оставаться. Батюшка, выслушайте меня сейчасъ.

Прасковья. Завтра придешь.

Лиза. Не останусь я здѣсь ни минуты. Грѣхъ вамъ, если не примите меня. Такая тяжесть—мѣста себѣ не нахожу.

Акила. Какъ зовуть?

Прасковья. Да Лизавета. Она самая.

Акила. Подойди.

Прасковья. Подойди къ старцу. *(На ухо)*. Порядокъ знаешь? Приношеніе положи подъ холстъ, чтобы онъ не видѣлъ. Дай-ка я тебѣ помогу. *(Вертеть у Лизы кошелекъ, кладетъ на столъ, кланяется и уходитъ. Лиза стоитъ передъ Акилой)*.

Акила. Ну, давай шептаться. *(Хлопаетъ по лавкѣ)*. Садись.

Лиза. Погибаю. Силъ больше нѣтъ.

Акила. Вижу, вижу—давно не плакала. Ничего, поплачь порывдай.

Лиза. Любила я, батюшка...

Акила. Знаю. И кого любила—тоже знаю.

Лиза. Онъ здѣсь. Видѣла его только что. Лежитъ на диванѣ, блѣдный. Спать ли, боленъ—не поняла. Зачѣмъ онъ здѣсь? Куда дѣться? *(Вскочила)*.

Акила. Сядь. Дѣться тебѣ все равно некуда. Птица и та сама отъ себя не улетитъ. Да.

Лиза. Обиды забыть не могу. И любви его не могу забыть. Развѣ могу я жить, когда все было грѣхомъ; и слова наши и ласки—грѣшныя... Вся я грѣшна. Чистаго мѣста нѣтъ.

Акила. Трудно жить въ грѣхѣ, а въ святости еще труднѣе. Какъ же ты съ нимъ грѣшила?

Лиза. Въ огнѣ мнѣ сгорѣть — тогда забуду. На траву гляжу, на людей, ночью проснусь — вспомню: каждая минута жива, какъ игла во мнѣ. Едва встала послѣ болѣзни съ тѣхъ поръ и маюсь, мѣста нахожу. Вѣдь все, что было, ложь. И моя и его. Вѣдь онъ слова не сказалъ правды. Куда я дѣнусь съ такой памятью. Оглянуться на себя страшно. И жить нельзя.

Акила. Ишь ты, какъ тебя переворачиваетъ. Трудно тебѣ помочь.

Лиза. Сними съ меня грѣхъ. Все равно — трудомъ, мукой, униженіемъ, хоть плетями стегай... Только бы прошлое за мной не кидалось повсюду. Возьми у меня и душу и память.

Акила. Вытерпишь?

Лиза. Все вытерплю, съ радостью.

Акила. Съ радостью? Вотъ какъ. А ну-ка сними съ гвоздя лѣстовку. *(Лиза подаетъ ему ремennую лѣстовку)*. Ишь ты, какая расторопная. Больно буду стегать, дѣвка. Это перво-на-перво, а дальше еще труднѣе будетъ. Вытерпишь ли?

Лиза. Грѣшна... Грѣшна... Грѣшна.

Акила *(замахнулся, опустилъ руку)*. Постой. Погляди на меня. А ты въ меня вѣришь?

Лиза *(заметалась)*. Вѣрю, вѣрю, батюшка... Покорно я вамъ...

Акила *(хватаетъ ее за плечо, глядитъ въ глаза. Пауза. Внезапно)*. Вѣдьма.

Лиза. Что вы...

Акила. Вѣдьма. Гордыня окаянная. *(Отталкиваетъ ее)*. Зачѣмъ ко мнѣ пришла? Мною гнушаться пришла?

Лиза. Что вы... что вы... батюшка.

Акила *(бросаетъ лѣстовку)*. Не ври, я тебѣ не батюшка. Сапоговъ тебѣ не дамъ снять, вотъ что. За кого ты меня считаешь? Отвѣчай.

Лиза. Простите... Сама не знаю...

Акила. Кто я? Мужикъ юридивый? Да? Неграмотная скотина мужикъ? Вотъ какъ ты меня понимаешь. Ахъ ты сластена. Кислаго захотѣла? Нѣтъ тебѣ ни горькаго ни кислаго.

Лиза. Простите.. простите меня.

Акила. Не прощу. Не будетъ тебѣ отъ меня помощи. Уходи прочь.

Лиза. Не гоните... Пожалуйте.

Акила *(кричитъ)*. Прасковья.

Лиза. Нѣтъ, нѣтъ, сама уйду.

Акила. Подожди. *(Появляется Прасковья)*. Смотри, какая оказалась.

Прасковья. Корчить ее, прямая змѣя.

Акила. За святостью пришла. Царствіе небесное чужимъ горбомъ хочетъ заработать. Меня въ грязь, сама въ рай. И вѣдь меня почитаетъ хуже пса.

Прасковья. Такъ и выразилась?

Лиза. Неправда... Я этого не говорила. Я этого не думала.

Акила. Не кричи. Бѣсъ въ гортани. Ахъ, ненавистница. Униженія захотѣла? Я тебя унижу. Прасковья бѣги за Василиемъ Петровичемъ.

Лиза. Отецъ Акила, я не хочу его видѣть... Не могу. *(Прасковья уходитъ)*.

Акила. Терпи.

Лиза. Умру, не останусь. Отпустите меня.

Акила. Да ты со мной потише. Я изъ тебя вырву жало. Ты зачѣмъ человѣка испортила?

Лиза. Кого я испортила?

Акила. Чужому мужу позавидовала? Сила бѣсовская. Въ одно лѣто сгорѣлъ человѣкъ.

Лиза *(вскрикиваетъ)*. Василий Петрович?

Акила. Гложеть его твоя злоба. Пьеть запоемъ и съ благовѣрной супругой скандалить. Теперь погляди на него, порадуйся.

Лиза. Не я погубила Василия Петровича. Грѣшно вамъ такъ говорить.

Акила *(тихо)*. А вѣдь я тебя прокляну. Ты ему сейчасъ все простишь, Лизавета. Чтобы завтра онъ и думать о тебѣ позабылъ. *(Пауза)*.

Лиза. Хорошо, я останусь.

Акила. Поди, поди. *(Толкаетъ за прилавок)*. Сиди смиренно, покуда не позову. Ты у меня родная кровяными слезами заплачешь. Язвы пойдутъ по тебѣ. Высохнешь какъ шкилетъ, ну тогда можетъ-быть я за тебя помолюсь.

(Входитъ Драгоменецкій. Онъ очевидно пьянъ, но это носить слова. Лицо его блѣдно съ темными кругами вокругъ глазъ. Войдя онъ не видитъ Лизы, скрытой отъ него прилавкомъ).

Драгоменецкій. А. Святой отецъ. Здравствуйте.

Акила. Здравствуй, Василий. Давно я тебя ждалъ. Садись.

Драгоменецкій. Благодарю.

Акила. А ты со мной проще. Я человѣкъ легкій. Тѣсно тебѣ, разстегнись. Душа-то вылетитъ на волю и возрыдаеть. Да. Говори, говори, родной.

Драгоменецкій. О чемъ я хотѣлъ сказать? Въ сущности я чувствую себя довольно глупо, святой отецъ.

Акила. А я еще не святой. Нѣтъ. Грѣшный. Зови меня папа.

Драгоменецкій. Слушаюсь. Меня привезла сюда жена. Для чего, честное слово не знаю. Вышло что-то среднее между паломничествомъ и пикникомъ. Она вѣрить въ васъ... папа. Уговорила меня прѣхать и исцѣлиться. Я подчинился. Утверждаютъ, что я много пью. Но что же дѣлать, когда у меня жажда. Кстати, мы привезли вамъ отличной мадеры.

Акила. Хорошо. А съ какого дня у тебя жажда?

Драгоменецкій. Не помню. Боже мой, давно.

Акила. Не съ весны ли?

Драгоменецкій. Да. Вы правы—съ весны.

Акила. А не случилось весной событія какого-нибудь съ тобой?

Драгоменецкій. Событія... событія... *(Третъ лобъ)*. Кажется, со мной ничего не случилось. *(Безнадежно)*. Не помню.

Акила. Женщина тебѣ не досадила ли какая-нибудь, подлая? *(Драгоменецкій смотритъ на него не отвѣчая)*. Лизавету забылъ? *(Трясетъ его)*. Вася, да ты въ себѣ?

Драгоменецкій. Кто плачетъ? Кто здѣсь все время тихонько плачетъ? *(Оглядывается и только тогда слышитъ голосъ Лизы зажавшей платкомъ ротъ)*.

Акила. Вотъ она твоя хворь.

Драгоменецкій *(поднявшись со стула)*. Лиза.

Лиза. Теперь можно мнѣ итти, отецъ Акила?
Драгомене цкій. Елизавета Антоновна, какая встрѣча.
Акила. Гляди, гляди на нее. Поганка злая. Змѣя. Сосудъ
скверный. Вотъ кто сердце сушить... Плюнь, разотри.

Драгоменецкій. Какое счастье видѣть васъ...
Лиза. А мнѣ нѣтъ счастья видѣть васъ, Василий Петро-
вичъ.

Акила. Вася, плюнь, говорю, разотри.

Драгоменецкій. Оставьте насъ. (*Бросаясь къ Лизѣ*). Не
уходи, умоляю...

Лиза (*съ мужествомъ*). Что вамъ нужно? (*Быстро садится
къ столу*).

Акила. Родной, родной, Вася...

Драгоменецкій (*топая ногой въ башмакъ*). Убирай-
тесъ къ чорту, вы ничего не понимаете...

Акила. Вася, Вася, что ты...

Драгоменецкій. Ну.

Акила. Уйду, уйду, вотъ громъ загремѣлъ... (*Выпячивается
въ дверь*).

Драгоменецкій. Лиза... (*Береть ея руки*). Милыя мои
руки... Какъ я истосковался... Прости меня... Ну, подними же
лицо... Отчего ты дрожишь?

Лиза. Мнѣ страшно. Вы пьяны.

Драгоменецкій (*проводя рукой по лбу*). Ты знаешь объ
этомъ? Да. Я пью теперь довольно много. Я очень давно
пьянъ, Лиза. Съ тѣхъ самыхъ поръ. Я сдѣлалъ ошибку. Ду-
малъ вынесу, но я не смогъ переварить подлеца.

Лиза. Я вамъ простила.

Драгоменецкій. Зачѣмъ такъ жестоко говоришь со
мною. У тебя всегда былъ нѣжный голосъ, какъ у дѣвочки.
Почему, почему глаза полны слезъ?

Лиза (*метнулася*). Пустите меня.

Драгоменецкій. Лиза, я пью и молчу уже три мѣ-
сяца. Я съ ними больше не разговариваю, понимаешь? Молчу,
усмѣхаюсь и пью. Я брезгую моей женой, она злая и очень
душно воспитанная женщина... Госпожа Хорошенкова, уро-

жденная Фицъ.— Да, да.. Между нами: у ея матери въ Вар-
шавѣ было не то корсетное заведение, не то кафешантанъ.
Лиза, моя жизнь кончилась съ того часа, помнишь, у церкви,
на лужку. Какъ ты глядѣла на меня, родная, темные, любимые
глаза въ смертельной тоскѣ... По ночамъ я вспоминалъ ихъ,
плакалъ, и началъ пить коньякъ. (*Пауза*).

Лиза. Господи, дай мнѣ силы...

Драгоменецкій. Чему ты молишься? Разлюбить
меня?

Лиза. Уйти... Не слушать... Оставь меня... Не искушай
меня. Вѣдь ты и сейчасъ обманываешь. Я чувствую, какъ
словечки твои прокрадываются, запутываютъ... Не хочу вѣ-
рить... Не вѣрю.

Драгоменецкій. Не вѣрять, когда послѣ такой муки я
наконецъ встрѣтилъ тебя... Въ этихъ худыхъ, милыхъ ру-
кахъ моя судьба... не вѣрять. Какъ передъ Богомъ клянусь—
любилъ одну тебя всю жизнь. Мучилъ, но любилъ.

Лиза. Господомъ клянется. Да ты забылъ что ли все?
Кто ты? Дьяволъ?

Драгоменецкій. Я не хочу вспоминать что было. Не
помню. Забылъ навсегда. Быть можетъ я оскорбилъ тебя, я
не прошу прощенья, и ты не прощай. Развѣ мы живемъ оби-
дами, воспоминаніями ласкъ и слезъ? Было и кануло. На-
всегда. Лиза, всю силу души отдай любви. Пусть въ любви
одной будетъ ненависть и горе и страсть и счастье... Стои
хоть въ минуту, но гори.

Лиза. Что ты мнѣ говоришь. Жалость есть у тебя?

Драгоменецкій (*внезапно обливъ цѣлуетъ Лизу*). Стра-
дай, люби, живи для меня...

Лиза (*освобождается, отходитъ къ окну*). Мнѣ очень тя-
жело... Мнѣ такъ невыносимо...

Драгоменецкій (*быстро садится около*). Ты самая ми-
ленькая женщина, которую я когда либо зналъ. Хочешь — я
брошу пить? Послушай, я пошлю къ чорту Мирру Михай-
ловну. Это рѣшено. Мы куда-нибудь уѣдемъ. У меня очень
сильный характеръ въ концѣ концовъ. Честное слово. Ты на

меня вполне можешь положиться. *(Поднимается, шеплетъ ее въ шю).*

Лиза. Василий Петровичъ, ты цѣлуешь, а у меня сердце стынеть, какъ ледъ. Слава Богу, не люблю, не люблю, не люблю тебя больше. Видишь, въ глаза могу глядѣть... *(Пауза)*...

Драгоменецкій. Лиза, ты съ ума сошла?

Лиза. Ты весь сталъ другой, не знакомый, не хорошій. Не любимый. Не стоило мучиться изъ-за тебя.

Драгоменецкій. Кажется, я ничего не сказалъ рѣзкаго... Не уходи... *(Лиза останавливается у дверей).* Прости, я, должно быть, много тебѣ навралъ сейчасъ. Но ты у меня одна на свѣтѣ, Лиза, Лиза. Я привязался къ тебѣ...

Лиза. Ну что это, въ самомъ дѣлѣ...

Драгоменецкій. Понимаешь, они меня спаиваютъ... Мирра ненавидитъ меня, это страшная женщина. У нея виды на Егора Ивановича, впрочемъ это секретъ. Егоръ, какъ будто, и другъ мнѣ и что-то хитритъ, я вижу... Въ общемъ моя жизнь ужасна. Пуганица, ложь, кошмаръ... *(Склоняется, закрывъ лицо руками).*

Лиза. Нѣтъ... не хочу... не вѣрю... прощай.

Драгоменецкій. Побудь около меня... пощади.

Лиза. Ахъ, Боже мой... Маленькій что ли...

Драгоменецкій. Какъ я не видѣлъ тебя... не цѣнилъ... Ты Лиза... одна ты... И кругомъ мракъ и пьянство. Мнѣ страшно.

Лиза. Ну, развѣ можно такъ... *(Подбываетъ, порывисто цѣлуетъ ей въ голову).* Прости меня... Прощай навсегда...

Драгоменецкій. Дѣвочка... не пушу... нѣтъ.

Лиза. Всю жизнь буду помнить тебя такимъ, только такъ...

(Входятъ Мирра, Вологодовъ, Акила и Дьячокъ).

Мирра. Нѣтъ, это просто недопустимо. Отецъ Акила, я прошу, я требую отъ васъ... *(Вологодову).* Георгій, заступитесь же хоть вы... Жоржъ... счаст... мой милый... вы же рыцарь... я знаю...

Дьячокъ. Воистину, Мирра Михайловна, возмутительное непотребство.

Акила *(Лизѣ)*. Ты, проклятая вѣдьма, пошла прочь отсюда... *(Лиза вскрикиваетъ).*

Вологодовъ. Мирра, это невозможно...

Мирра... Скорѣе же... вы... она на меня смотреть... Жоржъ... гдѣ же вы... я хочу васъ чувствовать...

Дьячокъ. Позвольте, я тѣломъ своимъ заслоню.

Акила. Изгоняю... Изгоняю... Изгоняю...

Лиза. Уйду... Уйду... Не проклинай... Васенька, прости.

Акила. Прочь. *(Лиза уходитъ)*. Могучій, могучій бѣсъ въ ней сидитъ. Даже въ потъ ударило.

Мирра. Видѣли, какъ она глазами сверкнула? Боже... мое сердце...

Дьячокъ. Паленымъ даже завоняло чѣмъ-то, будто перо сожгли.

Мирра *(Драгоменецкому)*. Вы сію минуту пойдете спать...

Драгоменецкій *(всталъ)*. Вотъ это видѣла... *(Высовываетъ языкъ)*.

Дьячокъ. Языкъ высовываетъ, совершенно обезумѣлъ.

Мирра. Вы съ ума сошли? Это что за вульгарности... Какъ вы смѣете...

Драгоменецкій. Урожденная госпожа Фицъ... Я плюю на все...

Акила. Вася, Вася, на кого плюешь?

Дьячокъ. Охъ, какъ это нехорошо.

Мирра. Егоръ, заставьте его замолчать, я не понимаю что онъ говоритъ. Я шокирована. Онъ совсѣмъ пьянъ.

Драгоменецкій. Скажите, пожалуйста... Она шокирована... *(Смѣется)*.

Мирра. Жоржъ...

Вологодовъ. Все, что здѣсь произошло, Мирра, глабоко возмутительно.

Мирра. Что? И вы тоже?

Вологодовъ. Я считаю недопустимымъ подобное на-

другательство надъ дѣвшкой. Эти сцены можете устраивать безъ меня.

Мирра. Ахъ, вотъ что... Это новости!

Вологодовъ. Да, пусть это будетъ для васъ—новость. (*Уходитъ*).

Мирра. Егоръ... Егоръ Ивановичъ... (*Драгоменецкому*). Вы мнѣ отдадите отчетъ въ вашихъ поступкахъ.

Драгоменецкій. Bravo, Егоръ. Чертовски смѣлый человекъ. Мирра, я тоже протестую противъ васъ, противъ старцевъ и, вообще, противъ религиозныхъ излишествъ. (*Уходитъ*).

Мирра. Увязались за дѣвчонкой. Что же мнѣ теперь дѣлать? Отецъ Акила.. научите меня?..

Дьячокъ. Отецъ Акила, что намъ теперь дѣлать-то нужно?

Акила. Вотъ онъ сонъ къ чему оказался.. Бѣда...

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Паркъ, скамья. Въ глубинѣ озеро, за нимъ купола скита. На скамьѣ, нервно играя зонтикомъ сидитъ Мирра. Въ сторонѣ стоятъ Вологодовъ и Драгоменецкій и шепчутся. Драгоменецкій растерянь и взволнованъ.

Драгоменецкій. Пойми, пожалуйста, я не могу съ ней разговаривать.

Вологодовъ. Почему?

Драгоменецкій. Потому, что не могу.

Вологодовъ. Чепуха. Ты долженъ все самъ объяснить. При чемъ тутъ я?

Драгоменецкій. Не могу ничего объяснить. Мое положеніе глупое и двусмысленное.

Вологодовъ. Ну вотъ такъ ей и скажи.

Драгоменецкій. Я совершенно не переношу объясненій съ женщинами. У меня путаются мысли.

Вологодовъ. Будь хоть разъ въ жизни мужчиной.

Драгоменецкій. О, если бы это было любовное объясненіе—ты бы на меня посмотрѣлъ. Егоръ, но вѣдь здѣсь замѣшаны денежные интересы. Вѣдь я совершенно безъ средствъ. Я все сейчасъ ставлю на карту. Я рискую быть просто выкинутымъ на улицу. Помогите. Она чертовски зла на меня.

Вологодовъ. Скажи точно, ты раскаиваешься, просишь прощенія у Мирры?

Драгоменецкій. Не совсѣмъ.

Вологодовъ. Значитъ хочешь разстаться съ ней?

Драгоменецкій. Конечно, нѣтъ. Эхъ, вѣдь я же тебѣ объяснилъ. Я настаиваю, чтобы Мирра признала за мной право любить кого я хочу. Я вообще неспособенъ мучить женщину. Необходимо какъ-нибудь такъ устроить, понимаешь,—мило.

Вологодовъ. Да, трудновато.

Драгоменецкій. Я самъ понимаю, что это компромиссъ. Но что дѣлать?

Мирра. Вы скоро кончите совѣщаться? Что это за нащепованіе. Я больше не желаю ждать.

Драгоменецкій. Иди. *(Онъ остается въ сторонѣ, Вологодовъ подходитъ къ Миррѣ).*

Вологодовъ. Василій очень сожалѣетъ о давнишней грубой выходкѣ.

Мирра. Это я уже слышала.

Вологодовъ. Вамъ нужно быть къ нему болѣе снисходительной, Мирра. Онъ готовъ на все, чтобы вы были счастливы.

Мирра *(смѣется)*. Счастлива? Съ кѣмъ? Съ нимъ?

Драгоменецкій. Эхъ.

Вологодовъ. И даетъ честное слово больше не пить.

Мирра. Пожалуйста. Пусть пьеть хоть цѣлыми бочкамъ.

Драгоменецкій *(съ ужасомъ)*. Совсѣмъ не то говорить.

Вологодовъ. Встрѣча съ этой дѣвушкой слишкомъ сильно подѣйствовала на его воображеніе. Василій странный человѣкъ. Впечатлительный какъ женщина. Онъ больше женщина, чѣмъ вы, Мирра. *(Смѣется, смотритъ на часы)*. Знаете что, мы разговариваемъ ровно два часа и четыре минуты. Необходимо спѣшно мириться съ Василіемъ, подарить отцу Акилѣ сто рублей на прѣники и ѣдемъ въ городъ. Здѣсь ужасные комары, я весь искусанъ.

Мирра *(глядя въ лорнетъ на мужа)*. Вы хотите, чтобы я простила Василю послѣ всѣхъ его излишествъ? Слишкомъ много хотите отъ меня, мой другъ... Сегодняшняя

его выходка мнѣ все выяснила. Я слишкомъ долго была въ глупомъ положеніи.

Драгоменецкій. Чортъ знаетъ что... *(Скрывается)*.

Мирра *(тихо)*. Егоръ, поймите же: мнѣ больно не отъ него, отъ насъ.

Вологодовъ *(постынно)*. Мирра, я уже извинялся.

Мирра. За что, за что вы такъ жестоки со мной?

Вологодовъ. Помните, вы общались болѣе не поднимать разговоръ на эту рискованную тему.

Мирра. Тогда я васъ совершенно не понимала.

Вологодовъ. Очевидно.

Мирра. Для чего вы сидите у насъ съ утра до ночи? Даже поваръ самъ ужъ теперь готовить обѣдъ на три персоны. Зачѣмъ всюду, всегда съ нами, какъ прилипшій. Постоянно со мной подъ руку... Что это значить?

Вологодовъ *(добродушно хлопая ее по рукамъ)*. А, ей Богу, ничего не значить.

Мирра. Вы меня компрометируете. Весь городъ на насъ пальцами показываетъ, очень опредѣленно. Одна дама поздравила меня даже со днемъ вашего ангела. А мы еще только „боимся подымать рискованные разговоры“. Что за чушь. Я не желаю быть вѣчно въ дурачѣ.

Вологодовъ. Мирра, Мирра, почему у васъ такой скверный характеръ?

Мирра. У меня раньше былъ очень милый характеръ.

Вологодовъ. Голубушка моя, я къ несчастью богатъ и никогда ничего не дѣлалъ, даже не женился, какъ видите, до сихъ поръ. При этомъ, какъ настоящій русскій бездѣльникъ, ложась спать каждый вечеръ даю себѣ слово начать „работать“. Для этого переѣхалъ въ провинцію и сижу въ здѣшнемъ муръѣ. Если бы не было васъ и Василю — я бы началъ играть въ лото, или разводилъ кошекъ. Для меня стало необходимо улаживать ваши ссоры, ѣздить за вами по скитамъ, вечеромъ скучать у васъ въ столовой. Милая, неистовая женщина, не нарушайте нашей мирной и глупой жизни.

Мирра. Егоръ, Егоръ, вы меня замучаете когданибудь. Вологодовъ. Конечно, нельзя жить совсѣмъ безмятежно. Многое приходится въ себѣ подавлять.

Мирра. Что? Ну, скажите, что вы въ себѣ подавляете?

Вологодовъ. Развѣ я говорю про себя?

Мирра. Да распахнитесь вы хоть разъ въ жизни, ледяной, жестокой человѣкъ. Глядите мнѣ въ глаза. Ну? Во имя чего вы добродѣтельный?... Егоръ.

Вологодовъ. Кончится тѣмъ, что я переѣду въ другой городъ... Хотя мнѣ, дѣйствительно, некуда дѣться.

Мирра (*пронзительно*). Вы въ кого то влюблены. Вижу.

Вологодовъ. Оставимъ это, ради Бога.

Мирра. Да, да, да... Я уже давно замѣтила. Я часто думаю объ этомъ. (*Появляется Драгоменецкій*).

Вологодовъ. Вотъ Василій. Прошу васъ съ нимъ помириться...

Мирра (*постынно*). Егоръ... Я его презираю....

Драгоменецкій (*взволнованно*). Мирра, я рѣшилъ рассказать тебѣ всю свою жизнь....

Мирра. Уволь. Тридцать разъ слышала. Совершенно не любопытно.

Вологодовъ. Мирра...

Драгоменецкій. Эта сторона моей души тебѣ не извѣстна. Я звываю къ твоему великодушію, Мирра. Я не могу забыть моей старой привязанности. Съ этимъ нужно какъ-нибудь помириться. Во имя человѣчности. Неужели, любя тебя, я обязанъ возненавидѣть всѣхъ другихъ женщинъ? Почему любовь должна приносить зло другимъ? Гдѣ такой законъ. Чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ и честнымъ мужемъ я долженъ опустошить свое сердце... Разбить чью-то жизнь...

Мирра. Василій Петровичъ, я заплатила твои долги, спасла тебя отъ позора... Мнѣ очень жалко, что приходится объ этомъ говорить вслух... Прошу только одно: не навязывать мнѣ какихъ-то дѣвчонок...

Драгоменецкій. Но лишь во имя милосердія... Хочу я сказать...

Мирра. Или ты выкинешь ее изъ головы... Или мы разстаемся...

Вологодовъ. Мирра.

Мирра. Что Мирра? Я не могу съ нимъ жить послѣ такихъ разговоровъ. У меня есть женское самолюбіе, наконецъ...

Драгоменецкій. Позволь... Я пытался забыть Лизу, но это выше моихъ силъ. Я даже потерялъ всякій вкусъ къ жизни...

Мирра. Фу. Вы просто... противны.

Вологодовъ. Идемте, прилягте, успокойтесь, я съ нимъ поговорю самъ.

Мирра. Я отца Акилу пришлю съ нимъ разговаривать.

Драгоменецкій (*улавливая голосомъ*). Хорошо, Мирра, я сдѣлаю еще одну попытку. (*Они ушли*). Прошу покорно—разговаривать съ женщинами. (*Дрожжащими пальцами закуриваетъ сигару*). Кажется проще простого. Пфъ... Пфъ... Мужъ и жена дѣлать совмѣстно горе и радость.. Пфъ... Пфъ... Пфъ... Нѣтъ даже элементарной порядочности. Человѣкъ обнажаетъ все сердце... ужасъ, смятеніе... тутъ кажется и нужно тонко пощадить, коснуться деликатной рукой... Заплатила мои долги. Мерсі... Спасла отъ позора. Мерсі... Мерсі. А все-таки, это конецъ. Выхода нѣтъ. (*Вбрасываетъ сигару*). Конецъ рода Драгоменецкихъ... Конецъ рода Драгоменецкихъ. (*Голосъ Лизы за дверьями*). Да. (*Входитъ Лиза*). Лиза, это вы?

Лиза. Сказали, что вы въ паркѣ.

Драгоменецкій. Вы такая радостная.. Свѣтлая...

Лиза. Мнѣ нужно вамъ сказать страшно важное. Вы здѣсь одни?

Драгоменецкій. Да, Лиза. Я пришелъ выкурить сигару. А, впрочемъ, сейчасъ былъ цѣлый рядъ тяжелыхъ объясненій съ женой, все время, послѣ этой нелѣпой сцены у старца. (*Сжимаетъ ея руку*). Спасибо — вспомнила обо мнѣ... Спасибо, родная.

Лиза. Василий Петрович, я думала, думала — отчего на меня старец закричал, и вдруг поняла. И все у меня точно перевернулось. То было темное, безнадежное, смутное — вас я вирила, собой брезговала — и вдруг все стало светлое. И так мне показалось радостно жить. Въдъ раньше я не васъ любила, а себя жалѣла, и хотѣлось быть чистой, безъ грѣха. Знаете, какъ кошка на цыпочкахъ лицу переходить, такъ и мне только бы не замараться. И всѣ-то люди у меня виноваты, я одна чиста. Вотъ и вѣрно: гордыня оканная. Мудрый старецъ.

Драгоменецкій. Смѣшное, бѣдное дитя. Ахъ, Лиза, мне тяжело.

Лиза. Я даже одинъ разъ топиться хотѣла. Цѣлый вечеръ просидѣла у рѣчки, реву, разливаюсь, до того себя жалко. Думаю, какъ жить, когда въ прошломъ обида и грѣхъ... Отъ этого только и жива осталась, что себя было ужъ очень жалко. Васенька, не грѣхъ, не обида, а знаешь, гроза бываетъ черная, загремитъ, заблеститъ, прольется ливнемъ — такъ и у меня. Слава Богу, что была мука.

Драгоменецкій. Лиза, ты должна помнить одно: я свою вину уменьшать не желаю. Я, дѣйствительно, виноватъ передъ тобой.

Лиза. Не знаю, виноватъ ли...

Драгоменецкій. То-есть, какъ не виноватъ? Позволь.

Лиза. Въ больницѣ сидѣлка Анна Ивановна мне сказку рассказывала про Финиста Яснаго Сокола. Вотъ тамъ Аленушка три пары желѣзныхъ башмаковъ износила, три желѣзные просфоры сгрызла. Только тогда вернула Финиста.

Драгоменецкій. Ты забываешь... Въ концѣ концовъ я поступилъ съ тобой просто, какъ негодяй.

Лиза. Ничего не забыла. Васенька, давеча мне стало жалко тебя до смерти. Съ этого все и началось.

Драгоменецкій. Видишь ли — давеча я былъ пьянъ.

Лиза (юрячо). Просилъ не покидать. Да какъ же я тебя покину. И не думай объ этомъ и не грусти. Теперь мне счастье жить для тебя.

Драгоменецкій. Спасибо, родная. Но создалось одно осложнение...

Лиза. Жить твоей мукой, твоими обидами, твоей радостью. Пойми, мне теперь отъ тебя ничего не нужно, придешь — утѣшу, приласкаю, а не придешь — задую лампу, о тебѣ помолюсь и усну.

Драгоменецкій. Лиза, создалось чрезвычайно трудное положение, его почти невозможно разрѣшить...

Лиза. Что ты, Васенька, я совсѣмъ не ревную теперь. Даже просить буду — помирись съ Миррой Михайловной. Она тоже, навѣрно, не мало слезъ пролила.

Драгоменецкій. Нѣтъ, Мирра ни въ какомъ случаѣ не согласится на наши будущія встрѣчи. Ты пойми хорошенько: нужно какъ-нибудь, чортъ возьми, на нѣкоторое время совсѣмъ не видаться.

Лиза. Не видаться? Почему?

Драгоменецкій. Потому что я въ одинъ прекрасный день появлюсь у тебя съ чемоданомъ и безъ денегъ. Нужно серьезно подумать, раньше чѣмъ предлагать мне участіе и... жалость. (Пауза). А, въ общемъ, Лиза, ты опоздала... Я слышкомъ глубоко разложился... (Пауза).

Лиза. Я тебѣ не нужна?

Драгоменецкій. Нѣтъ.

(Онъ прыгаетъ набалдашиникъ палки. Лиза снимаетъ съ плеча платокъ, повзлываетъ на голову и идетъ къ лѣсу. Навстрѣчу ей выходятъ Вологодовъ и Акила).

Вологодовъ (постынно). Отецъ Акила, пожалуйста, я васъ прошу.

Акила. Хорошо. (Грозитъ Лизѣ пальцемъ). Благодарю заступника. (Отходитъ къ Драгоменецкому).

Вологодовъ (негромко Лизѣ, стоящей съ опущенной головой). Я слышалъ конецъ вашей бесѣды, Елизавета Антоновна, считайте меня самымъ искреннимъ другомъ вашимъ. (Пауза).

Акила (Драгоменецкому). Не горюй, сынокъ, все обойдется.

Да. Повинись передъ женой, а нужно и въ ножки упади, убытка не будетъ, она женщина достойная.

Драго менецкій. Пойдемте куда-нибудь туда...

Акила. Ну, ну, пойдемъ.

Лица. Отецъ Акила...

Акила. Чего тебѣ?

Лица. Примите отъ меня крестикъ. *(Снимаетъ)*. Золотой. Это на бѣдныхъ.

Акила. Зачѣмъ же ты крестъ отдаешь? Попиться что ли собралась.

Лица. Батюшка, я все поняла, что вы давеча мнѣ говорили. Спасибо вамъ.

Акила. Поняла. То-то. Ну, что жъ, давай, пожалуй, крестикъ. Хорошій крестикъ. На бѣдныхъ дашь? А?

(Драгоценный за деревьями меланхолически засвисталъ обрывокъ шансонетки).

Лица. Сейчасъ, батюшка, я можетъ быть въ Бога не вѣрю.

Акила. Что ты болтаешь! Ты такъ не шути. *(Пауза)*. Дѣвка, не дури. Рукъ на себя не смѣй накладывать, запрещаю... Языкъ-то какъ повернулся такую дрянь вымолвить. Дурочка! Ты сказала, а Христось въ тебѣ въ ту же минуту слезами залился.

Лица. Нѣтъ во мнѣ Христа.. Безбожная.. И не нужно мнѣ и конецъ.

Акила. Ай, ай, сердить я на тебя, Лизавета, даже сердить. *(Тихо)*. Погоди, завтра господа уѣдутъ, мы съ тобой потолкуемъ. Сядь, посиди.

Лица. Чего же мнѣ еще дожидаться?

Акила. Дай-ка я тебя перекрещу. *(Драгоценному)*. Сейчасъ, Вася, иду, иду, слышишь, какъ онъ соловьемъ-то свистываетъ. Тоже, значить, чешется... *(Скрывается)*.

Вологодовъ *(Лизь)*. Я не имѣю права навязываться, конечно... Но это выше моихъ силъ... Я все время думаю о васъ.

Лица. Молчите, ради Бога.

Вологодовъ. Позвольте мнѣ остаться.

Лица. Холодно. Велѣль сидѣть, ждать. Зачѣмъ? Ну, я не нужна никому, вотъ и все. Сгорѣла. Мнѣ и самой кажется, что нѣтъ больше меня. Господи, земля-то приметъ?..

Вологодовъ *(тихо)*. Сюда идуть.

(Появляются дьячокъ, Володька и Зоя. Дьячокъ несетъ сѣтку для рыбы, Володька невоодъ, Зоя корзину).

Дьячокъ. Врешь, я тебя два раза сегодня въ огородѣ видѣлъ: морковь таскалъ и рѣдьку.

Володька. Не видалъ я вашей рѣдьки, очень она мнѣ нужна.

Дьячокъ. Воръ, воръ самый послѣдній.

Володька. Фу ты, право!

Зоя. Что вы, тятенька, его лаете, вѣдь можетъ и надоѣсть.

Дьячокъ. Какъ же мнѣ не лаять. Вотъ, скажемъ, бредень. А гдѣ на немъ грузила? Кто взялъ? Зачѣмъ тебѣ, Володька, свинецъ понадобился? Ничего не пропуститъ. Артистъ!

Володька. Если вы такъ разговариваете—сами ловите раковъ. Я вамъ не слуга.

Дьячокъ. Какъ же я самъ пойду. Развѣ я могу въ воду лѣзть?

Володька. Сняли портки и полѣзли. Очень просто.

Дьячокъ. Вѣдь я лицо духовное, я не могу срамиться.

Зоя. Тетенька, вы выражаетесь, а тутъ слушаютъ.

Дьячокъ. Кто? *(Замыливъ Вологодова)*. Егоръ Ивановичъ, извините за шумъ безобразный; вотъ идемъ къ ужину намъ раковъ наловить.

Вологодовъ. Спасибо.

Дьячокъ. У насъ жирнѣйшіе раки, громадные, какъ звѣри. Даже благочинный животомъ отъ нихъ неоднократно валился. Ну, ребята, расторопнѣе, расторопнѣе, идемъ. *(Уходитъ)*.

Володька *(Зоя, уходитъ)*. Черезъ тебя каторгу терплю, помни.

3 о я. Ничего, потерпишь. (*Уходя зашла*):

Дуня Ванѣ баила
Осень буду Ванина...

Ли за. Куда же это они пошли? На озеро? Егоръ Ивановичъ, я дожидаться не стану отца Акилы. Я пойду.

Вологод овъ. Разрѣшите по крайней мѣрѣ предложить вамъ мѣсто у меня въ коляскѣ. Я тоже рѣшилъ вернуться въ городъ сегодня.

Ли за. Благодарю васъ. Не стоить. Я пѣшкомъ.

Вологод овъ. Вечеръ прекрасный, дорога не пыльная. Я тоже съ удовольствіемъ пройдуся.

Ли за. Нѣтъ. Я одна.

Вологод овъ. Но я никакъ не могу допустить, чтобы вы пошли одна. Здѣсь не совсѣмъ покойно, особенно въ лѣсу.

Ли за. Я не боюсь.

Вологод овъ. Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ бояться за васъ. (*Пауза*).

Ли за. Не мучайте меня, Егоръ Ивановичъ. Дайте мнѣ уйти одной. Забудьте меня.

Вологод овъ. Куда уйти?

Ли за. Господи, Господи...

Вологод овъ. Василій оскорбилъ васъ смертельно?

Ли за. Никто не оскорблялъ меня. Я все простила. Больше не осталось ни зла, ни любви. Все пусто, выметено. Не нужно мнѣ никого теперь.

Вологод овъ. Не нуженъ даже безконечно преданный другъ?

Ли за. Вы все думаете, смотрите на меня такъ странно. У васъ тяжелыя мысли, Егоръ Ивановичъ. Мнѣ душно отъ васъ. Но понимаю, жалѣете что ли вы меня. Такъ лучше найдите котенка, или щенка, да и жалѣйте вволю. А меня оставьте. Меня жалѣть нельзя. Я жить не умѣю. И мнѣ и всѣмъ—только мука. Вотъ—родилась уродомъ и никто не виноватъ, что нельзя принять ни любви моей, ни преданно-

сти. Ни къ чему я вся. И кому только понадобилось въ больницу везти, лѣчить,—не знаю.

Вологод овъ. Мнѣ понадобилось. (*Пауза*).

Ли за (*тихо, упрям*о). Все равно утоплюсь, какъ не стерегите.

Вологод овъ. Милая, дитя мое, одинокая, бѣдненькая. Ну, ну, не нужно такъ отчаиваться. Ни птицы, ни звѣри, ни самый маленький жучокъ никогда не подумаетъ „все равно утоплюсь“. А хоть бы день лишній прожить, и слава Богу. Каждый прошлый день и часъ уйдутъ и никогда не повторятся. А съ ними уйдутъ и боль и тоска. И каждый новый день несетъ намъ счастье... Нужно только вѣрить и ждать. И хотѣть. А всего лучше, если вы сейчасъ прислонитесь ко мнѣ, какъ къ подушкѣ, да и поплачете вволю.

Ли за. Я не могу плакать.

Вологод овъ. Въ озерѣ вода холодная, полно голова-стиковъ, пѣявки, жуки, зеленые волоса. Удивительно неуютно. А я бы васъ усадилъ въ коляску, прикрылъ пледомъ. Какъ солнце закатится мы и выѣдемъ. Въ степи высыпать звѣзды. Чуть видна дорога, лошади пофыркиваютъ и перепела кричатъ: спать пора, спать пора! Въ городъ купимъ конфетъ, десять апельсиновъ, коробочку сардинъ, халвы, халвы непременно, и еще чего? (*Ли за что-то шепчетъ, онъ наклоняется къ ея уху*). Что? Что вы прошептали? Вамъ холодно? У васъ зубки постукиваютъ?

Ли за. Вы очень добрый, Егоръ Ивановичъ.

Вологод овъ. Затѣмъ все это привеземъ къ вамъ и вы покушаете, хотя бы только шоколада немножко и апельсинъ. Затѣмъ ляжете въ постельку и заснете. А завтра мы начнемъ очень много и серьезно разговаривать.

(*Появляются Драгоменецкій и Акила*).

Драгоменецкій (*прикладывая платокъ къ глазамъ*). Вы меня растрогали, папа. Я просто нераскаянный старый грѣшникъ.

Акила. А ты такъ постоянно тверди—грѣшникъ, молю,

грѣшникъ, окаянный. Вотъ бѣсамъ-то и надоѣсть въ тебѣ сидѣть. Всѣ повывлѣзуть. Да.

Драгоменецкій. Я постараюсь быть образцовымъ и примѣрнымъ семьяниномъ. Передайте это моей женѣ.

Акила. Ну, сынокъ, давай поликуюсь. *(Обнимаетъ его)*. А ты жену цѣлуй покрѣпче, прохода ей не давай, тогда она въ тебѣ и души не учаетъ! Пойду, обрадую. *(Уходитъ)*.

Драгоменецкій *(смотрится, замѣчаетъ Вологодова)*. Егоръ, честное слово, сейчасъ я совершенно искренно плакалъ. Старикъ молодецъ, понимаешь; у меня начался какой-то переворотъ. А, ты съ ней? Ага. Вотъ какъ! Уже?

Вологодовъ. Передай Миррѣ Михайловнѣ, что я ѣду въ городъ съ Лизой, а не съ вами. Понялъ?

Драгоменецкій. Съ Лизой, а не съ нами? Но что же скажетъ Мирра?

Вологодовъ. Будь добръ, уйди.

Драгоменецкій. Виновать. *(Отходитъ)*. Но, ты представляешь—какое это впечатлѣние произведетъ на Мирру? Егоръ, но вѣдь это катастрофа...

Вологодовъ. Да. Да.

Драгоменецкій. Боже мой... Боже мой... *(Уходитъ)*.

Лиза. Мнѣ страшно, Егоръ Ивановичъ. Я ничего не понимаю. Кружится голова. Какъ же мнѣ теперь жить?

Вологодовъ. А какъ птицы живутъ—утромъ проснулась, росой умылась и носикъ почистила...

Лиза *(засмѣялась)*. Васъ Богъ послалъ. Спасибо вамъ. *(Схватила его руку, поцѣловала)*.

Вологодовъ. Нельзя... Лиза... Что вы!.. Дитя мое!..

З а н а в ѣ с ѣ

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дворикъ. Надѣво между деревьями келейка, гдѣ помѣщается Лиза. Около въ кустахъ врытый въ землю столъ. Направо крыльцо гостиницы и окна Мирры. Въ глубинѣ скитъ, за нимъ красно-лиловая туча въ закатѣ. На крыльцѣ Прасковья

Зоя *(проблѣзаетъ съ подносомъ къ крыльцу)*. Прасковья Алексѣевна, а Прасковья Алексѣевна...

Прасковья. Куда провалилась? Черезъ тебя выговоръ должна получить.

Зоя. Пирогъ съ лукомъ, съ яйцами.

Прасковья. Ну, слава Богу. А то хлѣбъ какой-то кислый. Давеча монахи въ трапезной всѣ куски на полъ побросали. Иди, неси, а я кругъ самовара похлопочу. *(Идетъ къ самовару, дымящемуся около крыльца)*.

Зоя. А что Мирра Михайловна больно гнѣвается?

Прасковья. Мужа къ себѣ не допускаетъ, не пьетъ, не ѣстъ. Вдругъ опять на нее накатило.

Зоя. Боюсь итти-то.

Прасковья. Ничего. Съ ней Акила сидитъ. *(Зоя уходитъ въ домъ. Вологодовъ выходитъ изъ келейки и, подойдя къ окошку, стучитъ въ него пальцемъ)*.

Вологодовъ. Лизавета Антоновна, я схожу, велю закладывать лошадей, а вы пока соберите вещи.

Лиза *(появляется въ окно)*. У меня небольшой узелокъ съ собою.

Вологодовъ. Покуда я не вернусь, пожалуйста, Лиза, не выходите.

Лиза. Хорошо.
Вологодовъ. И взгляды въ небо. Дайте-ка мнѣ руку.
Ну, конечно,— пять ледяныхъ пальчиковъ никуда негодныхъ.

Лиза. Вы все смѣтаете надо мной.
Вологодовъ. Я только тогда успокоюсь, Лизавета Антоновна, когда ваши многоуважаемые глазки начнутъ вмѣсто облаковъ видѣть обыкновенныя вещи; напримѣръ, посмотрите—ни въ чемъ не виноватые, глубоко прозаическіе лопухи, но въ нихъ тоже, ей Богу, большой смыслъ. Небо, разумѣется, населено ангелами, а на землѣ у насъ бродятъ милостивые государи въ пиджакахъ, но все же особенно ихъ рекомендую вашему вниманію.

Лиза (*вздыхнувъ*). Хорошо. Я постараюсь.
Вологодовъ. Лиза, вы любите маленькихъ дѣтей?
Лиза. Очень. Почему вы такъ спросили?
Вологодовъ. Зачѣмъ я такъ спросилъ? (*Пауза*). Такъ взялъ и спросилъ.

Лиза. Вы сами очень хорошей человѣкъ. Лучше всѣхъ.
Вологодовъ. Глупости. Идите, собирайте узелокъ.
(*Идетъ къ выходу. Лиза скрывается въ окны*).

Прасковья (*Вологодову*). Связался тоже, Егоръ Ивановичъ, съ кѣмъ. Была бы дѣвка веселая; а то швея, большая какая-то, прилипчивая, какъ пивка.

Вологодовъ (*ирозно*). Что такое?
Прасковья. Говорю, Мирру Михайловну вотъ ужъ какъ мы жалѣемъ. Сердце кровью обливаеся.

Вологодовъ. Ваше гнѣздо проклятое разорить надо. Такъ и знайте.

Прасковья. Многие, батюшка, ополчались на насъ потокомъ и разореніемъ, да насъ видно Господь хранить и высокіе покровители. А на грубомъ словѣ прости Христа ради.

Вологодовъ. Глупая баба.
(*Быстро открываеся окно направо. Появляется въ немъ Мирра*).

Мирра. Егоръ.
Вологодовъ. Ну.

Мирра. Егоръ, вы меня съ ума сведете. Вы не поѣдете съ ней, слышите. Она Богъ знаетъ на что способна. Я этого не допущу.

Вологодовъ. Чего вы не допустите, Мирра? Два часа тому назадъ я едва спасъ эту дѣвочку отъ смерти. Мы всѣ передъ ней виноваты.

Мирра. Егоръ, васъ ничего не стоитъ обмануть. Она просто карьеристка и притворщица. Удивляюсь, гдѣ ваши глаза?

Вологодовъ. Будьте похожи на человѣка, Мирра. У васъ слишкомъ разнузданное воображеніе.

Мирра (*зло засмѣялась*). Покровитель швей! Говорилъ бы прямо, влюбился. Какая пошлость, фи!

Вологодовъ. Думаю, что, къ сожалѣнію, придется навсегда прервать наше знакомство.

Мирра. Боже! Голову потерялъ. Слушайте, вы... негодяй!
(*Захлопываетъ окно*).

Вологодовъ (*кланяется*). Благодарю. Принимаю. Съ удовольствіемъ.

(*Въ это время изъ глубины появляется и подходитъ къ нему Драгоменецкій*).

Драгоменецкій. Я до сихъ поръ еще не успѣлъ объясниться съ Миррой. Брожу цѣлый часъ, жду, взволнованъ. Какъ и нужно было предполагать, узнавъ, что ты не ѣдешь съ нами, она встала на дыбы. Все-таки это не по-товарищески съ твоей стороны, Егоръ.

Вологодовъ. Величайшее удовольствіе обломать объ тебя эту трость. (*Уходитъ*).

Драгоменецкій. Позволь...

Прасковья. Какъ говорится, хлѣбъ соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь. Заведется баба и друга не надо.

Драгоменецкій. Въ концѣ концовъ это слишкомъ. (*Въ слѣдъ Вологодову*). Эй, послушай! (*Пожавъ плечами*). Пошло и глупо... (*Отходитъ къ столу, свиститъ*).

Прасковья. Что это вы целый день свистите, Василий Петрович?

Драгоменецкій. А вамъ какое дѣло?

Прасковья. У насъ вотъ тоже въ скиту былъ монахъ, страшный охотникъ свистѣть. Отецъ настоятель выговаривалъ ему, конечно, строго-на-строго: свистить и шипить змѣй, а не человѣкъ. Такъ онъ уйдетъ, бывало, къ озеру, сниметъ скуфейку, да въ нее и засвищетъ. И вамъ, чай, супруга тоже запрещаетъ. Конечно, въ комнатахъ совсѣмъ это неудобно. Охъ-хо-хо. Другой бы мужъ только и ходилъ во-кругъ такой жены, все бы ручки цѣловалъ. *(Беретъ самоваръ, всходитъ на крыльцо).*

Драгоменецкій. Скажите Миррѣ Михайловнѣ, что я опять пришелъ и жду.

Прасковья. Докладывала. Велѣла подождать. Съ отцомъ Акилой изволятъ разговаривать. Все насчетъ васъ. Великаго заступника нашли себѣ въ старцѣ, Василий Петрович. До смерти не отблагодарите.

(Входитъ Володька, ставитъ у стѣны ведро).

Драгоменецкій. Дѣлайте, что вамъ приказываютъ, чортъ возьми!

Прасковья. Кого чортъ возьметъ, а мимо кого такъ пройдетъ. Ладно, пойду доложу. *(Уходитъ).*

Володька. Значить шанціи ваши падаютъ внизъ, графъ.

Драгоменецкій. А?

Володька. Позвольте прикурить. Я стороной замѣчаю, что вы попали въ коробку.

Драгоменецкій. Въ коробку? Не понимаю.

Володька. Супруга ваша тутъ безъ васъ раскричалась. Онъ, говоритъ, меня плохо знаетъ. Я, говоритъ, ему не раба. Захочу, говоритъ, кого угодно задушу капиталомъ. Вуаенъ ки ки, же тю, у тю же, какъ говорится. Я лично думаю, что вамъ дадутъ полную отставку.

Драгоменецкій. Послушайте, вы понимаете съ кѣмъ говорите?

Володька. Графъ, честное слово, я тутъ одинъ противъ всѣхъ цѣню васъ и уважаю. Вѣрьте, не вѣрьте. Одолжите сигару. Когда вамъ дѣваться некуда будетъ, обратитесь ко мнѣ. Получите надежнаго спутника въ жизни. *(Беретъ сигару).* Мерси. Одному, знаете, надоѣло путешествовать. А товарищи — большею частью личности безъ всякаго воспитанія. Только и понимаютъ, водку, да въ морду. Вотъ, сигарка ваша и легка для меня, но качество свое имѣетъ, а я васъ, графъ, безплатно могу даже въ южную Америку прокатить.

Драгоменецкій. Или вы страшный наглецъ... Послушайте, вы предлагаете себя мнѣ въ спутники? *(Оглядываетъ его).* Босикомъ... Въ заплаткахъ...

Володька. Штаны не хайте, графъ. Прошлое лѣто въ Берлинѣ купилъ. Рубашка, извините, отечественная, а дыры для воздуха, чтобы по всему тѣлу вентиляція проходила.

Драгоменецкій *(содраиваясь)*. Ужасно. Я, кажется, совершенно трезвъ... Вы насакиваете на меня, какъ паукъ.

Володька. При всей своей видимости, я—мировой гражданинъ. Плюньте на все, графъ, дайте руку...

Драгоменецкій *(подаетъ ему руку)*. Вы необыкновенно настойчивый господинъ.

Акила *(появляется на крыльцѣ)*. Василий.

Драгоменецкій *(постынно подходитъ)*. Ну, что же, наконецъ?

Акила. Плохо твое дѣло.

Драгоменецкій. Но я порвалъ, порвалъ навсегда съ Лизаветой.

Акила. Идемъ къ женѣ.

Драгоменецкій. Папа, ради Бога. *(Они уходятъ въ домъ).*

Володька *(затѣлъ)*.

Тамъ гдѣ вьется рѣка Амазонка
Я не буду тебя вспоминать.
Буду пѣть и смѣяться я звонко.
Буду южныхъ красавицъ лобзать.

З о я *(выбываетъ съ пустымъ подносомъ, на ходу Володькѣ)*. Чего горланишь подъ окнами.

Володька. Постой-ка.

Зоя. Недосугъ.

Володька. Подойди ко мнѣ.

Зоя. Ахъ, ты, Господи, да что тебѣ?

Володька. Терпѣть больше отъ твоего отца я не желаю,

Зойка. Ругали меня и толкали, обозвали воромъ. Раковъ заставили ловить, всѣ ноги ободрали объ осоку. Точка. И вотъ мое послѣднее слово: въ сумерки ты ко мнѣ придешь.

Зоя. Лопни глаза не приду.

Володька. Ну, такъ прощай.

Зоя. То-есть какъ прощай?

Володька. Уйду. Вотъ съ этими самыми ногами. О ревуаръ!

Зоя. Да ты въ умѣ. Да кто тебя научилъ такія слова говорить?

Володька. Надоѣло. Огъ тебя никакого припеку не добьешься. Заладила одно—женись. Что я у прилавка винномъ торговать что ли буду? Найди себѣ для этого мѣщанина съ брюхомъ. А я, красавица, заскучалъ куда-нибудь подальше забраться изъ Рассей. Вотъ что.

Зоя. Такъ зачѣмъ же ты меня все лѣто промучилъ, ока-янный. *(Заналакала).*

Володька. Я тебѣ толкомъ говорилъ: ходи почаще ко мнѣ въ оврагъ, а ты съ предрасудками. Теперь, конечно, реви покуда меня не забудешь. Вотъ вѣдь, цивилизація, а на, роду до сихъ поръ глупый. Самъ себя терзаешь. Эхъ, дура-дура, довела меня до рѣшенія! Зальось теперь года на два. Потомъ опять приду. Только ужъ врядъ ли встрѣтимся. Ты будешь бабой, лавочницей, съ ребятами... А вѣдь до чего дѣвка-то хороша! *(Обнявъ ее).*

Зоя. Пусти.

Володька. Придешь?

Зоя. Приду.

(Распахивается окно направо и оттуда Мирра выкидываетъ шляпу и трость).

Мирра. Вотъ шляпа, вотъ ваша трость. Больше намъ не о чемъ разговаривать. *(Скрывается).*

Зоя. Ай! Пустика! Всѣ дочиста видѣли.

Володька. Ну до чего ты цѣловаться ловка.

Зоя. Лѣшій! *(Вырывается, убываетъ нальво за деревья).*

Володька. Ну и ловка цѣловаться... Фу—ты, ей Богу.

(На крыльцѣ появляется Драгоменецкій и Акила. Во время ихъ разговора Володька уходитъ нальво).

Акила. Не при противъ рожна. Да. На рожонъ медвѣдь претъ, Вася. Пожилъ свой вѣкъ. Пиль крѣпко, ѣлъ сытно, спалъ сладко. Теперь Богу потрудись!

Драгоменецкій *(поднимая шляпу и палку).* Больше всего возмущаетъ эта манера—выкидывать вещи въ окно.

Акила. Вася, человекъ Божій, возликуй, возвеселись духомъ.

Драгоменецкій. Оставьте меня въ покоѣ.

Акила *(схватываетъ его за пиджакъ).* Не оставлю, Вася, поминать буду въ молитвахъ и день и ночь.

Драгоменецкій. Очень признателенъ.

Акила. Не гнѣвись на жену. Не разгорайся. Вѣдь счастье тебѣ привалило, Вася, я говорю. Былъ ты грѣшникъ. Тыфу! Вотъ кто. Сатана въ образѣ. И говорю я твоей супругѣ: жалко, моль, погибаетъ Вася, пропаль совсѣмъ, нѣтъ ему спасенія. Что дѣлать? Сидимъ, вотъ только что, плачемъ, отъ пици даже воротить. Тутъ меня и пронзило. Да. Ввергни его, говорю, рѣшись. Ввергни въ скорбь и въ разореніе. Такъ Богъ велитъ.

Драгоменецкій. Что вы за меня цѣпляетесь. Оставьте мой пиджакъ въ покоѣ.

Акила. И пойдешь ты, Вася, теперь по лѣсамъ, по дорогамъ. Ночкой прикроешься, въ голова горючъ камень. Прости насъ Христа ради, гнусныхъ. *(Кланяется).* Помолись за насъ смрадныхъ...

Драгоменецкій. Послушайте, это просто смѣшно... Передайте этой женщинѣ, что я очень счастливъ разстаться съ ней навсегда. Я тоже готовъ былъ вышвырнуть ее въ

окошко. Вообще на всемъ крестѣ! *(Чертитъ въ воздухъ палкой крестъ, идетъ къ лавкѣ, по дорогѣ роняетъ палку, не замѣчаетъ этого и садится).*

Акила. А ты помягче, помягче, Василий. Давай-ка лучше поплачемъ вмѣстѣ.

Драгоменецкій. Нѣтъ, папа, этого удовольствія я вамъ не доставлю.

Акила. Васька, смотри, осерчаю... Ты еще лѣстовки моей не пробовалъ. Смирись. Я тебя звѣремъ отсюда не выпущу. Отъ меня кроткіе уходятъ. Да.

Драгоменецкій. Слушайте, если вы меня тронете, я буду звать на помощь. Миѣ эти юродства надоѣли.

Акила. Надоѣли. Да? Надоѣли! Ну, плюнь миѣ въ лицо. Прасковья *(появляется на крыльцѣ)*. Отецъ Акила, бѣда.

Акила. Какая бѣда?

Прасковья. Благодѣтельница уѣзжать собралась.

Акила. Что ты болтаешь?

Прасковья. Вдругъ одѣлась и говорить не хочетъ. И даровъ намъ, батюшка, никакихъ не будетъ. Только за комнату дьячку заплатила, а намъ ни копейки.

Акила. Да ты, ворона, брякнула ей что-нибудь зря?

Прасковья. Ничего я не брякала. Молчала, какъ муха.

Драгоменецкій. Теперь, святой отецъ, и вамъ, очевидно, перепадетъ на орѣхъ.

(На крыльцѣ появляется Мирра и за ней дьячокъ съ чемоданомъ).

Акила. Милушка, куда же ты на ночь-то глядя собралась?

Мирра *(нервно натяжная перчатки)*. Ноги моей больше у васъ не будетъ.

Акила. Что съ тобой, да кто тебя укусилъ, дочка?

Мирра. Вы миѣ исковеркали жизнь вашими глупыми совѣтами...

Акила. Господи помилуй.

Дьячокъ. Ужасно она въ какомъ разстройствѣ, отецъ Акила. Я ужъ кидался, квасу холоднаго предлагалъ, ничего не желаетъ, отталкиваетъ ручкой.

Мирра. Носятся всѣ съ какой-то скверной дѣвченкой. Съ ума сошли. Разбѣжались отъ меня, какъ отъ бѣшеной. Отлично. Я уѣду. Пожалуйста. Можете дѣлать здѣсь что хотите.

Акила. Меня-то ты за что? Барыня моя...

Дьячокъ. Покорись, отецъ, покорись.

Мирра *(съ яростію глядя на Акилу)*. Вы двуязычный человекъ. Вы всѣмъ имъ нашептывали. Да, да, да. Миѣ извѣстно ваше сегодняшнее поведеніе. Вы темная личность.

Акила. Личность? Прасковья, дождались мы съ тобой. Дьячокъ *(съ отчаянѣемъ)*. Господи! Прямо ноги трясутся.

Мирра. Устроили у себя какой-то домъ свиданія. Пользуются невѣжествомъ темнаго народа. Деньги обираютъ. Я всѣ мои образа у васъ назадъ возьму. Всѣ вклады потребую судебнымъ порядкомъ. Камня на камнѣ не оставлю. Завтра же напишу губернатору. *(Сходитъ съ крыльца)*.

Акила. Губернатору?

Дьячокъ. А губернаторъ преосвященному письмо пошлетъ своимъ порядкомъ...

Акила. Преосвященному? Матушка, не губи.

Прасковья *(повалилась въ ноги)*. Не губи ты насъ. Горе, горе неминуемое.

Мирра *(дьячку)*. Несите чемоданъ въ коляску.

Дьячокъ. Мирра Михайловна, а ужъ я-то готовъ завасъ и въ огонь и въ воду. Неужели гнѣвъ распространится также на наше семейство?

Мирра *(смотритъ на Драгоменецкаго)*. Ничтожество.

Драгоменецкій. Bon voyage, дорогая.

Мирра *(мужу)*. Можете притти завтра получить ваши вещи и документы.

Драгоменецкій. Нѣтъ... послушай.. это...

Мирра (*оборачиваясь къ Акилю*). Вы еще узнаете, какъ имѣть дѣло со мной. (*Уходитъ*).

Дьячокъ (*Акиль*). Что же вы ротъ-то разинули? Вѣдь она въ самомъ дѣлѣ преосвященному напишетъ. По совѣсти сказать—разини. Мирра Михайловна, лѣвъѣ, лѣвъѣ забирайте. (*Уходитъ*).

Акила (*Прасковья*). Иди за ней. Валяйся въ ногахъ. За колесы держись.

Прасковья. Уцѣплюсь, уцѣплюсь, Акилушка, не выпущу.

Акила. Вотъ они бѣсы-то когда возликовали. Страшный часъ. (*Прасковья*). Иди, чортова баба. (*Они уходятъ*).

Драгоменецкій (*засмѣялся вслѣдъ уходящимъ*). Библейскій сюжетъ. Раздерите ризы и посыпьте пепломъ власа. (*Встаетъ*). Фу, какъ все это мерзко. Увѣрена, что послѣ всѣхъ этихъ сценъ я все-таки вернусь. Будьте покойны, сударыня. Я не вернусь, хоть трехъ архіереевъ за мной пришлите. (*Задумчиво останавливается передъ окнами Лизы*). Да. Ну что жъ, разумѣется. (*Подходитъ и стучитъ*). Лизавета Антоновна... Лиза.

Лиза (*появляется въ дверяхъ*). Тебя прогнали?

Драгоменецкій (*поморщился*). Ради Бога, это не то слово. Лиза, я все устроилъ. Я свободенъ. Вотъ.

Лиза. Неужели это изъ-за меня случилось?

Драгоменецкій. А, пустяки. Лиза, я вздохну полной грудью. Лиза, давеча я былъ подавленъ, нравственно разодранъ, въ отчаяннн. Я сказалъ тебѣ „нѣтъ“. Но это „нѣтъ“ было воплемъ всѣхъ моихъ старыхъ привычекъ, удобствъ, воспитанія, наконецъ. Во мнѣ поднялъ голову закоренѣлый ретроградъ, баринъ. Лиза, это была трагедія одного слова. Я самъ вонзалъ себѣ ножъ въ сердце.

Лиза. Да. Я такъ и поняла.

Драгоменецкій. Ты поняла? О, милая. Но наша любовь...

Лиза. Ты теперь не поминай этого слова. Любовь прошла.

Драгоменецкій. Любовь прошла?

Лиза. Ни жалости, ни любви. И съ собой я ничего подѣлать не могу. Кончилось. (*Пауза*). Ты зачѣмъ меня звалъ?

Драгоменецкій. Ты говорила мнѣ давеча... И вотъ я стучусь. У меня нѣтъ теперь ни дома, ничего... Я всѣми покинутъ.

Лиза. Ахъ, Боже мой.

Драгоменецкій. Я пришелъ къ тебѣ совсѣмъ.

Лиза. Ты хочешь, чтобы я служила тебѣ?

Драгоменецкій. Лиза, только что я сказалъ женѣ:— „я готовъ до конца исполнить долгъ мужа и семьянина. Но, Мирра, передъ тобою трупъ.“ Мы взглянули въ глаза другъ другу—смертный приговоръ. Я взялъ шляпу и тихо вышелъ. У меня съдые виски, Лиза. Я просто старый, негодный ни къ чему... (*Пауза*).

Лиза. Нѣтъ, я тебя не хочу.

Драгоменецкій. Такъ. Прости. (*Отходитъ*). Кстати, тебѣ не лишнее будетъ знать, что Егоръ и Мирра въ связи.

Лиза. Что? что?

Драгоменецкій. Я только предупреждаю. Во всякомъ случаѣ, Егоръ ненадежный, грязный человѣкъ.

Лиза. Ты не смѣешь лгать про него. Ты не смѣешь проносить этого имени. Теперь ты мнѣ лютый врагъ. Этого я не прошу тебѣ вовѣки вѣковъ.

(*Появляется Вологодовъ*).

Вологодовъ. Лошади готовы.

(*Лиза бросается къ нему*).

Лиза. Егоръ Ивановичъ. Егоръ Ивановичъ...

Вологодовъ. Что случилось?

Лиза (*хватаетъ его за руку, глядитъ въ глаза*). Онъ лжетъ, онъ лжетъ. Я вѣрю только вамъ. Каждому слову вашему вѣрю.

Вологодовъ (*быстро подходитъ къ Драгоменецкому*). Что ты еще ей посмѣлъ сказать? Повтори?

Драгоменецкій. Не помню. До свиданія, господа. Я

освобождаю васъ отъ моего присутствія. И вообще посылаю васъ къ чертямъ. (*Уходитъ*).

Лиза. Не гнѣвайтесь на него. Я уже все забыла. Вологодовъ. Ну.... забыла и слава Богу. Ёдемъ.

Лиза. Сейчасъ, я только минуточку посижу.

Вологодовъ. А глазки у насъ, все-таки, на мокромъ мѣстѣ.

Лиза. Егоръ Ивановичъ.

Вологодовъ. Что, моя дѣвочка?

Лиза. Онъ такой былъ жалкій сейчасъ. И я чувствую, поддамся и тогда мракъ, смерть... Точно меня дьяволъ искушалъ. И вдругъ сердце такой жестокостью захватило. Хотъ умри онъ вотъ тутъ, около,—все равно не смягчу сердца.

Вологодовъ (*покашляя, высморкался*). Да, такъ бываетъ... Это хорошо.

Лиза. Неужели, когда любовь нечистая, тогда все грѣхъ, что ни дѣлай. Все неправда. И жалость и милосердіе... Прости Господи. (*Пауза*). А вотъ что-то со мной сейчасъ... Не пойму. Такъ мнѣ тревожно.

Вологодовъ (*осторожно*). Вамъ хотѣлось бы сейчасъ остаться одной, быть можетъ.

Лиза. Нѣтъ... нѣтъ... (*Беретъ его за руку*). Мнѣ совсѣмъ не тяжело. Мнѣ тревожно. Егоръ Ивановичъ, только этой тревоги я не боюсь, нѣтъ. Все время я казалась себѣ старой... Старухой... Не улыбайтесь... А сейчасъ такъ тревожно... Тревожно хочется жить.

Вологодовъ (*отвращивается, вытираетъ пальцемъ глаза*). Въ глазъ что-то попало... Не то мошка, не то такъ что-то...

(*Слева появляются Драгоменецкій и Володька, проходятъ направо*).

Драгоменецкій. Хорошо бы достать коньяку, а?

Володька. Достанемъ, графъ, достанемъ.

Драгоменецкій. Видишь ли, мнѣ необходимо выпить...

Володька. Нынче ночью у меня дѣла въ оврагѣ. А вотъ

утромъ пораньше, пропустимъ по одной подорожной и запечатаемъ подошвами. Надо отсюда уходить.

Драгоменецкій. А куда, все-таки, думаете,— мы направимся?

Володька. Въ Китай, графъ.

Драгоменецкій. Въ Китай? Почему? Странно... Хотя, голубчикъ, если я наяду на коньякъ—мнѣ все равно, хотъ въ Китай.

Володька. Сяду я на корабль трехмачтовый,
И покину родимый предѣлъ.
Поищу я судьбы себѣ новой.
Коли старой хранить не умѣлъ...
(*Они уходятъ*).

Вологодовъ. Слышите, какъ пахнетъ полыню... Это изъ степи. Горькій запахъ земли. Лиза. Лиза, вы первая.... первая..... Въ моей жизни.

Лиза. Не знаю, ничего теперъ не знаю. Вы такой родной... Какъ братецъ. Грустно мнѣ, такъ смутно и хорошо съ вами... (*Ударилъ колоколъ*). Къ вечернѣ звонять, пойдете.

Занавѣсъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Александръ Алексѣевичъ Мардыкинъ, статскій генераль въ отставкѣ.
Вѣра, его дочь.
Николай Ивановичъ Шиловъ, троюродный племянникъ Мардыкина.
Сергѣй Сергѣевичъ Рындинъ, секретарь Мардыкина.
Антонина Павловна Коробова, заводчица.
Петръ Мартиновичъ Бабенъшевъ.
Хамовъ, лакей.
Леонтій, швейцарь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Проходная комната передъ кабинетомъ Мардыкина. У входной двери сидитъ Леонтій.

Въ дверь стучать, Леонтій открываетъ, беретъ газету, садится.

Леонтій. Газету принесли. *(Опять стучатъ; встаетъ, открываетъ. Входитъ Николай).* Вамъ кого?

Николай. Дядюшка дома?

Леонтій. Какой дядюшка?

Николай. Александръ Алексѣевичъ Мардыкинъ дома, я спрашиваю?

Леонтій. Его превосходительство еще газету не читали. Вотъ когда газету прочтеть, да выйдетъ въ эту комнату, тогда дома.

Николай. Поди, передай карточку. Скажи—племянникъ, Николай Ивановичъ Шиловъ. Я писалъ, что приѣду, меня ждутъ. И, скажи, пошелъ, молъ, купаться, а придетъ черезъ полчаса съ чемоданомъ.

Леонтій. Пойду, скажу.

(Идетъ въ глубину, держитъ за звонокъ. Николай, въ это время разворачиваетъ газету, дѣлаетъ на ней пометку карандашомъ, незаметно для Леонтія, и опять свертываетъ).

Николай. Ну что, дядюшка здоровъ? Вѣрочка здорова?

Леонтій. Его превосходительство и барышня изволятъ быть въ полномъ порядкѣ.

Николай. Такъ и скажи—искупаюсь и вернусь. *(Уходитъ).*

(Появляется Хамовъ).

Хамовъ. Ты что меня потревожилъ?

Леонтій. Вотъ, передай самому! *(Даетъ карточку).*

Хамовъ. Кто такъ приходилъ?

Леонтій. Говорить, племянникъ. Такъ, партикулярный. Шустрый какой-то, Богъ съ нимъ.

Хамовъ. Ждали такого. Веротится, допусти. Лють что-нонче самъ. Сахарницу расшибъ. Барышню напугалъ.

Леонтій. Съ чего же это онъ лють?

Хамовъ. Характеръ! Надо полагать—дѣла у него круто пошли.

Леонтій. Хороши дѣла—изъ одного кармана въ другой деньги перекладывать. Маханація, а не дѣла.

Хамовъ. Ну, это не наше дѣло, а господское. Я съ купчихи, съ Антонины Павловны, по трешкѣ беру, ты полтинникъ, а баринъ весь ея капиталъ въ свой карманъ желаетъ перевалить. У каждого свой механизмъ.

Леонтій. Я не беру, я за калоши беру, зонтикъ мокрый подержать.

Хамовъ. Ладно! Давай газету!

Леонтій. Вотъ, столичная. Экъ, грѣхи, грѣхи. Нашъ баринъ, какъ согрѣшить, такъ чорта изъ бумаги вырѣжетъ и въ шкафъ. Вотъ и хорошо! Всѣ грѣхи на виду... Полонъ шкафъ у него чертей. Ну, и дѣла! Быгъ бѣдѣ въ нашемъ домѣ!

Хамовъ. Каркай, ворона!

(Входитъ изъ глубины Рындины).

Рындины. Хамовъ, дай газету!

Хамовъ. Сергѣй Сергѣевичъ, племянникъ прѣхалъ, доложить?

Рындины. Какой племянникъ? Шиловъ? Доложить. Провести въ антресоли. Сюда не пускать! *(Раскрываетъ газету).* Ого, ого, го! Ловко. *(Хамовъ уходитъ).* Леонтій, кто здѣсь помѣтилъ карандашомъ?

Леонтій. Такъ принесли. Кто писалъ, тотъ и помѣтилъ.

Вѣра *(входитъ съ улицы)* Леонтій, у папы еще не начался пріемъ?

Леонтій. Да нѣтъ никого. Барышня, племянникъ прѣхалъ.

Рындины. Купались, Вѣра Александровна? Я тоже хотѣлъ выкупаться, да проспалъ. Сонъ великая вещь, какъ говорить дядюшка Мардыкинъ.

Вѣра. Сейчасъ видѣла Николая. Онъ бѣжалъ по солнечной сторонѣ. Я увѣрена, что это былъ Николай Шиловъ.

Рындины. Вамъ, кажется, очень хочется его видѣть?

Вѣра. Мнѣ хочется, чтобы меня оставили въ покоѣ. *(Идетъ къ двери).*

Рындины. А, кстати, вода очень прохладная?

Вѣра. Холодная, на улицѣ жара. Не откладывая ни минуты я хочу поговорить съ папой.

Рындины. Я не могу вамъ помочь?

Вѣра *(возвращаясь)*. Рындины, вы въ самомъ дѣлѣ думаете на мнѣ жениться?

Рындины. Смѣю ли я?. Что за вопросъ? Откуда этотъ вопросъ?

Вѣра. Это очень трудно сдѣлать. Вы, кажется, совсѣмъ перестали меня стѣсняться?

Рындины. Вы про вчерашній разговоръ?

Вѣра. Да. Про вчерашній разговоръ обо мнѣ и о какихъ-то очень странныхъ вещахъ.

Рындины. Это была шутка. На досугѣ, въ такую жару, развѣ возможно говорить о чемъ-нибудь серьезномъ? Мы съ вашимъ папашей придумали забавную игру. Напримѣръ: у купчихи Антонины Павловны имѣется капиталъ свыше милліона. У насъ всего, скажемъ, пятьдесятъ тысячъ. Какую нужно примѣнить махинацію, чтобы милліонъ оказался у насъ, а пятьдесятъ тысячъ у нея? Вотъ вамъ математическая задача. Это чисто отвлеченная игра, и больше ничего. Pas du tout.

Вѣра. Отъ вашихъ разговоровъ пахнетъ темными дѣла-

ми, Рындины. Когда мы жили въ Твери, папа игралъ только въ шахматы и въ преферансъ и онъ былъ гораздо покойнѣе.

Рындины. Здѣсь югъ, не забывайте! Здѣсь жизнь идетъ американскимъ ходомъ. Въ самомъ воздухѣ пахнетъ аферами, отсюда особое направление умовъ.

Вѣра. Теперь папа сталъ мрачный и раздражительный. Сегодня швырнулъ сахарницу въ Хамова. Въ нашемъ домѣ завелась какая-то нечистоплотность.

Рындины. О, милыя разсужденія о чистотѣ, о томъ, что плохо и что хорошо! Они пригодны для молодыхъ дѣвушекъ въ нѣжномъ возрастѣ. Я самъ читалъ Тургенева и плакалъ. „То время давно, умчалось оно, и я уже не тчець, а скучный дѣлецъ“. Что, скверно? Извиняюсь. Но здѣсь, увы, на первомъ планѣ иныя цѣнности: уголь, нефть, желѣзо и пшеница. Что подѣлаешь—нужно жить. Нужно дѣлать дѣло, а потомъ, если есть склонность къ тому, подумать на досугъ—плохо это или хорошо. Хотя; какъ бы вы не нажили миллионъ—это всегда хорошо. Что цинично? Повторяю, вчерашній разговоръ только шутка.

(Быстро входитъ Хамовъ).

Вѣра. Когда вы разговариваете,—такъ и кажется—прыгаете въ глаза. Ужасно.

Хамовъ. Его превосходительство!

(Дьяволимъ шагомъ входитъ Мардыкинъ, съ портфелемъ, оляды влетаетъ).

Мардыкинъ. А! Постороннихъ нѣтъ?

Хамовъ. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Мардыкинъ *(Хамову)*. Такъ что же ты, болванъ, орешь, на весь домъ! Пшелъ!

Хамовъ. Есть! *(Уходитъ)*.

Мардыкинъ. А гдѣ Николай?

Леонтій. Купаться пошелъ.

Мардыкинъ. Купаться? То-есть, какъ?

Леонтій. Упрѣлъ, говорить, я сильно, схожу на рѣчку. Вернусь, говорить, съ вещами. Такъ и сказалъ: безпремѣнно, говорить, приду съ чемоданомъ.

Вѣра. Папа, Николай писалъ, что хочеть у насъ остановиться. Ты позволилъ. Я такъ и отвѣтила.

Мардыкинъ. Почему ему именно понадобилось прѣзжать сегодня? У меня не постоянный дворъ.

Вѣра. Николай будетъ жить въ антресоляхъ. Онъ мой гость, а не твой. Вообще, я съ тобой хочу поговорить, отецъ.

Мардыкинъ. Уволь, уволь, уволы! Дѣлай, какъ хочешь. Я въ этомъ домѣ рабъ. Я не имѣю своихъ желаній! *(Строю)* Сергѣй Сергѣевичъ, я ждалъ газету двадцать минутъ въ столовой.

Рындины *(подавая газету)*. На третьей страницѣ внизу статейка, она была прислана, помѣченная карандашомъ.

Мардыкинъ. Доберусь я когда-нибудь до этихъ помѣтчиковъ! Хотѣлъ бы я поймать за вихорь эдакаго помѣтчика...

Рындины. Въ Одессу, Харьковъ и Екатеринославъ телеграммы послалъ.

Мардыкинъ. Такъ.

Рындины. Чтобы продолжали воздерживаться отъ покупки, впредь до особаго распоряженія.

Мардыкинъ. Пока я не прикажу!

Рындины. Ну, да, пока мы не прикажемъ!

(Они оба идутъ въ кабинетъ).

Вѣра. Папа, мнѣ нужно съ тобой поговорить!

Мардыкинъ *(закрываетъ газетой)*. Какъ-нибудь выберемъ минутку.

Вѣра *(останавливаетъ его передъ дверью)*. Сейчасъ и наединѣ, папа!

Мардыкинъ *(глядя въ газету)*. Гдѣ же тутъ напечатано? Ага!

Вѣра. Папа, чѣмъ ты занимаешься?

Мардыкинъ. Я? Леонтій, пошелъ вонъ! *(Леонтій уходитъ)*. Это что за вопросъ? Я занимаюсь тѣмъ, чѣмъ мнѣ нужно.

Вѣра. Ты занимаешься аферами, да?

Мардыкинъ. Вѣра, ты глупа.

Вѣра. Я такъ и знала, что этимъ окончится весь разговоръ.

Мардыкинъ. За послѣднее время ты особенно поглубля!

Вѣра *(вздыхнувъ)*. Папа, въ молодости ты не былъ боленъ?

Мардыкинъ. Такъ же, какъ и обыкновенный человѣкъ, я стужился, и хворалъ.

Вѣра. Я хочу сказать: нѣтъ ли у тебя наслѣдственности?

Мардыкинъ. Какъ ты смѣешь задавать отцу подобные вопросы? Кто тебя учить гадостямъ?

Вѣра. Сама до всего дохожу, папа. Дѣло въ томъ, что я совершенно безнравственна. Я не понимаю, что плохо и что хорошо. Честное слово.

Мардыкинъ. Замолчи! Другъ мой, ты спрашиваешь про вещи, которыя должна была всосать съ молокомъ матери. Что такое нравственность?.. Гм... запомни разъ и навсегда: нравственность есть основа государства. Вотъ!

Вѣра. Благодарю!

Мардыкинъ. Нравственный человѣкъ—значитъ честный человѣкъ. Безнравственный человѣкъ тоже, что преступникъ. Ну, мнѣ некогда.

Вѣра. Папа, подожди минутку. Ты нравственный, да?

Мардыкинъ. Фу! *(Вытирается платкомъ)*. Перестань, скверная дѣвчонка! Какъ ты разговариваешь съ отцомъ?

Вѣра. Сейчасъ замолчу... Самое главное: зачѣмъ ты хочешь выдать меня за Рындина?

Мардыкинъ. Ты видишь, наконецъ, я читаю газету! Ты мнѣ не даешь прохода съ глупыми вопросами. Здѣсь дѣловое учрежденіе. Иди въ свою комнату!

Вѣра *(постынно)*. А какія у тебя отношенія съ Антониной Павловной? По-моему, она въ тебя влюблена. А ты?

Мардыкинъ *(въ это время въ газетѣ нашелъ то, что нужно)*. Что такое? Что! Каналья! *(Рындинъ, это доносъ!)* Кто смѣлъ написать? Кто смѣлъ подсунуть мнѣ эту газету?

(Входитъ Антонина Павловна).

Антонина. Отецъ родной! Вѣрочка, миленокъ, здравствуйте, херувимъ! *(Мардыкину)*. Я къ вамъ прямо, какъ къ родному отцу. *(Вѣрь)*. Какъ увижу вашего папашу, бутончикъ мой, такъ сердце въ колѣнки и провалится. *(Мардыкину)*. Кабы не мой веселый нравъ, давно бы глазищи себѣ наревѣла. Бумаги-то мои валяются, какъ съ крыши. Сегодня на пятьдесятъ три копейки упали. Отецъ, да я черезъ мѣсяцъ пойду съ лоткомъ таранъ продавать. Разорви меня на мѣстѣ, если на мнѣ не спекулируютъ какіе-то мошенники.

Вѣра. Папа и Рындинъ понимаютъ эти дѣла очень хорошо. Они вчера еще говорили...

Мардыкинъ *(мрачно)*. Вѣра, иди къ себѣ! *(Еще мрачнѣе Антонинѣ)*. Пожалуйста въ кабинетъ!

Антонина *(Вѣрь)*. Съ нимъ потолкуемъ, чай пить прибѣгу!

(Мардыкинъ и Антонина уходятъ въ кабинетъ).

Вѣра *(Леонтію)*. Леонтій, папа всегда такъ сердится, когда читаетъ газету? Я раньше не замѣчала. *(Поднимаетъ газету)*.

Леонтій. Народъ пошелъ никудышный. Пишутъ, пишутъ, какъ безъ ума. Скоро, сказывали мнѣ, совсѣмъ писать запретятъ. Неприятность одна для его превосходительства.

Вѣра. Леонтій, послушай ка... *(Читаетъ)*: „Для примѣра, беру хотя бы темную исторію съ акціонернымъ обществомъ желѣзнодорожныхъ заводовъ въ губернскомъ городѣ Н. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ котельномъ отдѣленіи одного изъ заводскихъ корпусовъ произошелъ взрывъ. Тотчасъ въ мѣстной газеткѣ! тоже надо сказать темнаго происхожденія, появляется замѣтка о неудовлетворительномъ, будто бы, состояніи заводскаго дѣла. Затѣмъ на заводѣ начинаются волненія среди

рабочихъ, въ то же время акціи товарищества усиленно распродаются чьими-то агентами и летятъ внизъ. Намъ удалось узнать, что въ Н. проживаетъ одно чрезвычайно вліятельное лицо, замѣшанное во всей этой исторіи. Надѣмся въ ближайшее время имѣть въ рукахъ точные документы...“ Леонтій, ты понимаешь на что здѣсь намекають?

Леонтій. Дайте-ка я газету въ чуланъ снесу. (*Входитъ Николай съ чемоданомъ*). Быть бѣдъ въ нашемъ домѣ.

Николай. Вотъ мои вещи, Вѣрочка.

Вѣра. Николай! Какъ я рада!

Николай. Выросла! Барышня!

Вѣра. Леонтій, снеси вещи наверхъ. (*Леонтій съ чемоданомъ уходитъ*). Вамъ приготовлено наверху. Тамъ очень тихо, не слышно, какъ папа сердится по утрамъ.

Николай. Вѣрочка, что съ вами случилось? Вы ужасно похорошѣли.

Вѣра. Вы давно изъ Англіи?

Николай. Недавно, мѣсяца полтора, только. Кончилъ политехникумъ, теперь инженеръ.

Вѣра. Служите на заводѣ?

Николай. Ну, не такъ-то легко устроиться. Папа умеръ въ прошломъ году, вы знаете. Одно время сидѣлъ совсѣмъ безъ денегъ. Сейчасъ недурно. Работаю пока въ газетъ...

Вѣра (*съ ужасомъ*). Изъ газетъ?

Николай. Вѣрочка, вотъ въ чемъ дѣло, дядя не долженъ объ этомъ знать. Это страшный секретъ. У него давнишняя ненависть къ нашему ремеслу. Хорошо?

Вѣра. Конечно, не скажу.

Николай. Гляжу и вспоминаю, какъ въ первый же годъ я удралъ изъ колледжа, укралъ лодку и едва не переплылъ Ламаншъ. Знаете, зачѣмъ? Хотѣлъ увидѣть васъ!

Вѣра. Какой отчаянный! Васъ поймали?

Николай. Поймали. Тогда я сталъ учиться боксу. Вообще, дѣлалъ тысячу глупостей. Какъ давно это было!

Вѣра. Покажите-ка! (*Трогаетъ его руку*). Настоящее желѣзо! Николай, мы опять будемъ друзьями?

Николай. Будемъ друзьями. Вы молодчина. (*Оглядывается*). Только черезъ чуръ... ну, какъ это... (*Шелкаетъ пальцами*).

Вѣра. Что?

Николай. Ну, хороша!

Вѣра. Удовольствіе отъ моей дружбы получите очень среднее, должна предупредить. Вамъ придется познакомиться съ испорченной и безнравственной душой. Николай! Не смѣйтесь!

Николай. А я терпѣть не могу людей безъ слабостей.

Вѣра. Узнаете меня поближе, не будете такъ говорить. Мы всѣ здѣсь плохо живемъ.

Николай. Если и есть у васъ недостатки, такъ отъ этого вы еще болѣе привлекательны. Вѣрочка, это вашъ ароматъ. Иначе вы были бы не вы, а теоретическая дѣвушка. О васъ читали бы лекціи и срѣзывались на экзаменахъ. Васъ надо было бы засунуть на книжную полку.

Вѣра. Я рада, что вы пріѣхали, Николай, голубчикъ. Я совсѣмъ здѣсь одна. Только что былъ разговоръ съ папой, я поставила ему вопросъ ребромъ, онъ, какъ всегда отвѣтилъ — дура!

Николай. Что у васъ происходитъ?

Вѣра. Онъ хочетъ выдать меня замужъ за Рындина. Папинъ секретарь. Увидите его — обезьяна. Точно я вещь! По вечерамъ папа и Рындинъ разговариваютъ о такихъ странныхъ вещахъ, — у меня мурашки бѣгаютъ. И все Рындинъ. Онъ дерзкій и умный. Онъ отвратительно смѣется, — схватится за носъ и хохочетъ. Папу иногда всего такъ и передернетъ. И все же Рындинъ насѣлъ на него, подмялъ подъ себя. Ахъ, если бы только избавиться отъ этого человѣка!

Николай. Вотъ какъ! Значитъ, это Рындинъ оруду-етъ?

Вѣра. Ну, да!

Николай. Послушайте-ка, Вѣрочка. Я этого не ожидаю.

Вѣра (*поднимает газету*). Вотъ, почитайте-ка, что пишутъ. Это про папу, я увѣрена. Вы не читали?

Николай. Что читать. (*Пауза*). Ну, что я буду читать! Я писаць эту статью.

Вѣра. Вы? Николай!

Николай. Ну, да. Я посланъ отъ газеты узнать всѣ подробности дѣла и найти документы.

Вѣра. Значить, мы пропали... Папа, дѣйствительно...

Николай. Мошенникъ, да.

Вѣра. Что вы говорите...

Николай. Дядя очень сильно запутался... Вы что же думаете, мнѣ приятно было ѣхать? Хотя вру: мнѣ было все равно, потому что я ничего не думалъ вообще. Мнѣ сейчасъ неприятно.

Вѣра. Николай, вы нашъ врагъ? Да?

Николай (*раздражаясь*). Подождите! Дѣло въ томъ, что Рындинъ совсѣмъ мѣняетъ дѣло. Я страшно радъ, что вы мнѣ рассказали про Рындина. Я увѣренъ, что Рындинъ — все зло. Вы говорите, онъ хочетъ на васъ жениться? Нѣтъ, зачѣмъ я все это вамъ говорю! Какого чорта я волнуюсь...

Вѣра. Николай, вы шутите? Вы смѣетесь? Вы пріѣхали къ намъ, какъ родной. Папа васъ ждеть и, хотя ругаетъ, но любить...

Николай. Такъ разговаривать не годится. Вы хотите чтобы я зналъ и скрылъ мошенническія дѣянія дѣлишки.

Вѣра. Онъ же старый! Я увѣрена, если ему объяснить, что онъ дѣлаетъ гадко, онъ раскается. Нужно только поговорить съ нимъ любя. Николай, васъ самъ Богъ прислалъ, спасите насъ! Господи, какъ все это ужасно!

Николай. Я помню дядю и очень его люблю. Онъ чужакъ и милый человѣкъ. Дядюшка, въ общемъ, всегда былъ похожъ на старую бабу съ бакенбардами. Когда кругомъ феноменальное воровство, трудно ему удержаться, чтобы не цапнуть. Нѣтъ, я не врагъ!

Вѣра. Николай, милый, родной!

Николай. Несомнѣнно. Рындинъ дѣлаетъ съ нимъ все,

что хочетъ. Когда дядюшка перестанетъ быть ему нужнымъ, онъ погубитъ его, это тоже несомнѣнно. Но сначала онъ женится на васъ!

Вѣра. Ого, пусть попробуетъ заикнуться!

Николай. Вѣрочка, у меня всегда было такъ: я подробно обдумывалъ какое-нибудь дѣло, а поступалъ неожиданно, самъ не зная почему, потому что такъ захотѣлось въ эту минуту. Это скверное качество для инженера! Но, чортъ съ нимъ, вы правы! Во-первыхъ, надо найти улики противъ Рындина, освободить отъ него дядюшку и вообще отъ него освободиться, и затѣмъ внушить дядюшкѣ, что не хорошо быть мошенникомъ.

Вѣра. Это не трудно. Онъ очень мягкій человѣкъ. Онъ даже въ чертей вѣритъ. Въ столовой у насъ стоитъ шкафъ, биткомъ набитый чертями. Папа ихъ самъ вырѣзываетъ изъ бумаги.

Николай. Какіе черти? Подождите, Вѣрочка, вы меня не путайте. Но вѣдь дядюшка начнетъ допытываться, для чего я пріѣхалъ. Знаете что? Я долженъ за вами волочиться, Вѣрочка, для отвода глазъ. Дѣлать всевозможныя глупости. Пусть они успокоятся на мой счетъ.

Вѣра (*дѣловито*). Хорошо.

Николай. Гмъ! (*Пауза*). А вы могли бы меня какъ это?.. Настоящему?..

Вѣра. Что по-настоящему?

Николай. Ну, полюбить..

Вѣра. Ну, это не такъ-то просто.

Николай. Почему?

Вѣра. Что я буду рассказывать! Папа пичкаетъ меня чѣты-минееми. Антонина Павловна — современной литературой. Рындинъ говоритъ, что нужно быть красивымъ звѣремъ. Я прочла Достоевскаго и рѣшила, что во мнѣ нѣтъ надрыва. Я не рокселяя женщина и не красивый звѣрь. Папа зоветъ меня дурой. Нѣтъ, я нико о не люблю!

Николай. Я это очень понимаю. Когда отецъ написалъ мнѣ десять ругательныхъ писемъ и пересталъ высылать

деньги, я засѣлъ и выучилъ химію на зубокъ. Со всѣмъ въ жизни у меня дѣло обстоитъ просто: два и два—четыре. Съ любовью это не такъ.

Вѣра. Это совсѣмъ не такъ.

Николай. Хотите, попробуемъ? Для опыта?

Вѣра. Что попробуемъ?

Николай. А вотъ... чтобы не было, дважды-два... До сихъ поръ мнѣ приходилось встрѣчать только роковыхъ женщинъ. Видъ у нихъ ужасный... Перья, загадочныя улыбки, отовсюду пудра сыплется. Одно время я совсѣмъ пришелъ въ уныніе. Вѣрочка, въ васъ какое-то тончайшее очарованіе.

Вѣра. Къ чему вы все это говорите?

Николай. Ей-Богу, не знаю. Если бы зналъ, навѣрно не говорилъ бы...

Вѣра. Либо мы сошли съ ума оба.. (Пауза). Если вами руководить одинъ расчетъ, конечно, мнѣ только обидно ваше вниманіе. (Пауза). Только бы избавиться отъ Рындина.. все будетъ хорошо! (Пауза). Я не понимаю, какъ же взять и попробовать? Такъ ничего не выйдетъ у насъ. Какія глупости! Съ чего же вы хотите начать?

(Николай быстро цѣлуетъ ее. Въ это время отворяется средняя дверь и выходятъ: Мардыкинъ, Антонина Павловна и Рындинъ).

Мардыкинъ. Вотъ такъ штука!

Антонина. Ай!

Николай (кидается къ Мардыкину, обнимаетъ). Дядюшка, родной! Все такой же! Съ бакенбардами!

Мардыкинъ. Постой, подожди! Что такое? Что это значить?

Николай (обнимаетъ Антонину). Красота моя купеческая! Все цвѣтеть!

Антонина. Ай, какой силачъ!

Мардыкинъ (Вѣрѣ). Ты отчего красная? Что?

Вѣра. Я такъ рада! Онъ такой милый!

Николай. Съ поѣзда въ рѣчку... И прямо къ намъ!

Мардыкинъ. Милый, милый. Смотри, Вѣра, (Николаю). Покажись-ка ты мнѣ. Все-таки эти поцѣлуи, того... Гмъ! Красивый парень! А все таки ты, братъ, шалопай!

Николай. Инженеръ, дядюшка.

Рындинъ. Позвольте представиться: Рындинъ.

Николай. Шиловъ...

Мардыкинъ (Николаю). Ну, ты и его поцѣлуй заодно. Николай. Познакомимся ближе, тогда ужъ мы другъ въ друга вѣдимся.

Мардыкинъ. Что же ты ко мнѣ надолго?

Вѣра. Конечно, надолго. Очень надолго.

Мардыкинъ. Не егози!

Николай. У меня, дядюшка, десять тысячъ плановъ.

Мардыкинъ. Гмъ... Садись... Сядьте, господа. Почему ты именно пріѣхалъ устраивать дѣла ко мнѣ?

Вѣра. Папа, дѣло въ томъ, что Николай теперь инженеръ, очень способный, талантливый, блестящій. Ты посмотри, какіе у него мускулы.

Мардыкинъ. Все-таки, братъ, пожалуйста, расскажи мнѣ, какіе твои ближайшіе планы: коммерческіе, спекулятивные, или ты намѣренъ служить.

Антонина. Я въ прошломъ году вотъ такъ же инженера наняла. Такой былъ циникъ. Ногами топалъ. Богъ съ ними.

Николай. Когда я подѣзжалъ къ городу, меня поразило огромное количество цвѣтовъ. Цѣлыя поля покрыты маками и желтыми подсолнухами. Цвѣтутъ: акаціи, сирень, какіе-то синенькіе кусточки... И мнѣ показалось,—цвѣты даже на уличныхъ фонаряхъ. Дядюшка, подумайте, въ послѣдній разъ я видѣлъ Вѣру еще подросткомъ. Она выросла въ чудесную дѣвушку. Простите, но мнѣ хочется сказать вамъ спасибо.

Мардыкинъ. Ахъ, мальчишка!

Николай. И какъ ужасно, что эготъ вашъ рай кишитъ прохвостами. Хорошо бы взять метлу, да вымести ихъ всѣхъ отсюда.

Мардыкинъ. Ты, знаешь ли, слишкомъ смѣлъ въ своихъ взглядахъ, другъ мой. Ты гдѣ учился, въ Англии? Ну, да. Можешь развивать свои взгляды въ другомъ городѣ. Но здѣсь я не потерплю.

Вѣра. А я вполне во всемъ согласна съ Николаемъ. Онъ прѣхалъ и сразу увидѣлъ у насъ множество цвѣтовъ и скверныхъ людей. Здѣсь жить нельзя. Я давно это говорю.

Рындинъ. Я, извиняюсь, врагъ всякихъ недомолвокъ, господинъ Ши... Ши... Ши...

Вѣра. Шиловъ. Вы слышали это ясно.

Рындинъ. Извиняюсь. Онъ приноситъ намъ цвѣтущую вѣтвь маслицы. Весь видъ господина Шилова съ вѣткой изображаетъ мировую благодать и прочее. Преклоняюсь. Долой пороки. Но я бы хотѣлъ, чтобы господинъ Шиловъ мнѣ отвѣтилъ на два вопроса: не понимаетъ ли онъ слова „кишатъ прохвостами“ въ единственномъ числѣ, т. е. кишить прохвостомъ.

Николай. Да, именно, такъ я понимаю.

Вѣра. Правда... правда...

Рындинъ. Ну-съ, такъ-съ, хорошо-съ.

Мардыкинъ. Что это за разговоръ, я спрашиваю.

Антонина. Слишкомъ колко, я тоже нахожу.

Рындинъ. Теперь второе: господинъ Шиловъ вѣзжаетъ въ родственный домъ, дѣлается, какъ мы видимъ, премилымъ единомышленникомъ Вѣры Александровны и, конечно, не будетъ сѣтовать, если я поспѣшу раскрыть его маленький секретъ, извѣстный всѣмъ, кто читаетъ газеты, въ особености „Русское Дѣло“.

Мардыкинъ. Какой секретъ?

Рындинъ. Николай Ивановичъ пишетъ подъ псевдонимомъ.

Мардыкинъ. Пишетъ...

Вѣра. Николай пишетъ только стихи.

Николай. И театральную хронику.

Мардыкинъ. Стихи, театральную хронику. То-то. Брось. Подальше отъ газетъ. Да, братъ, дѣйствительно, вижу, ты

шалопай. Воображаю, твои десять тысячъ проектовъ. Ну, идемъ завтракать. *(Проходя).* Леонтій, не принимать.

Антонина *(Вѣру)*. Одно могу сказать— съ троюроднымъ кузенкомъ! Мужчина нечеловѣческой красоты!

Вѣра *(Рындину)*. Вы любите обезьянъ?

Рындинъ. Обезьянъ... Обезьяночекъ очень люблю... хи... хи...

(Всѣ уходятъ. Въ двери стукъ. Леонтій встаетъ).

Леонтій. Кого еще принесло? Не вѣлно! Не принимаемъ! Шабашъ! *(Не тучная)*. Ты куда? Ты куда? Ты куда?

Бабенышевъ *(входитъ)*. Гони меня, миленькій, гони меня въ шею.

Леонтій. Скоро вы ему надоѣдать перестанете?

Бабенышевъ. Пока совсѣмъ не надоѣмъ, родной.

Леонтій. Уходите... Ей-Богу отъ грѣха.

Бабенышевъ. Въ какое ты меня пекло гонишь? Старичокъ я. Эхъ, Леонтій. Помнишь ли ты, какъ у меня на подвѣздѣ стоялъ? Въ ливреѣ и съ булавой.

Леонтій. Сами виноваты въ своемъ убожествѣ, Петръ Мартыновичъ.

Бабенышевъ. Поди, скажи, чтобы деньги выслалъ.

Леонтій. Завтракаютъ.

Бабенышевъ. Аль прѣхалъ кто?

Леонтій. Племянникъ.

Бабенышевъ. На бѣду прѣхалъ! Несчастье у васъ скоро будетъ! *(Вздыхаетъ)*. Даль бы Богъ поскорѣ!

Леонтій. Ну-ну!

Бабенышевъ. Баринъ твой орелъ. Меня, такую силу, дунулъ и свалилъ! Мои денежки, теперь его денежки. У меня, старика, ничего не осталось, кромѣ воплощенной укоризны.

Леонтій. О чемъ стараетесь, Петръ Мартыновичъ?

Бабенышевъ. Хочу, миленькій, твоего барина въ могилу вогнать.

Леонтій. Ахъ, зловредный! Какъ же васъ терпять?

Бабенышевъ. А я его не боюсь! Онъ меня боится.

У меня козырь есть против него, пиковый. Я отъ Мардыкина до смерти не отвяжусь. А ты, дружокъ, аккуратнo чe-резчуръ служишь. Я и тебя въ гробъ вколочу!

Леонтій. Господи, прости. Неистовый какой.

(Звонятъ колокола въ городъ).

Бабенышевъ. Не люблю я колокольнаго звона. Мои денежки звонятъ. На мои денежки колокола куплены.

Леонтій. На томъ свѣтъ бѣсышку сь васъ сдеруть, да въ нее и зазвонятъ.

(Входитъ Николай).

Николай. Леонтій, принеси мнѣ папиросъ изъ чемадана. *(Леонтій уходитъ. Бабенышевъ кланяется).* Я пріѣхалъ сегодня утромъ. Ну, что? Получили мое письмо?

Бабенышевъ. Расчету нѣтъ, по частямъ-то я изъ него больше выколочу. Мнѣ дѣлать-то нечего. Ходишь да кляузничашь, да вымогаешь. Я безъ его превосходительства, прямо говорю, жить не могу. Намедни дождикъ былъ, не пошелъ я. Такъ подъ животь подвалило и сосеть. Тоскую по его превосходительствѣ.

Николай *(оглядываясь, быстро)*. Сколько хотите за всѣ письма Маріи Шитиковой? Последне слово? Мнѣ всѣ письма нужны, и Мардыкина и Рындина.

Бабенышевъ *(съ волненіемъ подходитъ къ нему)*. Молодой, молодой, какъ же такъ спрашивать можно? Да сто ты сячь! *(Бьетъ себя въ грудь)*. Двѣсти сейчасъ запрошу, согласи-ся!

Николай. Ну, намъ не о чемъ говорить. *(Уходитъ).*

(Бабенышевъ беретъ за ялову, раскачивается).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Столовая—гостиная. Столъ. Налѣво дверца. Направо шкафъ, съ надписью— „дѣла“. Въ глубинѣ вторая, проходная, комната, отдѣленная аркой; изъ нея двери: направо къ Вѣрѣ, налѣво къ Мардыкину, прямо—въ садъ.

Рындинъ, стоя, съ портфелемъ подъ мышкой, ѣстъ малину у стола. Слѣва слышенъ голосъ Мардыкина.

Голосъ Мардыкина. Остановись! Остановись! Остановись! Тебѣ говорятъ. *(Изъ глубины, пятясь задомъ, появляется Хамовъ)*. Приказываю тебѣ остановиться! *(Мардыкинъ появляется вслѣдъ за Хамовымъ)*. Хамовъ!

Хамовъ. Не могу знать, ваше превосходительство! Нечистая сила, ваше превосходительство!

Мардыкинъ. Въ Сибирь тебя мошенника! Въ арестантскія роты! Сгною!

Хамовъ. Воля ваша! Я ничего не могу знать.

Мардыкинъ. Кто же мнѣ третій день на столъ записки подсовываетъ, я спрашиваю?

Хамовъ. Нечистая сила, ваше превосходительство.

Мардыкинъ. Нечистая сила? А какъ ты смѣешь ее допускать ко мнѣ въ кабинетъ?

Хамовъ. Сама лѣзетъ. Если кого за шиворотъ тащить—я могу, ваше превосходительство. А нечистую силу хрестомъ нужно, хрестомъ, ваше превосходительство, окрещивать.

Рындинъ. Что еще случилось?

Мардыкинъ *(упавъ въ кресло)*. Третье предупрежденіе. Рындинъ. Чепуха!

Мардыкинъ. Нѣтъ, не чепуха, молодой человѣкъ. Вы не смѣете говорить чепуха. Я самъ заперъ вчера ставни, осмотрѣлъ двери на кухнѣ и на парадномъ. Сейчасъ поднимаю прессъ-папье—лежить. *(Показываетъ записку)*. „Остановитесь, пока не поздно! Намъ извѣстно все...“ Имъ извѣстно все... Это—или мasons, или... потустороннее вмѣшательство.

Хамовъ. Черезъ замокъ или черезъ ставню оно дѣйствуетъ совершенно свободно. Леонтій сказывалъ, зашебаршить, говорить, въ углу, ты ее хрестомъ. Она и скиснетъ, какъ творогъ.

Мардыкинъ. Рожа! Пошелъ вонъ!

Хамовъ. Естъ! *(Уходитъ)*.

Рындинъ. Все это мнѣ мало нравится, патронъ.

Мардыкинъ. Я совершенно не озабоченъ, нравится вамъ это, или не нравится.

Рындинъ. Ого!

Мардыкинъ. Я бы попросилъ обойтись безъ „ого“.

Рындинъ *(вынимая изъ портфеля ножницы и бумагу)*. Я купилъ, какъ вы просили, новыя ножницы и бумагу. Она немного тоньше прежней. Затѣмъ, вотъ курсъ сегодняшней биржи, нужно начать покупку. Бумаги упали достаточно.

Мардыкинъ *(швыряетъ ножницы и бумагу)*. Вы проявляете необычайную заботливость, расторопный и предупредительный молодой человѣкъ.

Рындинъ. Я не понимаю вашего настроенія, ваше превосходительство.

Мардыкинъ. Я получилъ третье и послѣднее предупрежденіе. Я больше не хочу рисковать. *(Указывая на шкафъ)*. Онъ полонъ. Мнѣ почти 55 лѣтъ. Я не желаю больше вырѣзывать бумажныхъ чертей. Довольно! Вырѣзывайте сами! Слишкомъ много грѣховъ. Господи, прости меня!

Рындинъ. Съ какихъ это поръ вы стали трусомъ? Каются захотѣлось? Или опять сонъ приснился?

Мардыкинъ. Да, я видѣлъ страшный и вѣщій сонъ.

Рындинъ. Чепуха! Намъ не грозитъ никакой опасности. Все дѣлается черезъ вторыхъ лицъ. Я только что былъ у

нашего юрисконсульта и приказалъ возбудить дѣло противъ автора газетной клеветы.

Мардыкинъ. И вы еще хотите судиться? Совѣсть, я спрашиваю, совѣсть есть у васъ, Сергѣй Сергѣевичъ?

Рындинъ. Откройте форточку, патронъ! Совѣсть—это плохое пищевареніе. Выдумка беллетристовъ. Я считаю статью гнусной клеветой, потому что у нихъ нѣтъ въ рукахъ документовъ. Дѣло должно быть доведено до конца. Дайте папиросу.

Мардыкинъ. Вы говорите, какъ человѣкъ не вѣрящій въ спасеніе души. Бываютъ разныя дѣла... Сергѣй Сергѣевичъ.

Рындинъ. Дѣла всегда пахнутъ порохомъ. Если вы стащили полтинникъ,—вы просто жуликъ. Если миллионы Антонины Павловны будутъ лежать на этомъ столѣ—вы король.

Мардыкинъ. Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? Вы меня толкаете въ пропасть. Оставьте меня въ покоѣ сегодня.

Рындинъ. Я вамъ толкую третій день: акціи пали до семидесяти трехъ. Я хотѣлъ, чтобы они понизились еще. Но по вашему настроенію вижу, нужно скупать немедленно, завтра же, согласны? Сейчасъ я посылаю телеграммы во всѣ города.

Мардыкинъ. Третье предупрежденіе. Кто могъ его написать? Это не рука человѣка, нѣтъ!

Рындинъ. Я подозреваю, кто этимъ занимается.

Мардыкинъ. Кто?

Рындинъ. Вы узнаете объ этомъ сегодня.

Мардыкинъ. А я повторяю, что сегодня видѣлъ вѣщій сонъ. Я видѣлъ, какъ изъ умывальника стала бить сама собою вода, затѣмъ вода превратилась въ облако и вдругъ оттуда раздался голосъ: „Мардыкинъ остановись!“ Я былъ настолько испуганъ, что тотчасъ упалъ съ постели и принялъ рѣшеніе...

Рындинъ. Остепениться, раскаяться, сжечь пудъ лампаднаго масла и такъ далѣе...

Мардыкинъ *(показывая на шкафъ)*. Знаете ли вы, что здѣсь не менѣе ста двадцати грѣховъ, большихъ, среднихъ и малыхъ?

Рындинъ. Что вы еще рѣшили?

Мардыкинъ. Я бы жилъ на покой, окруженный любящими дѣтьми и многочисленными внуками. Ахъ, какъ приятно честная жизнь, этого вамъ не понять! Встанешь утромъ, благодушно попьешь кофею, похлопаешь одного карапуза по щекѣ, а другого ущипнешь за животикъ. Всѣ говорятъ только одно приятное, по угламъ лампадки подмигиваютъ и, главное, знаешь, что никто тебя не возьметъ и не увезетъ изъ твоего дома, потому что ты ни въ чемъ не виноватъ.

Рындинъ. А не говорилъ ли вамъ голосъ изъ умывальника, какъ вы намѣрены поступить со мной?

Мардыкинъ. Я бы далъ вамъ ходъ, Сергѣй Сергѣевичъ. Вы бы далеко пошли, какъ государственный человѣкъ.

Рындинъ. Такъ. У васъ чрезвычайно деликатная душевная организация, патронъ. Вы окончательно рѣшили стать, честнымъ человѣкомъ?

Мардыкинъ (*осторожно*). А кто же можетъ не хотѣть такой милой вещи?

Рындинъ. Но я то ни отъ чего не отступлюсь и ни въ чемъ не раскаюсь. Мнѣ нечего терять. Вамъ очень опасно ставить меня въ безвыходное положеніе. Мы слишкомъ связаны, высокоуважаемый трубакуръ.

Мардыкинъ (*мрачно*). Чего же вы хотите отъ меня?

Рындинъ. Что? (*Пауза*). Хорошія папиросы. Ага—„Зюмъ“. Я люблю такъ—отгрызть кусочекъ мундштука, покатать, заложить подъ ноготь, хорошо. Кстати, вы знаете, что мы истратили на взрывъ котла, на беспорядки, на маклеровъ, на статьи и прочее около тридцати тысячъ.

Мардыкинъ (*подскакивая*). Сколько?

Рындинъ. Одни беспорядки на заводѣ стоили намъ двѣнадцать тысячъ.

Мардыкинъ. Быть этого не можетъ!

Рындинъ. Третьяго дня вы находили эту цифру вполне естественной. Хотя, конечно, если человѣкъ рѣшилъ вернуться на путь добродѣтели,—тридцать тысячъ—пустяки.

Мардыкинъ. Рындинъ, я столь великій грѣшникъ! Ахъ,

еще одинъ грѣхъ не прибавитъ мнѣ въ сущности ничего. Но зато онъ будетъ послѣднимъ, вы слышите? Попробуйте возразить! Вы не смѣете улыбаться. Я требую къ себѣ уваженія, наконецъ! Идите и посылайте телеграммы и чтобы больше я ничего я не зналъ.

Рындинъ (*роется въ портфель*). Сейчасъ должна заѣхать Антонина Павловна. Вы общайте ей все, что угодно, но, помните, беспорядки на заводѣ должны продолжаться еще не менѣе недѣли. Эти проклятыя акціи нужно тащить внизъ обѣими руками. Онѣ въ одинъ день могутъ вскочить Богъ знаетъ насколько. (*Пауза*). Послушайте, гдѣ списокъ агенто́въ?

Мардыкинъ. Какой списокъ?

Рындинъ. Списокъ нашихъ агенто́въ. Я передалъ вамъ его третьяго дня.

Мардыкинъ. Списокъ? Я тогда же положилъ списокъ на столъ.

Рындинъ. Чортъ! Но вѣдь онъ написанъ вашей и моей рукой! Что угодно, только не это! Вы понимаете?

Мардыкинъ. Списокъ пропалъ... Газетный доносъ... Мой сонъ... Три предупрежденія... нѣтъ, нѣтъ!

Рындинъ (*звонитъ*). Я сегодня обыскалъ весь столъ. Если списокъ украденъ, намъ грозитъ далекое путешествіе.

Мардыкинъ. Путешествіе... Я запрещаю употреблять при мнѣ это слово. (*УКалобно*). Вѣдь я же добрый. Не я виноватъ, слабость моя виновата. Помогите мнѣ, Господи, принеси, Господи!

(*Входитъ Хамовъ*).

Хамовъ. Антонина Павловна пришли. Допустить?

Рындинъ. Гдѣ барышня и Николай Ивановичъ?

Хамовъ. Въ рѣкѣ плаваютъ.

Рындинъ. Отъ тебя, мерзавецъ, виномъ пахнетъ.

Хамовъ. Никакъ нѣтъ. Это природный духъ.

Мардыкинъ. Хамовъ, Хамовъ, не пей! Рано тебѣ еще радоваться. И ты рискнешь на своего благодѣтеля?

Хамовъ. Никакъ нѣтъ, не рискну.

Рындинъ. Прости купчиху. Да будь здѣсь все время за дверью. *(Мардыкину)*. Примите приличный видъ.

(Хамовъ уходитъ).

Мардыкинъ. Сейчасъ приму.

Рындинъ. Ничего пока не случилось. Если списокъ пропаль — я его найду. Расправьте бакенбарды, вы похожи на бабу.

Мардыкинъ. Сейчасъ расправлю. Не кричите громко на меня.

(Рындингъ уходитъ, Мардыкинъ принимаетъ начальнической видъ, Входитъ Антонина).

Антонина. Васъ тутъ не сразу и добьешься. Драгомана поставили, рычить, какъ левъ на меня.

Мардыкинъ. Чѣмъ могу служить?

Антонина. Да вѣдь это я, Александръ Алексѣвичъ. Что и-то вы, родной, какъ статуи стоите? Или болить чего? Отецъ, ушей-то поблизости нѣту? Благодарить прѣхала, сахаръ.

Мардыкинъ. Я вамъ не сахаръ.

Антонина. Вотъ тебѣ на! А я-то по всему городу развоняла, что вы на мнѣ жениться хотите. Дяденька Шестоховъ всѣ медали надѣлъ, вчера прѣзжалъ поздравлять меня официально.

Мардыкинъ. Не понимаю вашего слишколь игриваго тона.

Антонина. Такой характеръ. Реву, реву, высморкаюсь, и опять смѣшно. Охъ, и горя я натерпѣлась! Вѣдь я васъ, такъ по-женски говорю, каждую ночь во снѣ вижу. И въ пристойномъ видѣ и въ непристойномъ. Вы не смотрите, что я купчиха. Графу на мнѣ и тому не стыдно жениться. Организация у меня тонкая. Докторъ сказалъ: вы, говорить, Антонина Павловна, истеричка.

Мардыкинъ. Сударыня!

Антонина. Ахъ, женская доля! Я вѣдь такъ больше по

пустыкамъ забѣжала, отъ пылаго сердца, съ горячей радости. Фабричные-то мои всѣ до одного на работу стали. Заводъ и задымилъ нынче съ утра и зашумѣлъ. Душа радуется. А сейчасъ телеграммку принесли... Акци-то мои на полтора цѣлковыхъ въ одинъ день поднялись И то сказать — дѣло старое, вѣрное. Диву я далась, какъ дымъ сегодня изъ окошка увидала. Ну, и спасибо вамъ, Александръ Алексѣвичъ, въ землю. Милый, сахарный... Да что это, отецъ, ротъ какъ безобразно развѣваетъ?

Мардыкинъ *(отъ волненія развѣваетъ ротъ, едва произноситъ)*. Н... я... я... я...

Антонина. Рыбу ѣль? Кость что ли завязла? *(Колотитъ его по спинѣ)*.

Мардыкинъ. Да, выскочила. Ухъ!

(Входитъ Рындингъ).

Рындинъ. Извиняюсь. *(Мардыкину)*. Списка нигдѣ нѣтъ.

Мардыкинъ. Господинъ Рындинъ, работы на заводѣ начались.

Рындинъ. Ого!

Антонина. Съ утра всѣ стали. И то сказать, вчера не вытерпѣла я, думаю, ну, что народъ: все семейный, голодный, пьющіе всѣ, пьяненькіе. Отдала распоряженіе прибавить и поденнымъ и сдѣлочнымъ.

Рындинъ. Вы сами такъ догадались?

Антонина. Боже сохрани! Своей выгоды ничемъ не пойму. У насъ всѣ въ роду жадные и глупые. А вчера зашли ко мнѣ Вѣрочка и Николай Ивановичъ чай пить. Часа два уговаривали прибавку сдѣлать. Слава Тебѣ, Господи, уговорили.

Рындинъ. Такъ.

Мардыкинъ. Это рука Провидѣнія.

Антонина. Вотъ бы васъ, Сергѣй Сергѣевичъ, послучалась, сидѣла бы теперь, какъ кошка въ мусорѣ. А вечеромъ вчера въ заводскую свободу приходилъ, говорятъ, мужчина какой-то, созвалъ сходку и на ней постановилъ работать.

Рындинъ. Вотъ какъ.

(Хамовъ вноситъ самоваръ).

Мардыкинъ *(внезапно Антонинъ)*. Сколько вамъ лѣтъ? Антонина. За двадцать. Прямо говорю, за двадцать, Александръ Алексѣевичъ, никакъ не меньше. Ахъ, мужчинамъ бы только года считать. А бываютъ молодя, да рыхля! *(Идетъ къ двери).*

Мардыкинъ. Куда? Чаю!

Антонина. Вернись, сударь, черезъ минуту прилечу!

Мардыкинъ. Садитесь. Чего тамъ!

Антонина. Мало-ли какіе у женщинъ секреты! Вернись, вернись, люблю чайку попить съ хорошимъ разговоромъ. *(Уходитъ).*

Мардыкинъ. О, Господи, соломинку протянулъ въ такую часъ! *(Рындину, строю)*. Это святая женщина. Она меня спасетъ...

Рындинъ *(кусая ногти)*. Чортъ васъ не спасетъ теперь. Дай Богъ вернуть свои деньги. Хорошъ племянничекъ. Пѣнокосниматель.

Мардыкинъ. Николай въ общемъ поступилъ, какъ честный человѣкъ.

(Изъ сада показываются Вѣра и Николай).

Рындинъ. Идите-ка... *(Увлекаетъ Мардыкина въ глубину за тѣнино)*. Я вамъ сейчасъ покажу, какой онъ честный человѣкъ.

Мардыкинъ. Рындинъ, Рындинъ, мы подлецы!

Рындинъ. Тише.

(Вѣра и Николай подходятъ къ столу).

Николай. Самоваръ! Чудесно!

Вѣра. Мы не будемъ ждать Антонину Павловну. Она поѣхала переодѣваться. Когда она влюблена, то переодѣвается по десяти разъ на дню. У нея романъ съ папой, я увѣрена. *(Наливаетъ чай)*. Я вамъ положу четыре куска. Хорошъ? *(Звонитъ)*.

Николай. Крѣпче самого крѣпкаго.

Вѣра. Мнѣ нравится васъ кормить, Николай. Возьмите вотъ этихъ булочекъ, онѣ еще горячія. Никто не идетъ, подумайте! Вы ѣдите, какъ людоѣдъ. Намажьте меду на масло, такъ всегда ѣдятъ въ Швейцаріи.

(Въ лѣвой двери истинной показывается было Хамовъ, но Рындинъ грозитъ ему, приказывая остаться за дверью).

Николай. Любопытно бы мнѣ взглянуть на дядюшку. Воображаю въ какомъ порядкѣ его бакенбарды.

(Мардыкинъ поднимаетъ голову).

Рындинъ. Тише!

Вѣра. Нехорошо такъ говорить, ѣшьте!

Николай. Эти булочки напоминаютъ мнѣ дѣтство и васъ, Вѣра. Вкусно?

Николай. Еще бы не вкусно! Вы знаете, чтобы хорошо грести, нужно тренироваться каждый день. Я привыкъ работать на узкихъ гоночныхъ лодкахъ, съ длинными веслами. А этими культияками набилъ себѣ мозоли.

Вѣра. У васъ большая и красивая рука.

Николай. Ну, вотъ еще.

Вѣра. Хотите малины и сливокъ?

Николай. Давайте сюда малину со сливками. Знаете, отчего они не идутъ? Дядюшка нашелъ записку. На этотъ разъ нечистая сила засунула ее подъ прессъ-папье.

(Вѣра смеется).

Мардыкинъ *(быстро)*. Вы слышали?

Рындинъ. Тише.

Вѣра. Папа очень суевѣрный, особенно за послѣднее время. Онъ ни въ комъ не увѣренъ и всего боится. Все-таки, жаль его, правда?

Николай. Мнѣ, какъ представителю адской силы, жалѣть не полагается. У насъ въ аду за это отпиливаютъ рога и хвостъ.

(Вѣра смеется).

Мардыкинъ. Уйдемте, Сергѣй Сергѣевичъ.

Рындинъ. Тише!

Вѣра. Николай, вы добрый и милый.

Николай. Если будете хвалить и въ особенности такъ смотрѣть на меня, ничего у насъ хорошаго не выйдетъ.

Вѣра (*млядя на него*). Волосы на свѣту чуть золотятся, рыженькіе.

Николай. Я позабылъ рассказать. Вчера на сходкѣ меня хотѣли сначала бить. Подошелъ слесарь, черный какъ цыганъ, и принялся меня трясти. „Бей, говорить, его, онъ посланный“. Тогда я снялъ пиджакъ и по всѣмъ правиламъ тремя ударами повалилъ его на траву. Послѣ этого продолжать говорить съ большой убѣдительностью.

Вѣра. Я очень струсил, когда вы пошли въ слободку. И все Рындинъ. Какъ бы мы жили безъ него хорошо! Онъ вошелъ въ домъ, точно злая сила.

Николай. Прохвость и негодяй высшей марки.

Мардыкинъ. Ого!

Рындинъ. Тише, тише!

Николай. Списокъ маклеровъ написанъ дядиной и его рукой. Замѣчательный документъ! Эхъ, будь это недѣлю назадъ, закатилъ-бы я статью! Полетѣли-бы они кувиркомъ.

Вѣра. Николай!

Николай. Ну что, Николай! Стараюсь. А самого главнаго нѣтъ—письма Рындина, записки какой-нибудь, писаной имъ однимъ. Ловкая шельма! Я перешарилъ всѣ ящики въ столъ,—ни одной его строчки. А дядюшкиныхъ сколько угодно. Вѣрочка, вашъ отецъ—простофиля.

Мардыкинъ. Гмъ. (*Роняетъ стулъ*).

Рындинъ. Скорѣе, скорѣе же...

(*Онъ увлекаетъ Мардыкина въ дверь нальво. Николай встаетъ и выходитъ въ истинную*).

Николай. Кто тамъ? Странно, я слышалъ шопотъ и шаги.

Вѣра. Быть можетъ, кошка.

Николай (*поднимая пожитки съ полу и бумагу*). А это что?

Вѣра. Это былъ папа. Онъ приходилъ вырѣзать чертей. Николай, онъ все слышалъ.

Николай. Скверно. Хотя, если слышалъ, тѣмъ лучше. А зачѣмъ ему понадобилось вырѣзывать чертей?

Вѣра. Вотъ, читайте, что на шкафу написано.

Николай. Дѣла.

Вѣра. Дѣла? (*Раскрываетъ шкафъ*). Ну что, дѣла?

Николай. Фигурки.

Вѣра. Фигурки изъ бумаги. Нельзя трогать руками.

Николай. Черти и есть. Съ хвостами и рогами.

Вѣра. Это папины грѣхи. Я вамъ рассказывала. Поменьше—маленькіе грѣхи. Побольше—большіе. А вотъ, какой огромный!

Николай. На немъ что-то написано. (*Читаетъ*). „Сей грѣхъ мой величайшій. Господи, ты не далъ ему вкусить счастья отъ этой жизни, дай-же вкусить за гробомъ твою благодать. Петру Мартыновичу Бабеньшеву, многострадальцу“.

Вѣра. Я боюсь Петра Мартыновича. Онъ ходитъ къ намъ почти каждый день, только чтобы посмотрѣть на папу. Онъ еще недавно былъ очень богатый купецъ въ городѣ. И вдругъ разорился. По-моему онъ помѣшанный. Папа весь трясется, когда его видитъ.

Николай. Что же дядюшка дѣлаетъ съ фигурками?

Вѣра. По вечерамъ читаетъ житіе святыхъ, молится, стонетъ и дергаетъ себя за бакенбарды. Иногда у него слезы льются ручьемъ. Потомъ онъ открываетъ шкафъ, выбираетъ маленькую фигурку, рветъ ее на части и бросаетъ въ корзину. Одно время у него висѣлъ вотъ такой. Папа пошелъ на богомолье, послѣ этого великанъ исчезъ.

Николай (*задумчиво*). Повторите-ка еще „великанъ“.

Вѣра. Великанъ.

Николай. Скажите: „прятно“.

Вѣра. Прятно. (*Съ удивленіемъ*). Что такое?

Николай *(не громко)*. Удивительно! Сверхъестественно! Невѣроятно!

Вѣра. Что это такъ вдругъ? Что съ вами?

Николай. Нѣкоторыя слова вы говорите совсѣмъ особенно. Вѣрочка, вы прелести! Мы съ вами катались на лодкѣ, играли въ теннисъ, шлялись по саду при лунѣ. Утромъ сегодня я бросилъ вамъ въ окошко букетъ. Вы что-нибудь чувствуете?

Вѣра *(смутясь)*. Не знаю.

Николай. Ну, а мнѣ эти старыя приемы не помогаютъ. *(Они возвращаются къ чайному столу)*. Вчера я всю ночь читалъ Шекспира, сегодня, до вашего вставанія, Фета, Пушкина и Лермонтова. Вѣрочка, я пришелъ къ ужасному заключенію. Литература—чепуха! Въ ней нѣтъ ни одного вѣрного рецепта.

Вѣра. Какого рецепта?

Николай. Какъ полюбить.

Вѣра *(тихо)*. Вы плохо читали, Николай!

Николай. Они всѣ уже начинаютъ съ любви. Это очень просто. Ну, полюбилъ, а ужъ тамъ, конечно, все идетъ какъ по маслу. А вотъ, какъ полюбить? Вы и я—одинъ, плюсъ одинъ, равно двумъ. Сколько бы мы ни читали стиховъ, ни катались на лодкѣ, ни швыряли букетовъ въ окошки,—все равно, мы—равны двумъ. А должно такъ случиться, что кромѣ насъ двухъ существуетъ еще что-то третье, непонятное, неизмѣримое, какая то совершенная чепуха!

Вѣра. Я не понимаю.

Николай. А вотъ: вы, напримѣръ, говорите слово „приятно“ или „великанъ“, и у меня начинаетъ кружиться голова. А стихи и букеты не помогаютъ.

Вѣра. Николай, это правда?

Николай. Я сейчасъ на голову встану!

Вѣра. Какія глупости говорить, уши вянуть.

Николай. И еще, когда вы меня булочками кормите, въ этомъ тоже что-то ирраціональное.

Вѣра. Нѣтъ, такъ не хорошо смѣяться. *(Встаетъ и отходитъ къ окну)*.

Николай. Вѣра. Вѣрочка?

Вѣра *(вынимаетъ платокъ)*. Я ни капельки даже не плачу.

(Появляется Антонина, разодѣтая и въ перьяхъ).

Антонина. Ну, вотъ и я, пришла чай пить. А соколъ-то нашъ гдѣ? Цыпленокъ, глаза-то въ водѣ плаваютъ.

Вѣра. Я перекупалась. Голова разболѣлась. Хотите чаю?

Антонина. Перекупалась? *(Николаю)*. И вы тоже сударь перекупались? Охъ, повести бы мнѣ Мардыкина... искупать его тѣмъ же манеромъ. *(Вздыхаетъ)*. Охъ, и лютая это вещь любовь, дѣти!

(Появляется Мардыкинъ мрачнѣе тучи, Николай и Вѣра едва удерживаются отъ смѣха).

Николай. Что такое любовь, мы не понимаемъ, Антонина Павловна.

Антонина. Да ее и понимать ничего. Она сама себя понимаетъ.

Вѣра. Папа идетъ, а самоваръ остылъ.

Мардыкинъ *(подойдя къ столу, мрачно)*. Малину ѣли? Чай пили? Нечему улыбаться! Ничего смѣшного не нахожу! *(Молчаніе)*. Николай, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Николай. Пожалуйста.

Мардыкинъ. Я и безъ пожалуйста поговорю.

Вѣра *(Антонинѣ)*. Пойдемте въ садъ.

Антонина. Какъ воронъ сердитый самъ-то.

Вѣра. Николай!

Николай. Что?

(Она дѣлаетъ ему знакъ въ дверяхъ и уходитъ съ Антониной въ садъ. Мардыкинъ и Николай ходятъ по гостиной).

Мардыкинъ. Писатель...

Николай. Дядюшка...

Мардыкинъ. Молчать! Вообще ты понимаешь, съ кѣмъ говоришь?

Николай. Дядюшка..

Мардыкинъ. Тебѣ говорю, молчать! Запрещу! Пресѣку! Я тебя приостановлю!

Николай. Дядюшка!..

Мардыкинъ. Ты опасный элементъ! Ты—соціаль демократъ! Бунтовщикъ, анархистъ! Ты возбуждаешь одну часть населенія противъ другой! Ты грязный журналистъ! Вообще, ты чортъ знаетъ что! Врываешься въ домъ, похищаешь документы. Ты водишься съ нечистой силой... Ты—франкъ-массонъ! Въ каторгу, въ Сибирь! *(Стоитъ противъ него, трясетъ бакенбардами).*

Николай. Дядюшка, говорите безъ обиняковъ, что вамъ отъ меня нужно?

Мардыкинъ. Списокъ. И затѣмъ я принужденъ подвергнуть тебя домашнему аресту.

Николай. Чепуха! Списка не дамъ, подь арестъ не сяду.

Мардыкинъ. Что? Какъ?

Николай. Ваше дѣло проиграно, дядюшка. Вы скажите спасибо, что я еще не отослалъ въ газету статью насчетъ мошеннической операціи съ Коробовскимъ товариществомъ. Поняли? *(Пауза).*

Мардыкинъ. Сколько отступного?

Николай. Нисколько!

Мардыкинъ. Воспоминанія дѣтства, родственныя связи... Не признаешь?

Николай. Дядюшка, давайте на чистоту. Вы попросту попались. Всѣ ваши махинаціи лопнули, какъ пузырь. Но я хочу вѣрить, и вѣрю, что вы по натурѣ честный человѣкъ.

Мардыкинъ. Гмъ!..

(Они доходятъ до тѣлой двери, за которой спрятаны Рындинъ и Хамовъ, и останавливаются).

Николай. Вы честный, порядочный и добрый человѣкъ. Мардыкинъ. Да, ты правъ, отчасти.

Николай. Васъ погубили три вещи, три причины. Но ихъ никогда не поздно устроить.

Мардыкинъ *(мрачно)*. Какая третья причина?

Николай. Феноменальный мошенникъ Рындинъ, вашъ врагъ.

Рындинъ *(появляется за стилой Николая)*. Повторите, что вы сказали?

Николай. Я сказалъ: негодяй!

Рындинъ. Руки прочь!

Мардыкинъ. Убійство! Перестать!

(Николай схватываетъ Рындина за руку, появляется Хамовъ, обхватываетъ Николая и всѣ трое—Рындинъ, Хамовъ и Николай—исчезаютъ за дверью).

Мардыкинъ *(стоитъ передъ дверью, въ ужасѣ топаетъ ногами)*. Перестать!.. Арестовать!.. Запрещать!.. Подь судъ!.. *(Дверь только разъ пріоткрывается и опять закрывается)*. Рындинъ!.. Сергѣй Сергѣевичъ!.. Николай!.. Коля!.. Я запрещаю!.. *(Дверь пріоткрывается)*. Николай!.. Николай Ивановичъ!.. *(Входитъ Рындинъ)*. Рындинъ!

Рындинъ. Вотъ списокъ! Нельзя терять ни минуты! Сегодня ѣду въ Екатеринославъ съ курьерскимъ. Съ дороги телеграфирую въ Одессу, Харьковъ и Кіевъ.

Мардыкинъ. Что вы сдѣлали съ нимъ?

Рындинъ. Связали. Во что бы то ни стало, добейтесь отъ купчихи, чтобы она отказала въ прибавкѣ рабочимъ. *(Тащитъ его за рукавъ)*.

Мардыкинъ. Куда вы меня тащите?

Рындинъ. Идите же, чортъ возьми, за мной!..

(Входитъ Хамовъ).

Хамовъ. Убѣгъ...

Рындинъ. Что?

Мардыкинъ. Кто?

Хамовъ. Да молодой баринъ. Племянникъ. Связалъ я его, прислонилъ къ окошку. Самъ глазъ не свожу. Ей-Богу, ваше превосходительство. Вдругъ, онъ какъ рванетъ веревки и

въ окошко. Я за нимъ, да развѣ догонишь. Ему нечистый помогаетъ.

Рындины. Ахъ! Пьяная рожа! *(Поднимаетъ кулаки).*

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Тамъ же. Вечеръ. Зажжены лампы.
Хамовъ убираетъ со стола. Леонцій стоитъ у двери.

Хамовъ. Сергѣй Сергѣевичъ какъ развернется, да какъ треснетъ меня въ переносицу. Господи, думаю, за что? Кабы я Николая Ивановича самъ въ окошко толкалъ. И пьянъ-то я не былъ, развѣ малость. Сама барышня поднесла. Во всю жизнь рукой никто меня не тронулъ.

Леонцій. Что ты?

Хамовъ. Вотъ только во флотѣ у насъ вахтеръ Сусовъ былъ. Тотъ шибко дрался. Разъ мы тропикъ переплывали — онъ меня по зубамъ щелканулъ. Да еще въ Индіи, помню, въ Калькуттѣ, ихніе жители меня побили. Ну, они народъ тощій, живутъ не ѣвши. А вотъ, Леонцій, Японія — вотъ такъ страна! Жители махонькіе, а какъ дерутся! Одинъ меня по затылку чайной шкатулкой угодилъ. О, Господи! Въ Африкѣ тоже я бывалъ. Тамъ духота. Тамъ люди нагишомъ бѣгаютъ.

Леонцій. Да, будетъ тебѣ!

Хамовъ. Одна женщина ихняя ножикомъ меня запорала. Едва на шлюпку сволокли.

Леонцій. Чѣмъ все это у насъ кончится, не знаю. Быть бѣдѣ въ нашемъ домѣ.

Хамовъ. Уйду я отсюда! Развѣ это баринъ? Никакой власти, только бакенбардами и трясетъ. А слугъ его лупятъ по чему ни попало.

Леонтій. Да, власти нѣтъ!

Хамовъ. Слышь, Сергѣй Сергѣевич его все на ты, да на ты. Хоть Николай Ивановичъ, говоритъ, тебѣ и племянникъ, я его собаками поймаю. И ты, говоритъ, у меня и въ гробу повернешься, коли я захочу. Измордовали нашего барина. А какъ теперь Николая Ивановича ловить, чай онъ не заецъ.

Леонтій. А за что ловить?

Хамовъ. Ну, [этой причины мы съ тобой не понимаемъ.

(Входитъ Мардыкинъ).

Мардыкинъ. Хамовъ, турецкой желудочной

Хамовъ. Есть. *(Уходитъ).*

Мардыкинъ *(Леонтію)*. Въ участкѣ былъ?

Леонтій. Былъ.

Мардыкинъ. Ну, что, поймали?

Леонтій. Поймать-то поймали, только не Николая Ивановича. Самъ помощникъ пристава повелъ меня глядѣть. Смотрю, какой-то черномазенькій. Не онъ, говорю, ошибка этотъ черноватый. А онъ-то шумить: „Я, говоритъ, зубной врачъ, на вокзалъ ѣхалъ съ чемоданомъ! Какое, говорить, имѣете нравственное право хватать меня неприкосновенно!“ А тутъ еще троихъ привели. Одинъ, дѣйствительно, жуликъ, а другіе двое тоже говорятъ—мы зубные врачи! Приставъ очень огорчился. Вы, говорить, мнѣ такъ, вмѣсто господина Шилова, всѣхъ зубныхъ врачей въ городѣ переловите.

Мардыкинъ. Странно, очень странно! Не спраста... Поди, отыщи барышню.

Леонтій. Да гдѣ я ее найду?

Мардыкинъ *(чуть не со слезами)*. Поди, приведи ко мнѣ дочь!

(Входитъ Рындинъ въ дорожномъ костюмѣ).

Рындинъ. Да, да, попроси Вѣру Александровну немедленно. Шилова не нашли?

Леонтій. Нѣтъ, не нашли! *(Уходитъ).*

Рындинъ. Бду, патронъ. Мы все-таки побѣдимъ. Эхъ если бы не ваша, извиняюсь, глупость,—нажили бы миллионъ! Хорошая цифра! Знаете сколько процентовъ приносить миллионъ?

Мардыкинъ *(тихо)*. Ну васъ къ чорту!

Рындинъ. Разумѣется, условіе вы помните—половина денегъ моя! *(У зеркала)*. Недурень костюмчикъ? Специально для прельщенія дѣвичьихъ сердешекъ. Да вы что-то нось повѣсили... Эхъ, дядюшка, поживемъ еще всласть!

Мардыкинъ *(кричитъ)*. Хамовъ! За смертью тебя что ли послали?.. *(Входитъ Хамовъ съ бутылкой)*. Прикладывался?

Хамовъ. Нѣ рискнулъ! *(Уходитъ).*

(Мардыкинъ вытываетъ).

Рындинъ. Фу, фу, фу! Прибѣгаете къ послѣднему средству! Трусить! Боятся Шилова! Шилость—шенокъ, я его раздавлю!

Мардыкинъ. Пока давить соберетесь, онъ напишетъ. Онъ настроитъ строкъ шестьсотъ. Слишкомъ на себя надѣтесь! Черезчуръ высоко прыгаете!

Рындинъ. Вѣрно. А привычки нѣтъ къ большой высотѣ. Я житель долины, какъ говорится. Сынъ пензенской мѣщанки и притомъ незаконнорожденный. Но мнѣ нравится это головокруженіе. Знаете, какъ кошка печенку ѣстъ—сладко и тошно.

Мардыкинъ. Я по натурѣ честный челоѣкъ. Я вамъ говорилъ: оставьте Антонину Павловну въ покоѣ! Ничего хорошаго съ этой аферой не выйдетъ. Предпочитаю быть нищимъ, но честнымъ. Не хочу погибать! Чортъ! Вы мнѣ петлю надѣли! Мы сорвемся на этихъ акціяхъ. Я васъ не пушу!

Рындинъ *(свиститъ)*. Мнѣ пришла въ голову любопытная философическая задача. *(Мардыкинъ съ ужасомъ смотритъ на него и вытываетъ)*. Если міръ мнѣ не представляется бла-

годушнымъ твореніемъ Божиимъ, а раствориться въ природѣ я не умѣю и не подверженъ, то я хочу понимать міръ имманентно.

Мардыкинъ. Опоздаете на поѣздъ.

Рындинъ. Міръ это—я. Предметы не существуютъ сами по себѣ, а лишь въ моемъ воображеніи, и только. Васъ, напримѣръ, нѣтъ.

Мардыкинъ. Этого я ужъ не позволю. Это неблагонадежно... Вы просто мой секретарь, въ концѣ-концовъ...

Рындинъ. Какъ бы вы сейчасъ ни протестовали, вы лишь мое воображеніе. Нѣкоторый родъ кошмара. Стало-быть, я воленъ вами распоряжаться, какъ хочу.

Мардыкинъ. Эхъ, жизнь проклятая! *(Выпиваетъ)*.

Рындинъ. Распоряжаться могу вами безопасно: мое воображеніе создало, напримѣръ, нѣсколько весьма пикантныхъ векселей и прочихъ неудобопоказуемыхъ документовъ. И всѣ эти пріятныя вещи находятся, какъ вамъ извѣстно, здѣсь *(показываетъ)* въ красномъ бумажникѣ. Если я пожелаю дунуть на васъ, вы исчезнете.

Мардыкинъ *(совсѣмъ упавъ духомъ)*. Сергѣй Сергѣевичъ, перестаньте грозить. Давеча вы назвали меня старой короной. Теперь краснымъ бумажникомъ машете. Что вамъ еще отъ меня нужно?

Рындинъ. Мнѣ нужна Вѣра Александровна, поняли?

Мардыкинъ. Понялъ.

Рындинъ. Я требую очень поторопиться со свадьбой. Уламывать ее будете вы. Я не люблю женскихъ слезъ и прочее. Поняли?

(Входитъ Вѣра).

Вѣра *(рѣшительно)*. Я пришла!

Мардыкинъ. Подойди ко мнѣ, дитя мое!

Вѣра. Леонтія только что рассказалъ мнѣ очень странныя вещи. Николая приказано арестовать. Что это значить?

Рындинъ. Это значить, что господинъ Шиловъ совершилъ преступленіе.

Вѣра. Вы лжете! Я съ вами и говорить не хочу.

Мардыкинъ. Не горячись! Во-первыхъ, Николай давно-давно удралъ изъ города. Охъ, я бы его высѣкъ, мальчишку! Садись! Я долженъ сообщить тебѣ вѣсть. Вѣсть, какъ это говорится...

Рындинъ. Чреватую и богатую послѣдствіями.

Мардыкинъ. Ну, чреватую вѣсть. Сергѣй Сергѣевичъ дѣлаеть тебѣ предложеніе.

Вѣра. Что такое?

Рындинъ. Дѣлаю предложеніе руки, ума и сердца. Последнее пока въ скобкахъ.

Вѣра. Ни за что!

Рындинъ *(Мардыкину)*. Ну!

Мардыкинъ. Эхъ, стерпитесь, слубитесь! Самъ женился по принужденію обстоятельствъ.

Рындинъ. Принужденіе? Боже сохрани! Надѣюсь, Вѣрой Александровной будетъ руководить присущій ей разумъ. Любовь мы оставимъ гимназистамъ. Будемъ современны. Бракъ по разуму,—это аристократично!

Вѣра. Что такое? Аристократично? Это вы-то? *(Обидно и зло засмѣялась)*.

Мардыкинъ. Вѣра, постарайся не горячиться, мы говоримъ о дѣлѣ. Сергѣй Сергѣевичъ слишкомъ добръ...

Рындинъ. Оставьте! Я не добръ. *(Вѣра)*. Вотъ вамъ и начало. Отлично! Прямо съ психологическаго разбора. Первый опытъ любовнаго объясненія на почвѣ экспериментальной психологии. Острая штука! Дальше. Будемъ дальше!

Вѣра *(Рындину)*. Я даже на васъ обижаться не хочу. Вы просто—обезьяна. Дрянной мужчина.

Мардыкинъ. Постой, постой! Какой тебѣ еще мужчина. Премилый мужчина! Ты ничего не понимаешь...

Рындинъ. Дѣло въ томъ, дорогая невѣста, что я не расточитель, и отъ своего не отступлюсь. Если бы я имѣлъ предметъ наживы, или дѣло бы шло о такъ называемой любви, можетъ быть, я и пронзился бы вашей слезой. Но, разобраться поглубже, такъ я васъ даже и ненавижу отчасти.

Здѣсь нѣкоторое мѣшанское узвѣненіе. Чрезвычайно ѣдкое и роковое самолюбіе. Это жестокая вещь и болѣе настойчивая, чѣмъ всѣ расчеты. Да-съ! Съ этимъ вамъ придется считаться. Или дядюшку Мардыкина погубить, или уйдете, исполнить мои мечты. Да не только на него, я и на васъ найду крючокъ, Вѣра Александровна. Давайте-ка лучше любовно покончимъ.

Вѣра (*тревожно*). Отецъ, что это значить? Онъ не смѣлъ раньше такъ кривляться предо мной!

Мардыкинъ (*съ надсадой*). Да любить онъ! Я даль ему согласіе на бракъ, вотъ и все!

Вѣра (*болѣзненно вскрикиваетъ*). Что ты! Папа!

Мардыкинъ. Не кричи, не пищи! Я такъ рѣшилъ, я этого хочу!

Рындинъ (*Въри*). Вамъ приходится выбирать между полнымъ несчастьемъ и несчастьемъ относительнымъ. Мнѣ же важень фактъ—два колечка. Завтра привезу вамъ два золотыхъ колечка въ голубомъ бархатномъ футлярчикѣ. Два символа вѣчности—вамъ и мнѣ. (*Зоветъ*). Хамовъ! (*Входитъ Хамовъ*). Извозчика привелъ?

Хамовъ. Дождается.

Рындинъ. Неси чемоданъ. (*Хамовъ уходитъ*). Къ сожалѣнію, не имѣю больше ни секунды продолжать нашу милую бесѣду. Вѣра Александровна, пожалуйста ручку!

Вѣра. Оставьте!

Рындинъ. Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста.

Вѣра. Больно.

Мардыкинъ. Оставьте ее! Уходите!

Рындинъ. И такъ, до завтра. Прилечу, весь трепеща, на крыльяхъ любви, хе-хе! И съ набитымъ карманомъ. (*Уходитъ*).

Мардыкинъ. О, Господи, Господи! Какой у насъ шумъ! Сама видишь, что это за человѣкъ. Онъ—чортъ. Онъ все можетъ. У него рыжая шерсть на спинѣ растеть. А въ карманѣ красный бумажникъ. Поняла? Хочешь поль-рюмочки желудочной налью, для храбрости? Ее турецкіе янычары на

стрючкахъ настаиваютъ и пьютъ для озвѣренія. Ну, что ты носъ повѣсила?

Вѣра. Что ты со мной дѣлаешь, отецъ.

Мардыкинъ. Дочка, ты меня пожалѣй. Тебя всякій пожалѣетъ. Ну, дай приласкаю тебя, давно я тебя не ласкалъ.

Вѣра. Не трогай меня!

Мардыкинъ. Да ты что, Николая что ли полюбила? Онъ шалопай. Онъ надъ тобой смѣется. Онъ каторжный типъ. А давеча я все слышалъ. Ахъ, ты глупая моя дочь!

Вѣра. Мы съ нимъ друзья, понимаешь, друзья! Ты мнѣ не отецъ, не отецъ!

Мардыкинъ. Ну, я виноватъ передъ тобой, знаю. Я старый дуракъ. Попался, какъ чортъ знаетъ кто. Какъ мальчишка влопался. Дочка Вѣра Александровна! Прости меня! Тяжко тебѣ, знаю. Но вѣдь я-то старый! Куда мнѣ съ подагрой въ кандалахъ итти? А онъ меня доканаеть. У него чортово самолюбіе. Слушай, сядь-ка сюда. Ты выдь за него замужь.

Вѣра. Ты совсѣмъ пьянь.

Мардыкинъ. Выйдешь, а потомъ бросишь. Въ Тиролю уѣзжай жить. Я туда къ тебѣ прїѣду. Шапочки съ перышкомъ надѣнемъ. Воздухъ чи-истый! Ты зубы стисни, Вѣра, вотъ такъ, спаси меня. А?

Вѣра. Ты гадкій, старый человѣкъ! (*Заплакала, ушла къ себѣ въ комнату, направо*).

Мардыкинъ. Вѣра!.. Дочь!.. (*Торкается въ ея дверь*). Отвори! Ты у меня отъ руки отбилась! (*Слушаетъ*). Плачетъ... Ну, поплачетъ, значить, согласится. (*Возвращается обратно*). Хамовъ! (*Появляется Хамовъ*).

Хамовъ. Что угодно?

Мардыкинъ. Квасу!

Хамовъ. Съ хрѣномъ?

Мардыкинъ. Съ хрѣномъ. (*Хамовъ уходитъ, Мардыкинъ замѣчаетъ ножницы и бумагу, подбираетъ ихъ*). Вотъ оно что! Для кого пришлось! Эхъ, Вѣра, Вѣрунюшка, дочка моя несчастненькая! (*Садится, надѣваетъ очки, начинаетъ вырывать*).

Рога... хвостъ... пузичко.. грѣхъ мой самый величайшій!
(Напѣваетъ). Велики мои грѣхи, но велико и смиренье. Аки медь, аки елей, смиреніе мое сладко и горестно.

(Появляется Николай, останавливается за его спиной, тѣнь Николая видна на стѣнѣ, Мардыкинъ, въ ужасѣ глядя на нее, отскакиваетъ ножницами).

Николай. Этого что же, аршина въ полтора будетъ?
Мардыкинъ (оборачивается, вскрикиваетъ). А!

Николай. Это я, дядюшка! Какъ видите живъ и не въ участкѣ.

Мардыкинъ. Ты зачѣмъ?

Николай. За вашей душой пришелъ.

Мардыкинъ. Чуръ меня, чуръ! (Вскрикиваетъ). Что ты говоришь?.. (Его начинаетъ бить дрожь).

Николай. Ахъ вы, старый грѣшникъ! Да какъ васъ земля терпитъ...

Мардыкинъ. Охъ... Не знаю.

Николай. Надругаться надъ такой женщиной, надуть во всѣхъ чувствахъ, знаете, что сейчасъ съ Антониной Павловной происходитъ, какая меланхолія?

Мардыкинъ. Разказалъ?

Николай. Все разказалъ. Она сказала: погоди жъ ты, онъ у меня попляшетъ!

Мардыкинъ. Попляшетъ?..

Николай. Все бы я вамъ простилъ, дядюшка, но колечки въ голубомъ футлярѣ—не прошу! Что мнѣ теперь съ вами дѣлать?

Мардыкинъ. Коля! О чемъ ты говоришь? Ты ли это? Мутится моя голова!

Николай (поворачивается къ столу, здѣ стѣнитъ колокольчикъ). Еще не такъ помутится! А вы слышали, какъ я зубными врачами прикидывался?

Мардыкинъ. Чуръ, чуръ, сгинь, пропади!..

Николай (поворачивается къ нему). Вы должны купить у Бабенышева письма.

Мардыкинъ. Какія письма?

Николай. Ваши письма. А также чрезвычайно важное письмо Рындина къ Марьѣ Шитиковой. Объ этомъ письмѣ я больше всего хлопочу.

Мардыкинъ. Что ты, что ты... Письма сгорѣли со всѣмъ ея имуществомъ. Я самъ на пожарѣ былъ... Упаси Господи!

Николай. Письма находятся у Петра Мартыновича Бабенышева.

Мардыкинъ. Не вѣрю.. Вранье..

Николай (подходитъ къ двери). Купите?

Мардыкинъ. Нѣтъ у меня никакихъ денегъ...

Николай (въ дверь). Пожалуйте!

(Входитъ Бабенышевъ).

Бабенышевъ. Здравствуйте, ваше превосходительство!

Мардыкинъ. Я васъ не звалъ.

Бабенышевъ. Бѣдныхъ никто не зоветъ. Сами ходятъ.

Мардыкинъ. Я васъ не хочу!

Бабенышевъ. А я до васъ большой охотникъ. День не увижу, будто не поѣлъ...

Мардыкинъ. Я васъ боюсь. Уходите прочь!

Бабенышевъ. А какъ въ сказкѣ-то говорится: на моей шкурѣ сидитъ, мое мясо варитъ, мою шерсть прядетъ. Старуха-то вѣдь испугалась.

Мардыкинъ (въ ужасъ). Да, что это?.. Сонъ... Бредъ..

Бабенышевъ. Отдай мои деньги!

Мардыкинъ. Растратилъ.

Бабенышевъ. Пропадешь! (Грозитъ пальцемъ). Я отъ тебя не отвяжусь. Вотъ подожди, помру—я къ тебѣ по ночамъ приходитъ буду.

Мардыкинъ (схватываетъ сломанный звонокъ, машетъ имъ). Не звонить... Не звонить... Хамовъ... Хамовъ... Леонтий!

Николай. Сядьте! Перестаньте прыгать. Слушайте, что вам говорят!

Мардыкинъ. Сонъ проклятый... Сонъ-то мой вотъ когда сбился.. Сколько вамъ нужно денегъ!

Бабенышевъ. Двѣсти тысячъ, миленькій, двѣсти!

Мардыкинъ. Двѣсти тысячъ?

Николай. Онъ проситъ свои деньги, вашихъ ему не надо.

Бабенышевъ. Кроху прошу... Отъ всѣхъ капиталовъ одну кроху. Разбойники, растащили меня, какъ псы, по клочкамъ. Ты одинъ двѣсти тысячъ укралъ. Я каждый день Богу молюсь, чтобы тебя разорвало. Богъ-то видитъ,—старичокъ хныкаетъ,—онъ тебя и прижалъ. Гляди, вотъ они, письма-то. Неси деньги!

Мардыкинъ. У меня нѣтъ и половины того.

Бабенышевъ. Прощай!

Николай. Подождите, Петръ Мартынович. Дядюшка, покупайте. Сожгите ихъ немедленно. Я же возьму только одно письмо Рындина. Завтра онъ будетъ арестованъ.

Мардыкинъ. Быть этого не можетъ!

Николай (*топаетъ ногой*). Мнѣ надоѣла вся эта канитель! Вы старый притворщикъ! Идемъ, Бабенышевъ.

Мардыкинъ (*срываетъ съ мѣста*). Коля! Петръ Мартынович! Уступите! Пожалуйте меня! Подождите до завтра. Рындинъ прїѣдетъ, денегъ привезетъ... Тяжко мнѣ! Страшно! Каюсь! Каюсь!

(*Въѣзжаетъ Антонина*).

Антонина. Наслушалась. Досыта. Пустите меня къ нему. (*Мардыкину*) Демонъ!

Мардыкинъ. Душенька...

Антонина. Я тебѣ больше не душенька! Я черезъ тебя, демона, весь свой идеализмъ потеряла.

Мардыкинъ. Я виновать...

Антонина. Рындинъ прїѣдетъ, денегъ привезетъ... Да чьи деньги-то онъ привезетъ? Мои! Да ты что бакенбарды-

то передо мной развѣсиль?! Да что въ тебѣ хорошаго то? Одиѣ пуговицы. Въ будку тебя собачью, на цѣпь!

Николай. Антонина Павловна, мы отклоняемся...

Антонина (*съ отчаяніемъ*). Отклоняюсь и отклоняюсь, и совсѣмъ отклонюсь. Гляжу на него, сердце лопається... Въ осеннемъ возрастѣ потерять весь идеализмъ.

Мардыкинъ (*съ внезапной рѣшительностью*). Антонина Павловна, я не только идеализмъ—я все потерялъ. Наказанъ и терплю по заслугамъ. И даже униженія прошу самаго горькаго. Но въ сей страшный часъ я чаю найти послѣднее пристанище у васъ, Антонина Павловна. Думалъ, пожалѣете затравленнаго человѣка, грѣшнаго старика... Клянусь, не сердцемъ я крадъ—рукой. Какъ Муцій Сцевола кладу ее на огонь... Жгите меня, терзайте, душу дайте спасти. (*На Бабенышева*) Онъ держитъ въ рукахъ послѣднюю соломинку, а я не могу за нее уцѣпиться. Господь далъ мнѣ знаки въ снахъ и потустороннихъ предупрежденіяхъ. Но я не внялъ имъ. И Господь проклялъ меня, помутилъ разумъ.

Антонина. Батюшки!

Мардыкинъ. Рындинъ отнялъ дочь и богатство. Николай гитится лишить свободы. Я нищъ, я въ ничтожествѣ, но теперь я могу произнести это опасное слово; схватите меня, свергните въ ровъ, я и оттуда буду кричать: да здравствуетъ свобода, въ смыслѣ духовномъ...

Антонина. Ну, кабы не меня онъ обвороваль,—все бы простила...

Мардыкинъ (*открываетъ шкафъ, вынимаетъ веревочку*). Антонина Павловна, я васъ любилъ,—простите меня. (*Влезаетъ на стулъ, привязываетъ веревочку*).

Антонина. Что мнѣ съ такимъ несчастнымъ дѣлать?

Николай. Бабенышевъ запросилъ двѣсти тысячъ. У дядюшки нѣтъ денегъ. Положеніе отчаянное.

Бабенышевъ (*глядя на Мардыкина*). Крѣпче, крѣпче завязывай, миленькій. Оторвется, колѣнки расшибеш!

Антонина. Ай, давитья собрался! Не допущу! (*Бросается къ нему*). Слѣзь! Отдай веревку!

Мардыкинъ. Не снимайте!

Антонина. Глупый... Волосатый! Чистый ребенокъ. Говори, что тебѣ нужно? Все съдѣлаю.

Мардыкинъ (*рыдая, прислоняется къ ея плечу*). Одно прошу—дайте безропотно скончаться.

Антонина (*рѣшительно*). Петръ Мартыновичъ, идемъ въ кабинетъ, крыса, а съ тобой поговорю. Лѣнюшка, родной, поди, показывай, сколько у тебя денегъ осталось.

Мардыкинъ. Берите все. Вотъ ключъ отъ шкафа.

Бабенышевъ. Ни копейки не скину. Мнѣ и копеечка дорога.

Антонина (*Мардыкину*). Ножками-то переступай. Ахъ ты, брошенный.

(*Антонина, Мардыкинъ и Бабенышевъ уходятъ*).

Николай (*подходитъ къ правой двери*). Вѣра! Вѣра!

(*Вѣра появляется изъ своей комнаты*).

Вѣра. Николай, вы видѣли его? Это ужасно.

Николай. А что?

Вѣра. Отецъ—пьяный нелѣпый человекъ. Мнѣ жалко его, мнѣ стыдно. Мы всѣ здѣсь нелѣпые, изломанные, кошмарные. Мнѣ очень, очень тяжело, Николай.

Николай. Теперь нужно только одно—достать у Рындина красный бумажникъ. А дядюшка хорошъ! Веревочку началъ привязывать. (*Смѣется*).

Вѣра. Перестаньте.

Николай. Да и я тоже отличился: посланъ за дѣломъ, а занимаюсь безсовѣстнымъ флиртомъ.

Вѣра. Безсовѣстнымъ флиртомъ?

Николай. А какъ же иначе. Въ редакціи за это по головкѣ не поглядятъ.

Вѣра. Николай, вы должны уѣхать. Уѣзжайте.

Николай. Вы по-моему чего-то не понимаете. (*Пауза*). Давайте разберемъ: мы побѣдили.

Вѣра. Мнѣ все равно.

Николай. Положимъ. Но вѣдь дядюшка-то раскаялся, честное слово. Черезъ годъ его можно въ циркѣ показывать, какъ образецъ добродѣтели.

Вѣра. Вамъ ужасно весело, ужасно весело.

Николай. Гм... А что случилось?

Вѣра (*съ интелломъ*). Ничего не случилось. Я довольна всѣмъ; я говорю рѣшительно все, что думаю. Мнѣ легко и спокойно, и очень вы догадливы, милый Николай.

Николай. Ахъ, вы про булочки. Я ихъ во всю жизнь не забуду. И какъ малину ѣли съ одной тарелки. Вѣрочка, опытъ удался.

Вѣра. Напрасно такъ въ себѣ очень увѣрены. Опытъ совершенно не удался.

Николай. Теперь я ничего не понимаю.

Вѣра. Это хорошо, что вы ничего не понимаете.

Николай. Опытъ удался.

Вѣра. Нѣтъ.

Николай. Подождите, нужно понять человекъ. Я не могъ дѣлать два дѣла заразъ. Мы покончили съ дядюшкой. Теперь, Вѣра, милая, намъ нужно серьезно поговорить.

Вѣра. Намъ не о чемъ разговаривать. Оставьте меня.

Николай. Вы такъ со мной обращаетесь, точно я какой-нибудь Рындинъ.

Вѣра. Не смѣйте его бранить. Онъ скверный, онъ ужасный человекъ, но онъ знаетъ, что важнѣй всего на свѣтѣ, онъ любить меня, слышите—онъ любить меня.

Николай. Вѣра, а я...

Вѣра (*перебрасывая*). А я, а я... А я возьму и выйду за Рындина замужъ.

Николай. Что?

Вѣра. Я выйду замужъ за Рындина! Такъ и знайте. (*Ушла*).

Николай. Вотъ тебѣ разъ!

Мардыкинъ (*выходитъ слева, наливаетъ воду*). Коля, Коля!

Николай. Что случилось?

Мардыкинъ. Антонинъ Павловнѣ, видишь ли, вода по-

надобилась. Глаза закатила, плачетъ, и такъ вотъ ртомъ дѣлаетъ. Говорить, что отъ счастья. Съ чего бы это? А? (*Уходитъ*).

Николай (*ударяетъ себя по лбу*). Нѣтъ, ну какой же я болванъ.

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тамъ же. Солнечное утро
Николай спитъ, одѣтый, на диванѣ, Хамовъ будить его

Хамовъ. Николай Ивановичъ, а Николай Ивановичъ, буде вамъ спать-то, нехорошо!

Николай (*со сна*). Еще четверть часика.

Хамовъ. Столъ надо накрывать.

Николай. Что такое? Что случилось?

Хамовъ. Пожалуйста умываться.

Николай. Я, кажется, въ самомъ дѣлѣ задремалъ. (*Садится*).

Хамовъ. Одиннадцатый часъ.

Николай. Подожди, что такое случилось?

Хамовъ. А то случилось—городской голова два раза на иноходцѣ мимо оконъ прокатилъ.

Николай. Зачѣмъ?

Хамовъ. Антиресно.

Николай (*вскакивая*). Гдѣ Вѣра Александровна?

Хамовъ. Къ обѣднѣ ушла.

Николай. Такъ подавай же скорѣе умываться! А дя-дюшка что?

Хамовъ. Его превосходительство до вторыхъ пѣтуховъ съ Антониной Павловной говорили. А какъ уѣхала купчиха—изволили потребовать капель валерьяновыхъ и молочка и легли спать. (*Звонятъ колокола*).

Николай. Въ какую церковь ушла Вѣра Александровна?

Хамовъ. Къ Николѣ Мокрому!

Николай. Къ Николѣ? Къ Николѣ Мокрому?.. Давай умываться.

(Натывая, входитъ Мардыкинъ, въ халатъ).

Мардыкинъ. Бомь-ди-ли, бомь-дили, бомь-дили... Племянникъ, здравствуй!

Николай. Съ добрымъ утромъ, дядюшка.

Мардыкинъ. Что это, братъ, какой ты растрепанный?

Николай. Я сказалъ Вѣрочкѣ, если она не желаетъ слушать резонновъ, то я не сойду съ этого дивана никогда.

Мардыкинъ. Весь день вчера кенара моего не кормилъ. *(Подходитъ къ клѣткѣ).* Птичица! Звѣрюга!

Николай. Сейчасъ къ обѣднѣ хочу сходить.

Мардыкинъ. Ты мнѣ, ей-Богу, нравишься. Молодь, красивъ, набоженъ. Не то, что Рындинъ. Я, знаешь, прослулся и думаю, Рындинъ понимаетъ мѣръ имманентно, ну, и я тоже буду понимать имманентно. Онъ подъ меня воображаетъ, и я его буду только воображать. Онъ подъ меня векселемъ, а я подъ него Петра Мартыновича Бабенышева письмами, у него самолюбіе, а у меня сейчасъ въ душѣ кенарейка поетъ. Рындинъ нечто иное, какъ мой грѣхъ, родъ кошмара.

Что онъ можетъ сдѣлать со мной, самое скверное? Ну, опубликуетъ документы, хорошо! Отдастъ подъ судъ, прекрасно! Запечатъ меня къ чертямъ на кулички—превосходно! Антонина Павловна со мной въ самый Колымскъ поѣдетъ. Вотъ, братъ, что значить философія проведенная въ жизнь. Я тутъ статейку началъ писать подъ заглавіемъ: „расскавшійся оптимистъ“. *(Вынимаетъ изъ кармана).* Прочмотри и отошли въ газету. Здѣсь Рындина разбираю по косточкамъ. Нѣтъ, ты прочти! Умно написано. *(Звонятъ колокола).* Бомь-дили, бомь-дили!..

Николай. Прочту. *(Суетъ листки въ карманъ и уходитъ).*

Мардыкинъ *(Хамову)*. Ну что, Хамовъ?

Хамовъ. Да вотъ Николая Ивановича умываться никакъ не дозовусь.

Мардыкинъ. Поди и хорошенько подай ему умываться.

свѣжее полотенце разверни! Служи съ благодушіемъ, а не кое-какъ!

Хамовъ. Постараюсь, ваше превосходительство!

(Хамовъ уходитъ).

Мардыкинъ *(одинъ)*. Бомь-дили, бомь-дили... *(Останавливается передъ клѣткой)*. Что, кенарь, все поешь? *(Сыплетъ ему сѣмя)*. Не такъ у меня, братъ, запоешь! *(Выглядываетъ въ окно)*. А, Петръ Мартыновичъ, куда направляетесь? Къ обѣднѣ? Съ опозданіемъ, батенька, нехорошо! Ну, идите, идите! Эй, послушай, городской, а не будетъ сегодня дождя, братецъ ты мой? Не будетъ. Ну, ладно, иди! *(Останавливается передъ зеркаломъ, разлаживаетъ бакенбарды)*. Морданъ!

(Входитъ Леонтій).

Леонтій. Вотъ эта корзина побольше той будетъ.

Мардыкинъ. Хорошая корзина.

Леонтій. Ваше превосходительство, на кухнѣ у насъ кухарки сосѣдскія сидятъ, да тоже самое подъ окнами ходютъ. Говорятъ,—антиресно. Прикажите гнать?

Мардыкинъ. Ай, ай, ай, Леонтій, тебѣ бы все гнать. Скажи, баринъ жертвуетъ имъ на угощеніе рубль.

Леонтій. Хорошо, скажу. Пожалуйте ключъ.

Мардыкинъ *(передъ шкафомъ)*. Э, нѣтъ, я самъ. А, какъ ты думаешь, влѣзетъ все въ корзину, или не влѣзетъ.

Леонтій. Думать надо—влѣзетъ.

Мардыкинъ. А вдругъ не влѣзетъ?

Леонтій. А я ихъ въ фаргукъ напихаю.

Мардыкинъ. А вдругъ шкафъ не откроется?

Леонтій. Отчего бы ему не открыться, шкафъ хорошій.

Мардыкинъ. А что, Леонтій, мы откроемъ, а шкафъ пустой: кто-нибудь ихъ укралъ оттуда?

Леонтій. Кому такое добро нужно? Нѣтъ, чай, не украли.

Мардыкинъ. Вотъ поди же, дрянъ, а какъ будто жалко расставаться. *(Раскрываетъ шкафъ, вынимаетъ фиурку)*. Во-первыхъ, этого—на самое дно. Прощайте, Петръ Мартыновичъ!

Этого туда же, и этого.. Гмъ, а про этого я и совсѣмъ забылъ. Что такое обозначено: „Л. Вр. 25.. аминь“. Не вспомнишь ли?

Леонтіѣ. Какъ не вспомнить, когда это я самъ и есть. Подъ свѣтлый четвергъ вы у меня, ваше превосходительство, четвертной билетъ взяли, прямо сказать, мимоходомъ. Вотъ фигура и получилась..

Мардыкинъ. Какое свинство! Вотъ память проклятая! Отдамъ, отдамъ и награжу тебя въ добавокъ! А это что? 75 рублей въ горсть? Ай, ай, ай! Бѣдная женщина! Напомника мнѣ, прошеніе мѣщанки Феклы Шуньковой отослать по назначенію! Этихъ въ корзину! Уминай хорошенько! Батюшки—цѣлый заваль! Ну, мыслимо ли человѣку, все-таки, нагрѣшить столько! *(Беретъ одну фигуру)*. Вотъ это помню. Пришелъ ко мнѣ юноша полный надеждъ, принесъ проектъ разработки озера подъ грязелѣчебницу, говорилъ про какой-то радій, общалъ весь уѣздъ на ноги поднять, устроить нѣчто европейское. А я, подлець, подлець—культуру, русскую культуру давилъ. Взятки бралъ. Я ему сейчасъ письмо напишу! *(Кладетъ фигуру въ карманъ)*.

Хамовъ *(входитъ)*. Антонина Павловна черезъ садъ идуть.

Мардыкинъ. Сейчасъ! *(Леонтію)*. Сожги все въ печкѣ! *(Стышитъ къ двери въ садъ)*.

Хамовъ *(Леонтію не громко)*. Опораживается самъ-то? Леонтіѣ. А ты не шути.

Хамовъ. Повару снесу,—въ плитѣ сжечь. Хороши на нихъ выдуть котлеты.

Леонтіѣ. Я ихъ не сожгу. Я ихъ въ сундукъ запру. Подъ легкую руку его превосходительству буду подсовывать по одному или по два демона. Самъ еще потомъ благодарить станеть.

(Леонтіѣ и Хамовъ уходятъ съ корзиной. Изъ сада входятъ Антонина и Мардыкинъ).

а. Обѣдню отстояла, принесла просфору, на те.

Мардыкинъ. Благодарю, Ручки пожалуйста. А я прошу прошенія, въ халатѣ.

Антонина. Вы отлично понимаете, что даже, если бы на васъ ничего не было, вы мнѣ равно любезны.

Мардыкинъ. Какъ спали?

Антонина. Какой тамъ сонъ? Развѣ женщина можетъ заснуть, когда ничего нѣтъ опредѣленнаго.

Мардыкинъ. Нѣтъ, пожалуйста-ка мнѣ еще разъ вашу ручку.

Антонина. Всю ночь ворочалась, всѣ простыни разматала. Хорошо, что никто меня не видѣлъ, вотъ быть бы стыдъ!

Мардыкинъ. Кто же осмѣлится глядѣть на васъ, когда вы почиваете, Антонина Павловна?

Антонина. Мужъ.

Мардыкинъ. Гм..

Антонина. Неужели такъ трудно понять женскую душу? Оставьте меня!

Мардыкинъ. Я не понимаю причины слезъ.. Чѣмъ я могъ огорчить васъ, Антонина Павловна?

Антонина. Вы столбъ, коли такъ!

Мардыкинъ. Я готовъ на все..

Изъ сада показываются Николай и Вѣра.

Антонина. Идемте отсюда, увидятъ!

(Они уходятъ въ кабинетъ. Появляются Вѣра и Николай).

Николай. Можете считать меня пошлякомъ, кѣмъ угодно.. Я остаюсь!

Вѣра. Напрасно.

(Они становятся въ разныхъ концахъ столовой).

Николай. Я не ѣду сегодня. Вообще, я свободный и независимый человѣкъ. Дѣлаю, что хочу. Не уѣду!

Вѣра. Хорошо пѣли въ церкви сегодня.

Николай. Съ вами нельзя говорить по-человѣчески.

Вѣра. Почему? Говорите.

Николай. Я вамъ битый часъ доказываю — человекъ не можетъ дѣлать два дѣла заразъ. Я ѣхалъ сюда съ одной опредѣленной цѣлью, — раскрыть злодѣяніе, обличить людей, которые намъ всѣмъ приносятъ зло. Я встрѣтилъ васъ и все перевернулось вверхъ ногами... А вы сердитесь, и насчетъ Рындина рѣшили со зла...

Вѣра. Опять? Я уйду.

Николай. Дайте мнѣ договорить до конца. Вы обидѣлись на то, что я внимательно не выслушалъ, какъ вы были огорчены. Я ужасно жалѣю, конечно... Но все-таки надо войти и въ мое положеніе. Я былъ взволнованъ. Наконецъ, ровно черезъ минуту раскаялся.

Вѣра. Ровно ничего не понимаете. Какъ съ луны свалились?

Николай. Вообще журналистикой я больше не занимаюсь. У меня въ карманѣ великолѣпная дядюшкина статья, отошлю ее вмѣсто своей и къ чорту. И изъ этого города я не уѣду. Не уѣду, потому что не хочется. Только поэтому, исключительно.

Вѣра. Вы такъ разговариваете, что я обижусь совсѣмъ.

Николай. Ну, и обижайтесь! Я слова не могу сказать. Превосходно! Молчу. Чортъ знаетъ, что такое! Съ близкимъ человекомъ нельзя говорить искренно. Вы ловите меня на запятой, придираетесь къ выраженію. Я охрипъ. Доказываю цѣлый часъ — вы не имѣете права выходить замужъ за этого типа. П-о-ч-е-м-у? Оказывается, я еще долженъ отвѣтить, почему. А потому, что это гнусно, противоестественно. У васъ подвальная психологія!

Вѣра. Почему?

Николай. Потому что не уѣду, вотъ и все!

Вѣра. Боже, какая жертва!

Николай (*фыркаетъ*). Жертва! А сами вотъ ужъ дѣйствительно въ жертву приносите и совершенно неизвѣстно для чего, — самое главное.

Вѣра (*иньвно*). Николай!

Николай. Вы меня затолкали, вы ко мнѣ относитесь

какъ къ фоксъ-террьеру. Я бы вамъ сказалъ... Я бы вамъ сказалъ...

Вѣра (*тихо*). Что бы вы мнѣ сказали?

Николай. То!.. (*Скороговоркой*). Что я васъ... это самое... до смерти..

Вѣра. Что? Что?

Николай. Люблю! (*Пауза*).

Вѣра. Какъ жарко сегодня на улицѣ!

(*Слышна съ бульваровъ музыка*).

Николай. Жарко.

Вѣра. Играютъ мой любимый вальсъ. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ подъ музыку*). Николай, я васъ ужасно люблю!

Николай. Вѣра!

(*Появляются Антонина и Мардыкинъ*).

Антонина. Сами скажите, мнѣ стыдно.

Мардыкинъ. Вы, Антонина Павловна, говорите. У меня голосъ оглохъ.

Антонина. Не выговорю, получится конфузъ.

Мардыкинъ. Коля и Вѣра, долженъ васъ предупредить, именно сейчасъ, до завтрака, что мы съ Антониной Павловной порѣшили... Вы слышите меня?

Николай. Нѣтъ, благодарю, дядюшка, я позавтракалъ.

Вѣра. Да, да, мы идемъ на теннисъ.

Мардыкинъ. Перестаньте говорить чепуху! Объявляю вамъ: мы съ Антониной Павловной рѣшили сочетаться законнымъ бракомъ.

Антонина. Охъ!

Николай. Да, да!

Вѣра. Ахъ, вотъ какъ!

Мардыкинъ. Я повторю, — мы рѣшили пожениться.

Вѣра. Ахъ, папочка, поженитесь!

Николай. Ужасно радъ... Поздравляю.

Антонина. Милые мои, да они сами пересвистались...

Мардыкинъ. Какъ... и они тоже? Что это значить? Такъ всё сразу, вдругъ? Поди-ка сюда, Вѣра.

Вѣра. Пожалуйста, перестань! Мы просто слушаемъ музыку. *(Отходитъ за колонну)*.

Антонина. Състь бы, ногами не владѣю.

Николай *(подходитъ къ Вѣрѣ)*. На минуточку, страшно важно...

Мардыкинъ. Не угодно ли освѣжиться, пройтись по саду, Антонина Павловна? *(Тихо)*. Роскошная женщина...

Николай. Дѣло вотъ въ чемъ...

Вѣра. Не нужно, Николай... нельзя!

(Николай цѣлуетъ Вѣру).

Антонина. Я совѣмъ оглупѣла: позвала портниху, горю,—сей мнѣ платье мѣхомъ кверху.

Мардыкинъ. Шубу шьютъ мѣхомъ кверху, а не платье!

Антонина. Что вы говорите... Ахъ, какая музыка! Провѣзжала мимо, дала музыкантамъ пятьдесятъ рублей, чтобы играли безъ перестанову на весь бульваръ.

Мардыкинъ. Люблю марши!

Вѣра. Николай... Безсовѣстный!

Николай. Милая...

(За дверью гостинной сильный шумъ).

Антонина. Что такое?

Вѣра. Николай, вы слышите!

(Дверь распахивается, появляется Хамовъ, держась за щеку).

Хамовъ. Сергѣй Сергѣевичъ прибылъ.

(Молчаніе. Быстро входитъ Рындинъ. Хамовъ скрывается).

Рындинъ. Этого я не допущу! *(Мардыкину)*. Вы, кажется, съ ума сошли! Что это Хамовъ сказалъ мнѣ сейчасъ? Я васъ шадить не стану, Мардыкинъ!

Мардыкинъ. Сегодня я не расположенъ ругаться. Какъ нибудь въ другое время.

Рындинъ. Ругаться! Да я и разговаривать-то съ вами не стану! *(Николаю)*. Убирайтесь къ чорту!

(Николай быстро хочетъ снять пиджакъ. Вѣра бросается къ нему).

Вѣра. Не позволю!..

Николай. Не могу!.. Я ему долженъ показать... *(Рындину)*. Эй, вы, снимайте пиджакъ!..

Вѣра. Вы мнѣ обѣщали...

Николай. Поймите. Вѣрочка, поймите... *(Они шепчутся)*.

Рындинъ. Этимъ меня не запугаешь! *(Вынимаетъ револьверъ, красный бумажникъ и другія бумаги, кладетъ на столъ)*. Я требую своего! Я знаю, чего хочу!

Вѣра. Вы съ ума сошли, дайте мнѣ револьверъ.

Рындинъ. Не подходите!

Мардыкинъ. Осторожнѣе, не подходи, онъ заряженъ!

Антонина. Полицію надо позвать!

Вѣра. Отвратительно, гнусно... грозить!

Рындинъ. Я еще стрѣлять буду.

Николай. Вѣра не смѣйте съ нимъ говорить!

Мардыкинъ *(Рындину)*. Сергѣй Сергѣевичъ, смиритесь.

Рындинъ. Я не знаю, на что вы рассчитывали,—на мою доброту? Напрасно. *(Ударяетъ по столу)*. Черезъ пять минутъ этотъ господинъ уйдетъ отсюда навсегда. Вѣра Александровна дала слово, черезъ пять минутъ она его сдержитъ... Вы у меня всё въ рукахъ.

Антонина. Нѣтъ, вы послушайте...

Мардыкинъ *(Рындину)*. Нѣтъ ужъ, ангелъ мой, вы подождите пять минутъ. *(Ложится на диванъ)*. Можете дѣлать со мной все, что угодно. Ни въ какой грѣхъ вы меня больше не втянете. Не грѣ-шу!

Антонина *(Рындину)*. Ты, видно, моего характера не знаешь. У меня видъ сверху только деликатный. Отдай бумажникъ, уходи отсюда, плохо будетъ тебѣ, говорю.

Рындинъ. Вы-то, вообще, молчите. Всѣ ваши акціи — вотъ онѣ здѣсь.

Антонина. Разбойникъ!

Мардыкинъ. Да акціи-то куплены на мое имя. А я женюсь.

Николай (*Вѣрь*). Нѣтъ, нѣтъ, драться не стану. (*Подходитъ къ Рындину*). Рындинъ...

Рындинъ. Близко не подходить.

Вѣра. Николай!

Рындинъ. Я стрѣляю.

Николай. Брось, червякъ! (*Отнимаетъ револьверъ и бумажникъ*).

Рындинъ. Отдай, отдай, отдай.

Николай (*направляя револьверъ*). Осторожнѣе.

Рындинъ (*пьетъ воду*).

Антонина. Воду пить.

Рындинъ. Да, это вы ловко со мной обошлись. Ну, ваше превосходительство, какія будутъ распоряженія назавтра.

Мардыкинъ. А такія распоряженія, что убирайся отсюда вонъ. А не пройтись ли намъ по саду до завтрака.

Антонина. Дѣйствительно идемъ и провѣтримся.

Рындинъ. Виновать, господа, на прогулку съ вами, къ сожалѣнію, пойти не могу. У васъ тутъ я вижу чай пить собираются съ разносолами, съ масленичными вѣтками, при цвѣтахъ и проч. И при семъ никто ни въ чемъ не виновать... Ну-съ, а я къ добродѣтели имѣю отвращеніе съ дѣтства. До ближайшаго свиданія, господа. Въ Пензу ѣду къ маменькѣ. Я лишь хочу высказать изумленіе, самое нижайшее преклоненіе передъ свѣтлой личностью, выскочившей, такъ сказать, изъ адскаго мрака, изъ девятаго круга: дядюшка, какъ высоко поднялись! Дрыгнулъ ножкой и скокъ въ семейную перину. Острѣйшее удовольствіе. А вотъ, что меня забыли, дядюшка Мардыкинъ, это нехорошо. Что же я-то, несчастный, въ канцеляріи въ подвалѣ зубами долженъ скрипѣть, задыхаться, помогите, молю, кухаркину сыну. Ай-ай, поступочекъ-то не христіанскій. Да, забылъ, колечки-то

я вамъ купилъ, Вѣра Александровна, два символа вѣчности въ знакъ любви. Когда-нибудь еще услышите обо мнѣ. Вынырну. Имѣю честь кланяться. (*Швыряетъ кольца и быстро уходитъ въ садъ*).

Мардыкинъ. Арестовать, арестовать, арестовать его.

Антонина. Не кричи. Онъ подлецъ-подлецъ, а все-таки жалко его. Ужъ больно зарвался.

Мардыкинъ. Тяжко. Что-то мнѣ тяжело, дѣти мои. Въ баню хочу, чистой жизни желаю. (*Вынимаетъ платокъ, высыпаются черти*).

Вѣра. Папа, изъ тебя опять черти посыпались. (*Всѣ смѣются*).

Мардыкинъ. Метлу, метлу, Леонтій, Хамовъ, метлу мнѣ скорѣй.

З а н а в ѣ с ѣ

РАКЕТА

Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Семень Павловичъ Хрустаковъ, инженеръ. Дѣйствіе застаётъ его на временномъ отдыхѣ—ему 43 года.

Даша—его жена, 27 лѣтъ.

Конкордія Филипповна, мать Хрустакова.

Люба—сестра Хрустакова, 25 лѣтъ.

Никита Алексѣевичъ Табардинъ—30 лѣтъ. Любинъ мужъ.

Дмитрій Аполлоновичъ Алпатовъ, отецъ Даши, помѣщикъ.

Константинъ Михайловичъ Заносскій—актеръ.

Николай Николаевичъ Бѣлокопытовъ—художникъ.

Толстякъ.

Податной инспекторъ.

Дама.

Приставъ.

Супругъ.

Супруга.

Барышня Шунькина.

Горничная.

Садовникъ.

Лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ іюль мѣсяцъ, на дачѣ Хрустакова „Сезонъ“ и въ Москвѣ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Внутренность дачи. Прямо, въ глубинѣ, стеклянная стѣна съ дверью на балконъ и въ садъ, гдѣ видны два стеклянныхъ шара, клумбы, фонтанъ, заборъ. Дворникъ поливаетъ цвѣты. Направо, на передней сценѣ фонарь изъ цвѣтныхъ стеколъ, выходящій на сѣверъ. Въ фонарѣ двѣ кушетки, столикъ, ковры, подушки. Съ лѣвой стороны балконныхъ дверей плетеная мебель, за ней дверь въ спальню. Налѣво, на переднемъ планѣ, тоже дверь. Все помѣщеніе и обстановка новыя и безвкусныя, въ смѣшанномъ стилѣ загороднаго ресторана и англійскаго коттеджа. Преобладаютъ розовые тона. Въ фонарѣ на кушеткахъ лежатъ Даша и Люба, ѣдятъ вишни. Въ дверяхъ балкона Конкордія держитъ Алпатова за пуговицу. Вдалекѣ кричитъ мороженщикъ. На стеклянныхъ шарахъ нестерпимо блеститъ солнце.

Конкордія. Мы сдѣлались буржуями, собственниками дачи. На это могутъ быть только двѣ точки зрѣнія. Во-первыхъ, приобретаемая собственность, я расписываюсь, какъ несостоятельный должникъ: для насъ, идейныхъ людей, всякая собственность есть жерновъ, надѣтый на шею. Когда мой сынъ купилъ эту дачу, перестроилъ по своему вкусу и назвалъ „Сезонъ“, я написала моему другу, секретарю „Народнаго Колоса“: собираю чемоданы и бѣгу отъ дѣтей, отъ пошлости, подыщи мнѣ чердакъ. Да. Собственность я отрицаю безусловно.

Алпатовъ. Ну, какъ сказать... Вы, все-таки, немного рѣзки въ сужденіи.

Конкордія. А все-таки дача подь Москвой—это культурно. Надо же немного быть европейцами. Чутьочку культуры,—говорю я. Будь у насъ въ Москвѣ хорошая мостовая, насъ бы уважали больше въ Европѣ. Даю руку на отсѣченіе.

Алпатовъ. Я васъ глубоко понимаю, добрыйшая Конкордія Филипповна. Сорокъ семь лѣтъ я владѣю клочкомъ земли и до сихъ поръ меня коробитъ отъ слова „помѣщикъ“. Я строго запретилъ крестьянамъ называть себя бариномъ. Когда я вижу крестьянскую спину, согнутую надъ сохой, вопрошающее лицо мужика, бѣдность и мракъ нашей деревни, — я чувствую себя вѣчнымъ преступникомъ, злостнымъ банкротомъ.

Конкордія. Другъ мой, вы—хорошо говорите.

Алпатовъ. Покуда моя дочь Даша была ребенкомъ, росла и развивалась въ дѣвушку, я еще могъ повторять: „ты дѣлаешь незамѣтное, но нужное дѣло, ты вписываешь въ чистой душѣ ребенка вѣчныя истины добра и справедливости“. И я мирился съ положеніемъ помѣщика. Но теперь...

Конкордія. Эхъ, голубчикъ, мы всѣ; такъ или иначе, у общественнаго пирога.

Алпатовъ. Но мы отклонились отъ главной темы. Въ основѣ воспитанія моей дочери я положилъ методъ рациональнаго наблюденія надъ явленіями природы...

Конкордія. Понятно. *(Они повертываются спинами и медленно идутъ въ садъ).*

Даша *(съ качалки)*. Почему эта дача розовая?

Люба *(съ другой качалки)*. Даша.

Даша. Аюшки.

Люба. Какъ ты все-таки рѣшилась?

Даша. Разговариваютъ, разговариваютъ, съ самаго утра два эгоиста...

Люба. А что, если мужъ узнаетъ.

Даша. Ну, узнаетъ.

Люба. Костенька Заносскій только на сценѣ хорошъ, увѣряю тебя. А въ жизни—фи. Дергается, некрасивъ, не выпускаетъ папироски изо рта. И вѣдь вотъ, поди жь ты, огромный успѣхъ у женщинъ. Все-таки въ немъ есть какая-то упоительная гнильца.

Даша. Люба, у тебя есть любовникъ?

Люба. Ты съ ума сошла.

Даша. Я знаю кто.

Люба. Ну,—кто.

Даша. Николай Бѣлокопытовъ, художникъ.

Люба. Какая чушь. Ты—глупа.

Даша. Хорошо бы совсѣмъ поглупѣть на этой дачѣ.. Ни одинъ человекъ не объяснить, для чего вонъ тамъ торчатъ стеклянные шары. Въ клумбѣ петунии, крокетъ, и повсюду плетеная мебель. Какъ я ненавижу плетеную мебель.

Люба. Ну, ужъ извини. Всего удобнѣе для дачи.

Даша. Отчего нашъ сосѣдъ ночью не выворотитъ забора, не загонитъ къ намъ въ садъ коровъ и лошадей. Онъ бы сломалъ плетеную мебель и сожралъ всѣ петунии. На нашей дачѣ ничего, ничего хорошаго не можетъ случиться.

Люба. Съ чего это ты выдумала болтать насчетъ Николая Бѣлокопытова. Мнѣ, милая, совсѣмъ не нравятся твои выходки. Если ты заводишь себѣ разныхъ поклонниковъ, то я для этого достаточно порядочна. Николай Бѣлокопытовъ рисуетъ мой портретъ, вотъ и все.

Даша. Ну, хорошо, хорошо. Голую тебя рисуетъ?

Люба. Пошло.

Даша *(съ тоской)*. Виновата.

Люба. При Францискѣ Первомъ знаменитая фаворитка Діана де-Пуатье велѣла писать себя обнаженной. У меня, милая моя, фигура ничуть не хуже.

Даша *(смѣется)*. Фаворитка.

Люба. Нечему смѣяться.

Даша. А что скажетъ Никита?

Люба. Мой мужъ не мѣщанинъ. Портретъ я повѣшу у него надъ столомъ. Этотъ сюрпризъ давно задуманъ.

Даша. Вѣшать привать-доценту голую женщину надъ головой—неудобно. Онъ будетъ разсѣиваться во время работы. *(Вынимаетъ записочку и читаетъ)*. „Моя Прима Вѣра, моя солнечная. Не могу дожидаться мига, когда въ мастерской снова зашелеститъ твое платье“.

Люба *(вскрикиваетъ, выхватываетъ записку и рветъ)*.

Люба. Гдѣ ты взяла?

Даша. У тебя нашла на туалетѣ. Мнѣ очень понравился стиль.

Даша. Не понимаю, откуда она взялась. Это написано не мнѣ. *(Садится. Пауза).*

Даша. Когда Никита приѣзжает?

Люба. Во вторникъ. Не знаю.

Даша. По-моему, онъ приѣдетъ сегодня...

Люба. Откуда ты знаешь?

Даша. Такъ знаю. Чувствую. Ты очень по немъ соскучилась?

Люба. Какая ты злая. *(Заплакала).*

Даша. Ну-у, какъ скучно.

(Появляются Алматовъ и Конкордія).

Алматовъ. Дреперъ и въ особенности Бокль украшали наши деревенскіе вечера. Сколько дивныхъ минутъ мы переживали съ Дашей, читая Геккеля „Міровыя загадки“. Нѣтъ и нѣтъ, въ психологіи моей дочери не можетъ быть существеннаго изъяна. Просто увидѣла въ магазинѣ новенькую шляпу.

Конкордія. Тутъ дѣло не въ шляпкѣ. А до вашихъ Боклей и Дреперовъ ей сейчасъ дѣла нѣтъ.

Алматовъ. Вы говорите въ такомъ тонѣ, Конкордія Филипповна...

Конкордія. Въ какомъ я тонѣ говорю, Дмитрій Аполлоновичъ... Вамъ самолюбіе дороже всего, а здѣсь, на очереди семейная катастрофа. У Семена больное сердце. Это нужно помнить.

Алматовъ. Убейте меня, не понимаю.

Даша. Слава Богу поссорились.

Конкордія *(Даша)*. Я стараюсь тебя понять и отказываюсь. Я хочу къ тебѣ подойти, и не могу. У насъ нѣтъ точекъ соприкосновенія.

Алматовъ. Видишь ли, дочурка, мы тутъ разпорились. Конкордія Филипповна находитъ, что ты держишь себя какъ-то странно послѣднее время.

Даша. Правда?

Конкордія. Семь лѣтъ замужемъ, и никакого идейнаго общенія съ мужемъ. Ты и Семень никогда не спорите, никогда книжки вмѣстѣ не прочтете. *(Любь)*. И тебѣ, матушка, не мѣшало бы послушать. Я тебя не для того родила, чтобы цѣлый день вишни ѣсть.

Люба. Поѣхали за орѣхами, мамаша.

Конкордія. Нѣтъ ужъ, потерпи. Я все лѣто молчала. Хотя и гнусно было жить съ родными дѣтьми. У какой-нибудь швеи семейно, у слесаря въ сыромъ подвалѣ-свободнѣе духъ чѣмъ у васъ. *(На Алматова)*. Вотъ, спасибо, приѣхаль. А то одна, слова имъ не скажи.

Люба. Да изъ-за чего ты волнуешься, мама?

Даша *(Конкордія)*. Вамъ хочется со мной поссориться... Поссоримся. Вамъ не нравится мое поведеніе? Что въ немъ вамъ не нравится?

Конкордія *(смотритъ на нее, поправляетъ пенсне, затѣмъ обращается къ Любь)*. Дѣло въ томъ, что собирай-ка ты чемоданы, да, не дожидаясь мужа, поѣзжай къ нему въ деревню къ этимъ, какъ ихъ...

Люба. Меня не звали. Я туда не поѣду. Такъ и знайте. Тамъ его друзья, не мои.

Конкордія. Дача тѣсная. Другъ у дружки на носу сидимъ. Цѣлый день мороженщики кричать. У Семена—сердце. Никитъ здѣсь и работать негдѣ. Послушай меня, поѣзжай съ мужемъ хоть въ Крымъ, отъ грѣха подальше.

Даша *(поднявшись)*. Что это значитъ?

Конкордія *(едва сдерживаясь)*. Я съ дочерью разговариваю. Объ своихъ дѣлахъ не объ твоихъ.

Даша. Я знаю, что вы меня ненавидите. Но прошу васъ воздержаться отъ плоскихъ и мѣщанскихъ намековъ. *(Идетъ въ садъ)*.

Конкордія. Мѣщанскихъ? Да? Мѣщанскихъ!

(Изъ львой двери, изъ спальни появляется Хрустакъ, въ подтяжкахъ, заспанный, потягивается).

Хрустакoвъ. Жена, ты куда? А я, кажется, поспалъ. (*Играетъ шарманка, Даша уходитъ*). Вы что безъ меня раскусились, ребятишки? (*Потираетъ руки*). А недурна дачка. Только еще свѣжей краской припахиваетъ. Зато спится въ ней, умереть...

Конкордія. Твоя жена только что наговорила мнѣ дерзостей.

Хрустакoвъ. Что ты? Охота ругаться въ такую жару. Кури поменьше, мать, не читай толстыхъ журналовъ, сними нижнюю юбку. Сразу повеселѣешь.

Люба. Мама, въ какомъ ухѣ звенить?

Конкордія. Вы ослѣпли. Ничего не видите. Мозгами лѣнь пошевелить. Готовы допустить грязь, распутство. Только бы не потревожили ихъ благополучія. Мнѣ здѣсь дѣлать нечего.

Хрустакoвъ. Мать, ты о чемъ?

Конкордія. Самъ догадайся. Есть вещи, о которомъ прямо не говорятъ.

Люба. Ему лѣнь догадываться. Опять начнутся колики. (*Смѣется*).

Хрустакoвъ. Что-нибудь ужасное? А хорошо бы теперь чайку.

Конкордія (*Алматову*). Дайте мнѣ руку, идемте. Я убѣгу когда-нибудь изъ этого дома. (*Она и Алматовъ уходятъ*).

Хрустакoвъ (*смѣется*). Либералка.

Люба. Она увѣрена, что у Даши съ Никитой что-то есть.

Хрустакoвъ. Ей непременно нужно вездѣ найти какую-нибудь гадость. Моя Даша не такой человѣкъ.

Люба. Ты въ ней увѣренъ.

Хрустакoвъ. Еще бы. (*Подумавъ*). Въ комъ можно быть увѣреннымъ. Видишь ли, сестренка, главное, никогда ничего не нужно предполагать.

(*Изъ сада входитъ Константинъ Заносскій*).

Заносскій. Здравствуйте.

Хрустакoвъ. Ура! Тѣнь отца Гамлета.

Люба. Я думала, Даша пошла вамъ навстрѣчу.

Заносскій. Не видѣлъ.

Хрустакoвъ. Смотрѣли, смотрѣли бенефицианта. Ну, братъ, какого ты Карандышева изобразилъ, чортъ знаетъ что такое. Хочешь пива?

Заносскій. Нѣтъ.

Хрустакoвъ. А я все-таки принесу. (*Уходя натѣваетъ*).

Люба. Костенька?

Заносскій. Что, Любовь Павловна.

Люба. Какъ же вы такъ мнѣ измѣнили?

Заносскій. Я не имѣлъ чести находиться съ вами въ такихъ отношеніяхъ, при которыхъ можно измѣнить.

Люба. Злюка.

Заносскій. Я не люблю, когда со мной говорятъ фамиллярно, или зовутъ уменьшительнымъ именемъ.

Люба. Скажите. Это на васъ послѣ бенефиса накатило. Дѣйствительно, — геній.

Заносскій (*сквозь зубы*). Да, геній.

Люба. Ну, и сидите одинъ. (*Уходитъ, кричитъ въ саду*). Даша, Даша, тамъ геній тебя дожидается.

Хрустакoвъ (*появляется съ бутылкой и стаканами*). Холодненькое, съ иголочкой. Первая вещь. Мы тутъ весь день чего-нибудь пьемъ, то чай, то воду, какъ отравленные. А говорятъ, хорошъ квасъ изъ морошки.

Заносскій. Не пиль.

Хрустакoвъ. А бузу пиль?

Заносскій. Ради Бога, сдѣлай одолженіе, не спрашивай меня, что я пиль, чего не пиль.

(*Показывается Даша*).

Даша. Я васъ не ждала.

Заносскій. А я пришелъ.

Даша. Напрасно,

Хрустакoвъ. Чортъ знаетъ, господа! Всѣ злятся сегодня, особенно женщины. (*Даша*). Ты его похвали, артистовъ. нужно хвалить громко и долго.

Даша. Вы играли добросовѣстно. Я смѣялась надъ вашимъ Карандашевымъ. Вѣроятно, много получили цвѣтовъ.

Заносскій. Много, кромѣ однихъ—отъ васъ.

Хрустаковъ. Ого!

Даша (*спокойно*). Вы пришли, чтобы ссориться, Семень, оставь насъ, пожалуйста.

Хрустаковъ. Нѣтъ, шалишь. Не уйду.

Даша. Уйди, я тебя прошу.

Хрустаковъ. Въ такомъ случаѣ, пойду ухаживать за барышней Шунькиной. У насъ напротивъ, на скамейкѣ сидитъ барышня Шунькина, каждый вечеръ съ книжкой. Малороссійскій костюмъ, бусы, носикъ пуговкой и прочее. Сажусь рядомъ, спрашиваю, что читаете? „Омутъ“, говоритъ, Горчакова. Смотрю—„Обрывъ“ Гончарова. Книжка засаленная. Омутъ. (*Смѣется, уходитъ*).

Даша. Если я не отвѣтила на ваше письмо, значитъ, не хотѣла васъ видѣть. Вы пришли совсѣмъ напрасно.

Заносскій. Ни одинъ человекъ не причинялъ мнѣ столько страданій. Я отказался отъ ужина въ мою честь.. Я выгналъ женщину изъ уборной. Я не распечаталъ ни одного письма. Я игралъ какъ никогда. Только для васъ. Вы не желали меня видѣть. Вы не отвѣтили на мое письмо. Вы обидѣли во мнѣ артиста. Вы—замороженная, порочная, бездушная. Вы злы..

Даша. Очень сожалѣю, что лишила васъ столько удовольствій. Но какое вы имѣете право такъ разговаривать со мной. Я васъ не хочу больше. Кажется ясно.

Заносскій. А вы имѣли право... (*сжавъ кулакъ*) быть моей..

Даша (*живо*). Мнѣ не хочется вспоминать объ этомъ.

Заносскій. А вы подумали тогда обо мнѣ? Почему, если вамъ нуженъ былъ... любовникъ, такъ это именно долженъ быть я.

Даша (*тихо*). Не обижайте меня, Константинъ Михайловичъ.

Заносскій. Я люблю васъ. Я весь истерзанъ. Одинъ... одинъ. Думаю... думаю... О, какъ я страстно люблю васъ.

Даша. Не нужно. Успокойтесь.

Заносскій. Вы не хотите меня?

Даша. Нѣтъ.

Заносскій. Не придете?

Даша. Можетъ быть. Не знаю. (*Онъ сидитъ, закрывъ лицо руками, она ходитъ*). Счастья вамъ не будетъ въ нашей связи, Константинъ Михайловичъ. Одна мука. Я виновата передъ вами. Мнѣ тоже очень тяжело.

Заносскій. Да не слѣпой же я. Понимаю. Вы не можете меня любить. Юродивый, гнилой актеръ.

Даша. Я не по хорошему чувству тогда къ вамъ пришла. Я помню—ливень, гроза, вѣтеръ... Я бѣжала къ вамъ. Хотѣлось, чтобы вѣтромъ свалило, истерзало въ грязи, въ дождь... Хотѣлось, чтобы еще хуже было, больнѣй, безнадежнѣй себѣ, и вамъ, и ему.

Заносскій. Кому? О комъ говорите? Вамъ, мнѣ, и кому еще. Мужу... Нѣтъ...

Даша. Нѣтъ.

Заносскій (*сдерживая страшный тикъ*). Нѣтъ, такъ все-таки нельзя... Вы скажите...

Даша. Не скажу я больше ничего, Константинъ Михайловичъ. Я не знаю, что будетъ. Можетъ, прибѣгу къ вамъ завтра.

Заносскій (*порывисто встаетъ, идетъ къ двери*). А крыжовникъ вы любите, Дарья Дмитровна. У меня на дачѣ вотъ такой поспѣлъ.

Табардинъ (*изъ сада входитъ съ чемоданчикомъ*). Виноватъ.

Заносскій. Никита. (*Идетъ къ нему, не дойдя останавливается*). Никита, я испугался. Мы тебя не ждали.

Табардинъ. Здравствуй, Дарья, милая. Ну, у васъ и духота. Фу!

Даша. Вы не знакомы. (*Мужчины здороваются*).

Табардинъ (*Заносскому*). Очень радъ. (*Дашѣ*). Ты похудѣла. По-моему, ты выросла.

Даша (с улыбкой). Что ты, Никита.

Табардинъ. Мнѣ казалось, что ты вотъ на столько меньше. Какъ я радъ, что встрѣтилъ тебя первую. (Смѣется). Ты похожа на обыкновенную садовую розу.

Даша. На пегунью.

Заносскій. Одинъ антрепенееръ имѣлъ обыкновеніе говорить актрисамъ, которыя ему нравились: „вы, милочка, настоящій лепадекокъ“...

Табардинъ (любезно). Даръ. (Даша). [Такъ, [вы меня не ждали. А въ деревнѣ начался сѣнокосъ и всѣ стали ложиться послѣ заката, а вставать на зарѣ. Я было тоже попробовалъ, но не спалъ три ночи и уѣхалъ. (Серьезнымъ тономъ). Ну что, Люба здорова?

Даша. Она, кажется, на музыку пошла. Я провожу тебя.

Табардинъ (вполголоса). Этотъ господинъ къ тебѣ пришелъ,

Даша (Заносскому). Прощайте, заглядывайте какъ-нибудь.

Заносскій. Итакъ, до завтра, Дарья Дмитріевна. Я жду. (Уходитъ).

Даша. Онъ актеръ, очень талантливъ. Мы всѣ тутъ по дачному влюблены немножко. (Пауза).

Табардинъ. Гм, какъ странно. Помнишь, у Гоголя: пошелъ дѣдъ вприсядку, загребаеъ вензеля и вдругъ на томъ же проклятомъ мѣстѣ—стопъ. Не успѣлъ я перешагнуть калитку, какъ почувствовала все то же знакомое томленіе какое-то. Здѣсь отравленный воздухъ, Даша. Вы, конечно, весь день валяетесь, ѣдите шоколадъ, разговариваете о чувствахъ.

Даша (смѣется). Да.

Табардинъ. Конкордія Филипповна обижается на здѣшнюю неинтеллигентность и кого-нибудь выводитъ на свѣжую воду. Кто у нея сейчасъ на очереди?

Даша. Я. А теперь еще папа гостить.

Табардинъ. Воображаю, разговоры. А твой мужъ спитъ

послѣ обѣда, пьеть пиво, красить дачу. Узоры какіе развелъ. Я, кажется, раскаиваюсь, что вернулся? Ну а ты, Даша?

Даша. Я подъ шумокъ завожу любовныя шашни.

Табардинъ. Не люблю, когда даже такъ шутишь. Я проѣхалъ на лошадахъ около ста верстъ по степямъ. Всю дорогу звенѣли косы, пѣли жаворонки, вѣтеръ... Какой широкопелечій, крѣпкій народъ. Какія чудесныя лица. Знаешь, о комъ я нѣсколько разъ вспоминалъ? О тебѣ.

Даша. Ты вспоминалъ обо мнѣ.

Табардинъ. Въ тебѣ есть что-то простонародное. Правда, правда. Много силы хорошей, внутренней. А живешь на дачѣ. Тебѣ бы косить, или побилъ бы тебя мужъ хорошенько. Что ты такъ смотришь?

Даша. А ты что смотришь.

Табардинъ (разговоръ въ дверяхъ). Въ деревнѣ я началъ писать книгу. Собирался два года, а тамъ въ недѣлю обдумалъ почти весь планъ. (Тихо). Мнѣ было ужасно одному хорошо. Душевно, опятно. Ты это поймешь. За нѣсколько недѣль во мнѣ что-то оформилось и легло незыблемо, какъ кристаллъ. Точно я выросъ или побывалъ на горѣ. Иногда мнѣ казалось даже—я слышу отдаленные звуки. Словно гдѣ-то, за тучами, заплѣли трубы. Боюсь, что теперь затоскую по одиночеству.

Даша. У тебя и лицо стало иное, Никита. Прекрасное.

Табардинъ. Ну, еще что выдумала.

Даша. Люба давала мнѣ читать твои письма. Я чувствовала, какъ ты мужаешь, становишься спокойнымъ, яснымъ, сильнымъ. Мнѣ было больно и завидно, и тошно. Ахъ, какъ тошно здѣсь. Точно мухъ на липкой бумагѣ. (Пауза). Никита, я не люблю моего мужа. (Отходитъ). Онъ хорошій и честный, конечно. Добродушный острякъ въ подтяжкахъ. (Разговоръ на плетеной мебели).

Табардинъ. Это ужасно.

Даша. Не могу такъ жить. Я завязала по уши. Стала бабенкой. У меня появились дурныя привычки. Закусываю губы, смѣюсь многозначительно, когда совѣмъ не смѣшно. На

прошлой недѣлѣ накупила неприличнаго бѣлья въ прошивочкахъ. Смотри—я никогда не носила такихъ чулокъ, а еще черезъ недѣлю начну завиваться, пудриться до лилаго цвѣта, напутывать ленточки. Заведу актера. О, Господи. Напушу полонъ домъ гимназистовъ. Кончится же это чѣмъ-нибудь. Мнѣ душно даже отъ этой нитки... *(Срываетъ жемчуга)*.

Табардинъ. Ну, а теперь скажи, что съ тобой.

Даша *(стремительно отходитъ. Разговоръ въ фонарѣ)*. Нужно чтобы мужъ побилъ. По-твоему.

Табардинъ. Я тебя не видалъ такой никогда.

Даша. Гнусная?

Табардинъ. Страшная. *(Пауза)*.

Даша. Хочешь вишенъ. Ъшь.

Табардинъ. Это ты здѣсь сидѣла, ѣла вишни?

Даша. Да.

Табардинъ. Сколько косточекъ.

Даша. Здѣсь очень прохладно.

Табардинъ. Хорошо лежать и читать.

Даша. А я все думаю...

Табардинъ *(быстро)*. О чемъ?

Даша. Нѣтъ, я говорю, что раскрою книгу. Сама лежу и думаю.

Табардинъ. Да, понимаю.

Даша. Мы хотимъ перенести сюда твой столъ и книги. Будешь работать.

Табардинъ. Ты говорила Семену.

Даша. Что?

Табардинъ. Обо всемъ.

Даша. Нѣтъ. Не хочу.

Табардинъ. Скажи, все-таки. Нужно, чтобы ты поговорила съ нимъ откровенно. Онъ человѣкъ не глупый. Пойметъ, успокоитъ тебя, можетъ быть, ты поѣдешь... въ Кисловодскъ.

Даша *(рѣзко)*. Дѣйствительно, не догадалась. Чего проще. Сегодня же поговорю съ мужемъ. Онъ тоже горой стоитъ за Кисловодскъ.

Табардинъ. Даша. *(Пауза)*. Изъ-за простого настроенія нельзя дѣлать человѣка несчастнымъ. Семень къ тебѣ очень добръ. Вообще онъ милый, душевный парень. Жили съ нимъ семь лѣтъ и вдругъ разрывъ. *(Смѣясь)*. Запрети ему носить подтяжки.

Даша *(ишьво)*. А ты запрети своей женѣ быть пошлой. Ты сталъ примѣрнымъ и добродѣтельнымъ—это новость.

Табардинъ. Если я сдѣлалъ ошибку, то моя жена въ этомъ не виновата. Любу передѣлать нельзя. И почему другіе должны страдать изъ-за моихъ желаній,—не знаю. Мало ли чего я хочу.

Даша. Смиренный какой. Тебѣ бы въ монастырь.

Табардинъ. Мнѣ, Даша, трудно съ тобой говорить. У тебя такіе глаза, что вотъ-вотъ произойдетъ катастрофа. Съ эдакими глазами ты всегда будешь права.

Даша. Ты что-то путаешь, путаешь, Никита... Соскучился по Любочкѣ, сознайся прямо... *(Смишенъ голосъ Любь)*. Слышишь? Иди.

Табардинъ. Не нужно бы мнѣ пріѣзжать, вотъ что...

Даша. Испугался катастрофы. Спасибо, что надоумилъ. Иди же, она тебя ждетъ.

Табардинъ. Да, это, дѣйствительно, ея голосъ. *(Медленно уходитъ)*.

Даша *(одна. Нѣкоторое время стоитъ неподвижно, подходитъ къ чемодану Табардина, открываетъ его, вынимаетъ карточку, разсматриваетъ со злобной усмѣшкой)*. Люба... Любочка... Любовь... *(Разрываетъ карточку и бросаетъ ее въ чемоданъ. Затѣмъ вынимаетъ оттуда карточку съ папиросами, закуриваетъ. Беретъ зонтикъ, идетъ къ выходу; вернулась, швыряетъ зонтикъ на полъ, ложится въ качалку)*.

(Входитъ Алпатовъ).

Алпатовъ. Ты видѣла его, видѣла?

Даша. Видала.

Алпатовъ. Ну, мы съ нимъ поспоримъ.

Даша. Отецъ, увези меня въ деревню.

Алпатовъ. Ахъ, какъ я былъ бы радъ. А что, вспомни-лось дѣтство? Но, видишь ли, я самъ безъ копейки. Я вотъ чего боюсь.—Никита Алексѣевичъ не религіозенъ, какъ ты думаешь? Что-то въ немъ есть такое, чего не могу понять.

Даша. Идолопоклонникъ.

Алпатовъ. Не можетъ быть. Что же это у него—искренно? (*Изъ сада входятъ Хрустаковъ, Люба и Табардинъ*).

Хрустаковъ. Нѣтъ, братецъ мой, ты долженъ посмотришь цвѣтныя стекла изнутри. Хороши?

Табардинъ. Я уже видѣлъ.

Хрустаковъ. А ты прищурься. Фантасмагорія.

Алпатовъ. А я собираюсь съ вами поспорить.

Табардинъ. Съ удовольствіемъ.

Хрустаковъ. Иди же, смотри. Въ этой дачѣ соблюдены двѣ вещи: внѣшнее изящество и удобство для большой семьи. И представь, нѣтъ мальчишки, разносчика, прыщаваго дачника, который, проходя, не остановился и не посмотрѣлъ бы на дачу. Прямо удивительно.

Люба. Не дергайте мнѣ мужа. Онъ—мой.

Хрустаковъ (*Алпатову*). Помилуйте. Онъ говорить—безобразный фасадъ.

Алпатовъ (*удивленно*). Тсс.

Люба (*мужу*). Ты не нѣженъ со своей птичкой.

Табардинъ. Съ чего ты взяла.

Люба. Ты разлюбилъ свою маленькую.

Табардинъ. Люба, ради Бога...

Люба. Ты пріѣхалъ злой, нехорошій, чужой... Я вижу.

Табардинъ. Что ты видишь? Боже мой, что ты видишь!

Даша (*изъ качалки*). Онъ слишкомъ тебя любить, будь покойна.

Люба. Пусть попробуетъ измѣнить. Это очень трудно, милый мой. Я не изъ тѣхъ, кого обманываютъ...

Табардинъ (*порывисто хватаятъ чемодакъ*). Наверхъ? Да? Кто у меня рылся? (*Замѣчаетъ карточку, смотритъ на Дашу, обращается къ Любѣ*). Да, кстати, Люба... Кто-то... Ну, од-

нимъ словомъ, дѣти моего пріятеля нечаянно разорвали твою карточку. Вотъ.

Люба. Плохо ты меня бережешь. Говорятъ, это плохой знакъ. Смотри, Никита. (*Грозитъ*).

(*Табардинъ и Люба уходятъ*).

Хрустаковъ. Ну, дѣти, я опять пить хочу. (*Садится около Дашы*). Дай-ка я тебя поцѣлую, яблочко мое крымское. А, знаешь ли, глупый ты человекъ, что въ пятницу день твоего рожденія. И мы рѣшили пустить ракету, а также... (*Щелкаетъ себя по воротнику, напѣваетъ*). Мы будемъ пить шампанское вино.

Даша (*быстро приднимаясь*). Семень, ты любишь меня?

Хрустаковъ. Охъ, батюшки.

Даша. Если любишь, могъ бы ты мнѣ простить?

Хрустаковъ. Подожди... Подожди. Что ты говоришь? Что простить?

Даша. Выслушай меня внимательно. Я виновата.

Хрустаковъ. Зачѣмъ тебѣ понадобилось. Не нужно, Дашенька. Потомъ какъ-нибудь.

Даша. Я не могу больше лгать...

Хрустаковъ (*вскрикиваетъ*). Пощади. Сердце. (*Хватается за сердце*).

Даша. Прости, я забыла. Папа, дай воды пожалуйста. (*Хрустакову*). Хотя тебѣ лучше, навѣрно.

Хрустаковъ. Да, какъ будто бы отлегло. Я бы маленькаго вина лучше выпилъ. (*Опирается на Алпатову и Дашу*). Милые вы мои оба. Стоить ли разстраивать себя изъ-за пустяковъ. Жизнь налаженная, устроенная, пріятная. Сколько силъ потрачено хотя бы на эту дачу. Все надо было выкрасить, пригнать, сдѣлать изящнымъ. И жизнь наша легкая, красивая. А чтобы ее сдѣлать такой, не мало было положено трудовъ. Дашенька, вижу что нудно тебѣ иногда, коломытно. Ты какъ-нибудь устрой. Мы всѣ не безъ грѣха. А лучше всего, начини принимать углекислыя ванны. Но не бей ты наотмашь... Не ломай главнаго...

Даша. Главнаго. Что ты называешь главнымъ?

Хрустаконъ (*Аматову*). Опять обидѣлась.

Алпатовъ. Да, что-то такое есть...

Хрустаконъ. Даша, ты куда.

Даша (*за это время порывисто надѣвъ перчатки, шляпу*). Я приѣду поздно. Ужинать меня не жди. (*Уходитъ*).

Хрустаконъ (*чешетъ затылокъ*). Эхъ ты, чортъ.. да. (*Пауза*). А въ общемъ, папаша, мой девизъ—не унывай, братъ мастеровой.

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Тамъ же, вечеръ. Въ фонарѣ горитъ лампа. У стола сидитъ Табардинъ. Вокругъ разбросаны книги.

Табардинъ. Какая бессмыслица. Нелѣпость. Чортъ. (*Входитъ юрничная съ подносомъ, на которомъ сервированъ чай*). Послушайте, Маша, что сказалъ Семень Павловичъ. Онъ гдѣ ночуетъ, въ Москвѣ?

Маша. Нѣтъ, баринъ обѣщались съ послѣднимъ поѣздомъ приѣхать. Скоро должно быть.

Табардинъ. Который часть?

Маша. Да ужъ второй часть, баринъ.

Табардинъ. Любовь Павловна спитъ?

Маша. Всѣ спятъ.

Табардинъ. Да, вотъ еще что... Дарья Дмитріевна еще не вернулась?

Маша. Никакъ ихъ голосъ сейчасъ слышать.

Табардинъ. Хорошо, хорошо, уходите. (*Маша уходитъ; онъ прибираетъ книги, швыряетъ нѣсколько томовъ*). Чортъ знаетъ какой заваль. (*Идетъ къ балконной двери, за которой слышны голоса*). Даша, это ты?

Голосъ Даши. Къ тебѣ можно?

Табардинъ. Да, да, я тебя поджидаю.

Даша (*въ дверяхъ оборачивается назадъ*). Зайдемте.

Голосъ Заносскаго. Не хочу.

Даша. Я васъ прошу. Вы слышите, я хочу.

Табардинъ. Константинъ Михайловичъ, заходите. (*Заносскій входитъ*). Вы откуда?

Заносскій. Гуляли.

(Даша въ изнеможеніи, съ закрытыми глазами садится на диванъ, Заносскій на стулъ. Табардинъ хлопочетъ около чайника.)

Табардинъ. Я начинаю думать, что здѣсь маляріное мѣсто. Всего съ приѣзда прошло пять дней, а я чувствую себя больнымъ, опустошеннымъ. Голова туманная, вмѣсто мыслей какіе-то обрывки выскакиваютъ, точно кузнечики. Сажусь писать и все кажется мнѣ глубоко бездарнымъ, давно извѣстнымъ. Не могу найти нужной книги, кусаются комары, раздражаетъ каждый пустякъ.

Заносскій. Что-нибудь философское пишете.

Табардинъ. Такъ, одно изслѣдованіе. Планъ книги огромный. Но, собственно, для защиты диссертациі я готовлю третью главу „Разложеніе трагедіи въ драму девятнадцатаго вѣка“. А это интересно, пожалуй, и для васъ, какъ актера.

Заносскій *(сухо)*. Я никогда не читаю книгъ.

Табардинъ. Причину разложенія, потерю трагическаго пафоса я вижу въ измельчаніи любовной энергіи. Любовь нашего времени есть частное дѣло между двумя любовниками. Современная драма только приподнимаетъ занавѣску надъ альковомъ и показываетъ любопытнымъ тотъ или иной любовный анекдотъ, изъ котораго ровно ничего, кромѣ анекдота, и не вытекаетъ. Любовь въ античной трагедіи представляеть какъ міровое событіе. Въ немъ принимали участіе боги, оно устрашало народы. Да-съ. Обманутая Медея устремляется за мщеніемъ въ небеса и оттуда, съ окровавленной колесницы, бросаетъ любовнику останки своихъ дѣтей. А въ современной драмѣ ведутъ истерическіе разговоры, боятся выстрѣлить изъ пистолета, замахиываются и не ударяютъ. Здѣсь труситъ авторъ, не рѣшаясь подсыпать яду, труситъ актеръ слишкомъ рѣзкаго жеста, труситъ зритель, какъ бы его не одурачили. И все оттого, что любовь за двадцать вѣковъ разложилась, стала буржуазной и прибѣгаетъ къ помощи гражданскихъ законовъ, чтобы какъ-нибудь не оказаться пережиткомъ, выдумкой старыхъ поэтовъ.

Важнѣйшая ея часть, сущность любви, метафизика, предана насмѣлкѣ, поруганію, забвенію. Правду я говорю, Даша?

Даша. Я не знала, что ты занимаешься любовью; Никита. Хотѣлось бы мнѣ почитать, что ты можешь написать о любви.

Табардинъ. По-твоему, въ любви я ничего не смыслю. Мужъ я плохой, вѣрно. Въ любовники, пожалуй, не гожусь, а о любви напишу.

Даша. Но, надѣюсь, не почерпнулъ своихъ выводовъ изъ личнаго опыта. *(Пауза)*.

Табардинъ. Ты, Дашенька, старайся касаться болѣе обшихъ темъ.

Даша. Воображаю, ты надуваешь Любу и она устремляется въ колесницѣ на небеса, искать мщенія...

Заносскій. Хи-хи-хи.

Табардинъ. Что съ тобой сегодня?

Даша. Я спать хочу. Я устала. Мнѣ надоѣла любовь. Какое гнусное слово—любовь. Представляется окошечко, герань, кисейная занавѣска и за ней разомлѣвшая дѣвица вождельбеть, румянится, косится на окошко — не идетъ ли? Да придетъ онъ, придетъ, хоть не румянся.

Заносскій. Странныя понятія, Дарья Дмитріевна.

Даша. Ахъ, быть въ теперь старухой, нацѣпила бы фаншонъ. Вотъ воля-то...

Заносскій. Очевидно, вамъ нравится топтать въ грязь самыя возвышенныя чувства. Это смѣло, смѣло можетъ быть. Но благородно ли я спрашиваю. Не знаю.

Даша. Ахъ, будто бы ваши возвышенныя чувства потерпѣли крушеніе.

Заносскій. Моими чувствами живутъ тысячи людей. Да-съ. Плачутъ и смѣются. Я не позволю ихъ топтать въ грязь, выставлять на показъ передъ этимъ господиномъ.

Табардинъ. Послушайте, у васъ какія-то разоблаченія начались. Я лучше уйду.

Даша. Не уходи. Это нашъ обычный разговоръ.

Заносскій. Виноватъ. У меня достаточно гордости,

чтобы молчать. И хотя Дарья Дмитриевна, очевидно, привела меня сюда разоблачать — я молчу. *(Закрывает ротъ рукой)*.

Даша. Не грызите ногтей.

Табардинъ. Вотъ и чай готовъ *(Заносскому)*. Вамъ порѣпче.

Заносскій. Да. Мнѣ съ лимономъ и много сахара.

Табардинъ *(наливая Дашѣ чай)*. Ты странная женщина. Сидишь, едва живая отъ усталости, а колешься, какъ оса... Глаза у тебя строгіе и умные, но дикіе. Одичавшіе. Ты слышала, какъ поетъ черная оса, тоненько, будто ей ужасно печально. А сама подманиваетъ муху какую-нибудь лупоглазую. Откуда у тебя эта пронзительность появилась ужъ и не знаю. Я тебѣ въ чай варенье положилъ.

Даша. Никита, тебѣ нравится мой любовникъ?

(Заносскій роняетъ стаканъ).

Табардинъ *(въ ужасномъ смущеніи)*. Какой?

Даша. Вотъ этотъ.

Табардинъ. Какъ глупо. Ахъ какъ глупо. *(Размахиваетъ руками, уходитъ въ садъ)*.

Заносскій. Такъ вотъ для чего вы меня сюда привели?

Даша. Уходите. Вы мнѣ не нужны.

Заносскій. Знаете, Дарья Дмитриевна, знаете, Дарья Дмитриевна...

Даша. Возьмите шляпу, она упала подъ столъ. Уходите.

Заносскій. Все-таки ты была сегодня у меня, и завтра придешь... Ненавижу тебя. О, какъ я тебя ненавижу... *(Обнимаетъ ее)*.

Даша *(съ отчаяніемъ и злостью)*. Да оставьте вы меня, Господи.

Заносскій *(бышеннымъ шопотомъ)*. Наша страсть, наша любовь, безуміе наше, мука... Пойми, Даша. *(Цѣлуетъ ее)*.

Даша *(заплакала)*. Несчастный вы человекъ, Костенька. Идите домой.

(Заносскій схватываетъ шляпу и убѣгаетъ. Даша сидитъ въ углу дивана. Входитъ Табардинъ, не глядя на нее роется въ книгахъ).

Табардинъ. Я ищу Овидія. Куда завалилась.

Даша. Томикъ Овидія у меня въ спальной.

Табардинъ. Даша, что теперь будетъ?

Даша. А мнѣ все равно.

Табардинъ. Значитъ, ты уходишь?

Даша. Куда?

Табардинъ. Ну, къ этому... къ актеру...

Даша. Я его не люблю. Ты видѣлъ.

Табардинъ *(садится на диванъ, за стѣной слышны шаги)*. У Конкордіи Филипповны опять зубы болятъ. *(Пауза)*. Дѣло въ томъ, что я привыкъ тебя уважать.

Даша. Отвыкнешь. *(Пауза)*.

Табардинъ *(въ тоскѣ)*. Удивительно неприятно.

Даша. Ты-то чего. Я не твоя жена, ни съ какого бока тебя не касаюсь. Не все ли тебѣ равно, выполняю я клятвы, данныя передъ алтаремъ, или греплю юбки. Очевидно, я развращенная и родилась. Мнѣ двадцать семь лѣтъ. Конкордія Филипповна называетъ меня сытой самкой. Много ѣмъ сладкаго, ну и вотъ, получился актеръ. Иду спать. Прощай.

Табардинъ *(схватываетъ ее)*. Подожди, ради Бога. Такъ нельзя уходить. Это ужасно. Я не хочу. Я больше такъ не могу.

Даша. Что ты не можешь?

Табардинъ. Ты всегда казалась мнѣ совершенной, Даша. Въ тебѣ было какое-то затягивающее очарованіе...

Даша *(истинно)*. Только не вздумай жалѣть меня. Слышишь. Я убѣгу.

Табардинъ. Мои мысли всегда были поглощены работой. Я говорилъ: хорошо, когда одолѣю книгу, тогда начну жить внимательно. Мнѣ было покойнѣе знать, что ты неподалеку, что я всегда могу тебѣ прочесть написанное, поговорить. Да, что тамъ, сидѣть вечеромъ, молчать, слушать

тебя... Помнишь, какъ прошлое лѣто мы уходили смотрѣть закатъ.

Даша. По дорогѣ во ржи. Помню.

Табардинъ (*стоя передъ Дашей*). До смерти не забуду этихъ закатовъ за рѣкой. Появлялись какіе-то берега, съ небывалыми, изумительными водами и въ нихъ острова, красные, какъ угли, а дальше города, пальмы. Точно настъ заманивали въ райскую страну. (*Даша вздыхаетъ*). Дорога шла рожью, потомъ въ лѣсокъ съ бѣлыми грибами. Помнишь?

Даша. Помню.

Табардинъ. Такъ зачѣмъ же эта отвратительная нелѣпость... актеръ. Гнусная обезьяна. Подумайте, онъ касался тебя...

Даша. Что же подѣлаешь. Пришлось.

Табардинъ. Ничего тебѣ не пришлось. Не вѣрю. Ты лжешь съ самага часа моего приѣзда. Ты измучила меня. Скажи, что произошло? Даша, ты знаешь, я никогда не ревновалъ тебя къ Семену, онъ мужъ, онъ въ правѣ, въ порядкѣ вещей и ты все равно оставалась чиста...

Даша (*поднявшись*). Мнѣ ужасно не нравится нашъ разговоръ.

Табардинъ. Ты была мнѣ самымъ нужнымъ, самымъ прекраснымъ другомъ...

Даша (*перебивая*). Я была подъ рукой, не далеко и не очень близко. Не беспокоила излишне, а при случаѣ доставляла много невинныхъ удовольствій. Скажемъ, какъ томикъ со стихами про закатъ и прочее. Въ одну прекрасную минуту мнѣ все это надоѣло. Видишь ли, я стала бояться, какъ бы ты не назвалъ меня своимъ ангеломъ хранителемъ. На эти роли я не гожусь.

Табардинъ (*кричитъ*). Ты говоришь чепуху. Ты нарочно не хочешь меня понять.

Даша. Попробуй Любу взять себѣ въ ангелы. Чего лучше, спокойно и удобно. У Любочки такіе небесные глазки.

Табардинъ. Зачѣмъ опять говоришь о Любѣ? Ты поврала ея карточку... Даша, неужели...

Даша. Пусти, не люблю тебя.

Табардинъ. Она не виновата. Она простая женщина, милая, трогательная. Мнѣ трудно поступить жестоко. Будь справедлива... Даша...

Даша. Пусти мое платье.

Табардинъ. Куда ты увлекнешь меня. Милая, милая. Зачѣмъ ты такъ сжала губы. Тебѣ больно. Взгляни на меня. (*Пауза*). Я тебя люблю, Даша.

Даша. О чемъ ты говоришь, Господь съ тобой. (*Быстро идетъ къ дивану, заплакала громче, ложится. Табардинъ въ смятеніи, схватываетъ было воду, но бросаетъ стаканъ, опускается у дивана и кладетъ на него голову. Появляется Люба, въ клоуны*).

Люба. Послушайте, вы никому не даете спать. (*Пораженная*). Что это значить. (*Табардинъ поднимается*). Хороши позы. (*Хохочетъ*). Можно подумать—супружеское объясненіе. (*Сидится*). Ну-съ, въ чемъ же у васъ дѣло, слушаемъ. И костюмы, кажется, въ безпорядкѣ. (*Смѣется*).

Табардинъ. У Даша очень тяжелое настроеніе. Иди. Намъ нужно еще договорить.

Люба. Ты, кажется, гонишь меня.

Табардинъ. Я скоро приду.

Люба. Дашины настроенія мнѣ всѣ извѣстны. Ничего оригинальнаго. Удивляюсь только, что эти настроенія разрѣшаются по ночамъ, въ отсутствіи Семена.

Табардинъ. Ты раздражена. Поди, лягъ и успокойся. Мы будемъ разговаривать тихо.

Люба. Если хочешь моего мнѣнія, то причина всѣхъ Дашиныхъ настроеній очень простая—неряшливость.

Табардинъ (*кладетъ ей руку на голову, мягко*). Я знаю, ты справедливая и добрая. Успокойся. Намъ всѣмъ нужно сейчасъ много силы и спокойствія.

Люба. Не трогай мою прическу. Не уйду и не успокоюсь. Я не дура. (*Даша*). Ошибаешься, милая моя, въ расчетъ. Мой мужъ не какой-нибудь Костенька Заносскій. Твои „роковые“ приемы намъ только смѣшны. Вчера еще ночью мы надъ тобой хохотали.

Табардинъ. Неправда.

(Даша садится прямо, внимательно глядит на Любу).

Люба *(быстро)*. Вчера ночью, въ постели, чуть не подавилась отъ смѣха.

Табардинъ. Лжешь.

Даша *(со сдержанной яростью)*. На другой день, какъ уѣхалъ Никита, Бѣлокопытовъ и ты...

Табардинъ *(постынно)*. Люба, можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, знай это заранѣе.

Люба *(мужу)*. Ты ей повѣрилъ? Тебѣ не стыдно! *(Дашь)*. А гдѣ у тебя доказательства? Письма? Свидѣтели?

Даша *(Любу)*. Ты не смѣешь упрекать его ни въ чемъ. Ты не смѣешь.

Люба *(мужу)*. Пойдемъ сейчасъ на дачу Бѣлокопытова. Онъ пишетъ мой портретъ. Слушай, я требую, чтобы ты сейчасъ же пошелъ со мной къ Бѣлокопытову.

Табардинъ *(холодно)*. Не волнуйся. Я тебѣ вѣрю.

Люба *(Дашь)*. Лгунья. *(Мужу)*. Котикъ, совсѣмъ свѣтло. Я хочу, чтобы ты меня приласкалъ. Я такая вспыльчивая. *(Подходитъ къ Табардину, ласкается)*.

Табардинъ *(съ омерзѣніемъ отстраняясь)*. Застегни капоть. неприлично.

Люба *(раздраженная, сквозь слезы дразнитъ)*. неприлично... неприлично... Предъ кѣмъ это неприлично?

Табардинъ *(подходитъ къ Дашь)*. Тебѣ лучше уйти.

Даша. Нѣтъ. Я останусь до конца.

Люба *(плачетъ)*. Я всегда знала, что ты сдѣлаешь меня несчастной. *(Показывается Конкордія)*. Мама, мама.

Конкордія. Подожди... Гдѣ я? Въ интеллигентномъ домѣ, или это притонъ разврата. Или я, дѣйствительно, отстала отъ вѣка, ополоумѣла, старая кукушка. *(На Табардина)*. Этотъ приженъ къ свояченицѣ пристаеъ. *(Дашь)*. Эта сударыня... ужъ ты прости меня за русское слово—гетера. Ну-съ, объясните мнѣ „старому вороньему пугалу“ на чемъ же вы порѣшили?

Люба. Мама, убирайся отсюда. Ты все портишь.

Конкордія. Ахъ, я тебѣ не нужна. Уѣду, не бойся. И навсегда, на этотъ разъ. Но, ужъ извини, выскажу всю правду. Наболѣло. *(На Дашу)*. Вотъ въ комъ все зло. Трутень аморальная личность. Разстлеиваетъ все, къ чему прикоснется.

Табардинъ. Дѣйствительно уходите, Конкордія Филипповна.

Конкордія. Не волнуйся. Тебя я, пожалуй, меньше всего виню. Ты просто изъ рыхлаго тѣста. Но жениться не имѣлъ никакого права. *(На Любу)*. До чего ее довелъ. Она была у меня идейная дѣвушка, стремилась на курсы. На что стала похожа? Не выльзаетъ изъ корсета, пудрится до полусмерти, и наконецъ пріятель завелся. Мазила какой-то.

Люба. Мама... Ты глупая, мерзкая женщина...

Табардинъ *(швыряетъ тлѣющую книгу)*. Перестаньте...

(Тишина).

Конкордія. Моя совѣсть спокойна... по крайней мѣрѣ. *(Идетъ къ двери)*. Маша. Бѣги за извозчикомъ. Больше рубля не давай. *(Проходитъ къ себѣ)*. Лишай на общественномъ организмѣ.

Люба *(робко)*. Я даже не понимаю, какъ это со мной случилось. Просто со мной несчастье случилось, въ родѣ, какъ собака укусила. Нельзя оставлять молодую женщину одну на цѣлый мѣсяцъ. *(Плачетъ)*. Я такая глупая, я же не понимаю, чего отъ меня хотятъ.

Табардинъ *(беретъ ее за локоть, ведетъ къ дверямъ)*. Иди къ себѣ.

Люба. Придешь?

Табардинъ. Не знаю. *(Люба уходитъ. Табардинъ подходитъ къ Дашь)*. Вотъ видишь какая штука.

Даша. Дай мнѣ папиросу. *(Беретъ и, сломавъ, бросаетъ)*. Отвратительно, когда женщина курить. *(Показываетъ на диванъ)*. Сядь.

Табардинъ. Разрывъ съ Любой представляется мнѣ долгимъ и мучительнымъ. Какъ все стремительно оборвалось. Знаешь, мнѣ легко. Во мнѣ всегда была тоска по любви.

Но казалось — любовь не осуществима, не для меня. Этот разговор съ Любой — послѣдній. Конечно. Даша, ты казалась мнѣ недоступной, оболстительной.

Даша (*быстро встает*). Прошу тебя — подними шторы, открой окна.

Табардинъ (*распахиваетъ окна*). Кажется, сейчасъ изъ головы начнетъ валить парь, или я сойду съ ума. Меня давило миллионъ пудовъ и вдругъ ихъ сняли. Смотри какое утро.

Даша. Дачные пѣтухи поютъ.

Табардинъ. Даша, ты плачешь. О чемъ?

Даша. О твоихъ словахъ.

Табардинъ. Какое грустное, какое милое у тебя лицо...

Даша. Я помню очень давно, до замужества, мы съ папой были въ Вѣнѣ. Вечеромъ, на Пратерѣ, горѣло много огня, за деревьями играла музыка. Печально и торжественно пѣли трубы. Ходили изящные люди и внизу катился Дунай весь въ закатномъ свѣтѣ. У меня билось сердце и казалось — въ жизни случится что-то изумительное... (*Пауза*). Никита, прошлымъ лѣтомъ я сдѣлала синее платье, чтобы тебѣ понравиться.

Табардинъ. Да, да, синее съ бѣлымъ воротничкомъ. И строгіе изумительные глаза. А, помнишь, ты сказала: „тебѣ не кажется, что этотъ вечеръ уже былъ въ нашей жизни когда-то“. Мы шли по межѣ, во ржи.

Даша. Мнѣ хочется, гдѣ бы ты не былъ, съ кѣмъ бы ты не жилъ, не забывай меня такой, Никита.

Табардинъ. Ты любишь меня? (*Она молчитъ*). Даша... Это ты, та самая Даша. (*Обнимаетъ ее, она внезапно освобождается*).

Даша. Что ты дѣлаешь. (*Отходитъ*). Ты забылъ. Я — нечаящая. Никита, я — поганая. (*Пауза*). Ты бы ушелъ. Уйди въ садъ.

Табардинъ (*костяющимъ языкомъ*). Я люблю тебя. Слышишь.

Даша. Будемъ лучше молчать.

Табардинъ (*страстно*). Я убью этого актера.

Даша. Зачѣмъ же его. Тебѣ меня хочется убить, дружокъ. Дружокъ... Ты слишкомъ поторопился. Успокойшься, а завтра утромъ станетъ ясно, что цѣловаться намъ — нельзя. Хорошо. Еще отвратительнѣе, чѣмъ мнѣ съ актеромъ.

Табардинъ. Я хочу, чтобы мы были выше, понимаешь — выше и чище..

Даша. Выше и чище... Лить дождикъ, я прибѣжала къ актеру, потребовала шампанскаго, разговаривала съ нимъ цыганскимъ голосомъ, честное слово.

Табардинъ (*сквозь зубы*). Замолчи, замолчи... Это нужно забыть совсѣмъ.

Даша. Тебѣ я нужна нетронутая, чистая. А во мнѣ сейчасъ однѣ лужи. Мнѣ нечѣмъ больше тебя любить, я боюсь тебя любить. (*Съ усмѣшкой, тихо*). Частное дѣло между двумя любовниками.

Табардинъ. Какая жестокость. Какъ это все жестоко и не нужно...

Даша. Хорошо бы завести автомобиль въ сто двадцать силъ и макинтошъ — чѣмъ страшнѣе, тѣмъ моднѣй, и катать по Европѣ. Опустошенная, наглая, веселая... Вотъ я — вся. Никита, прости меня.

Табардинъ. Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? Мнѣ — больно. Мнѣ ужасно, что ты Даша... Моя Даша... Такъ обыкновенно, какъ всѣ сорвалась... Не могу жить... Не хочу жить... Невозможно... Дышать мнѣ нечѣмъ... (*Выдвигаетъ ящикъ стола, беретъ револьверъ. Даша кидается къ нему*).

Даша. Отдай. Не смѣй. Отдай сію минуточку. Ну, отдай же, милый. Разожми руку. Вотъ такъ. Мальчикъ мой старенькій. Можно ли дѣтямъ давать такія опасныя вещи. (*Она прячетъ револьверъ за платье, она стоитъ закрывъ лицо руками*). Ну, прости меня. Я сама не знаю, что говорю.

Табардинъ. Уйди, Даша.

Даша. Уйду, уйду. Только ты успокойся.

Табардинъ. Я спокоенъ.

Даша. Я не хочу, чтобы ты страдалъ. Я сдѣлаю все. Я

стану лучше. Я какъ-нибудь постараюсь быть чистой. Можетъ быть мнѣ удастся все осилить. А если не осилю.. Никита, счастье умереть за твою любовь.

(Въ балконныхъ дверяхъ появляется Хрустаковъ, обремененный кулками и свертками).

Хрустаковъ. Ну и чортъ, дорога. На извозчикѣ прямо изъ Москвы. Ай-ай. Четвертый часъ, господа, а у васъ лампы горять. И керосинъ жжете, и дачникамъ соблазнъ. *(Поднимая свертки)*. Два раза со всѣмъ этимъ буторомъ угодилъ въ канаву.

Даша. Ахъ, какъ это все несочно. *(Сдержавшись)*. Зачѣмъ ты столько накупилъ?

Хрустаковъ. Что ты, матушка. Да вѣдь завтра день твоего рожденія. Я и гостей позвалъ.

Даша. Этого еще недоставало! Я уйду изъ дома.

Хрустаковъ *(роняетъ свертки)*. Вотъ тебѣ барбарисъ. Ахъ, чортъ, погибла бѣлорыбица, Кошмаръ. Конецъ этому дому. *(Упавшимъ голосомъ)*. Даша, а я тебѣ, въ чайномъ магазинѣ, зашелъ кофейничекъ купилъ никелевый, со свисткомъ.

Даша. Ахъ, Боже мой. Хорошо, хорошо, будетъ все, какъ ты хочешь.

Хрустаковъ *(подбирая свертки)*. Ну-то-то. Ахъ, горячка. Пригласилъ я, Дашенька, небольшую, но теплую компанію. Будетъ пресвесело, увидишь. Ну—дѣти, спать надо. Спать. Никита Алексѣвичъ, ты какъ насчетъ мумма-кордонъ-вэръ.

Табардинъ. Оставьте меня.

Хрустаковъ *(подхватывая Дашу)*. Идемъ, идемъ, у нихъ „нервы“...

(Даша и Хрустаковъ уходятъ).

Табардинъ *(одоюнку)*. Я уѣзжаю завтра...

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Садикъ передъ дачей. Прямо въ глубинѣ терраса и стеклянная дверь въ комнату перваго акта. Направо бесѣдка. Налѣво заборъ съ калиткой. Въ саду Маша накрываетъ столики, около нея Хрустаковъ. Дворникъ привязываетъ проволоку для бумажныхъ фонариковъ. Время передъ закатомъ.

Хрустаковъ *(Маша)*. Какъ ты вилки кладешь. Ты ихъ крестомъ кладешь. Вѣдь такъ несчастье можетъ случиться. Передъ каждымъ кувертомъ ставь меню. Гость долженъ понимать чего ѣсть. Когда блюдо поднесешь—не тычь ему въ ухо, или въ затылокъ, а говори: не угодно ли вамъ откушать уха, или сѣдла бараньяго, или—вотъ котлеты дю-воляй. А молча онъ и дома налопается. *(Дворнику)*. Да выше, выше зацѣпи за сучокъ. Гости у меня всѣ фонари головами пощибаютъ. Да не лѣзь ты въ клумбу. Эхъ, весь садъ испоганилъ...

(Появляется Алпатовъ).

Алпатовъ. Даши нигдѣ нѣтъ.

Хрустаковъ *(поправляя цвѣты)*. Ахъ, черти окаянные.

Алпатовъ. Въ спальной разбросанъ весь гардеробъ. Очевидно она уже одѣлась. Забѣйте—она одѣвалась не меньше двухъ съ половиной часовъ. Семень Павловичъ, что здѣсь происходитъ?

Хрустаковъ. А то происходитъ, что хоть все бросай свиньямъ собачьимъ.

Алпатовъ. Всю ночь были крупные разговоры. Затѣмъ Конкордія Филипповна, уѣзжая, подошла къ моей двери и

крикнула нѣсколько рѣзкихъ фразъ. Я былъ въ одномъ бѣльѣ и могъ только высунуться. Вы не находите что нашъ приватъ-доцентъ.. Гм.. Ведеть себя двусмысленно. Я ничего не утверждаю, но мнѣ жаль бѣдняжку Любовь Павловну. Она ходитъ за мужемъ весь день съ такими умоляющими глазами, что я право готовъ вмѣшаться.

Хрустаковъ. Патологическая семейка. Если я до сихъ поръ еще не сдохъ, то это чудо. (*Льзеть на табуретъ, подблзываетъ фонари*). Со вчерашняго дня мечусь, какъ бѣсъ. Молока нѣтъ, перцу нѣтъ. За булками только сейчасъ побѣжали. Я все покупай, я волоки на дачу пятьдесятъ пять кульковъ, вина, закуски, фейерверкъ, тортъ. Все это течеть, опасно для жизни, а здѣсь—дача настезъ, никого не дозвешься, мать въ истерикѣ скачетъ въ Москву. Позвольте васъ спросить,— для какихъ океанныхъ дьяволовъ я стараюсь.

Алпатовъ. Да, грустно, грустно.

(*Береть газету. Появляется Люба*).

Хрустаковъ. То-то и оно-то.

Люба. Братъ.

Хрустаковъ. Ну.

Люба. Онъ опять куда-то ушелъ.

Хрустаковъ. А наплюю я на всѣхъ васъ когда-нибудь, честное слово.

Алпатовъ (*развертывая газету*). Такъ-съ. А я еще сегодня газетъ не читалъ, представьте.

Люба. Братъ, Никита не хочеть мнѣ простить. Онъ уѣзжаетъ.

Хрустаковъ (*у котораго падаетъ фонарь*). Не пищи ты, Христа ради, подъ руку. (*У него падаетъ второй фонарь*). Комары эти еще привязались.. Подай мнѣ фонари.

Люба. Поговори съ нимъ.

Хрустаковъ. Уѣзжаетъ, значить—сама виновата. (*Слзаетъ съ табуретки, омядываетъ фонари*). Получилось что-то китайское. (*Береть табуретку и несетъ ее въ домъ*).

Алпатовъ. Вы знаете, колоссальныя событiя въ газетахъ.

Хрустаковъ. Въ газетахъ всегда событiя. На то онѣ и газеты. (*Уходитъ*).

Алпатовъ. Какой вашъ братъ оригиналъ.

Люба. Не знаю, чѣмъ мой братъ оригиналъ. Не глупѣ многихъ другихъ.

Алпатовъ (*засмзляся*). Милая барышня.. милая барышня.

Люба. Я не барышня—дама.

Алпатовъ. Всю жизнь я вѣрилъ въ русскую женщину, въ ея отзывчивую чуткую натуру. Я никогда не былъ близокъ съ мужчинами. Меня цѣнили и понимали только дамы.. Любовь Павловна, мнѣ до слезъ больно на васъ смотрѣть. Вы любите человѣка недостойнаго и жестокаго. Вашъ мужъ—фать.

Люба. Что вы ко мнѣ цѣлый день лѣзете. Какъ вы смѣете про мужа говорить гадости. Лучше присматривайте за вашей Дашей, она очень хороша.

Алпатовъ. Ай-ай-ай.. кипятокъ. (*Поправляетъ бороду*). Вотъ и еще разъ Дмитрiй Алпатовъ всѣхъ раздражилъ, всѣмъ въ тягость. Не тѣ люди, не тѣ времена.

(*Входитъ Табардинъ съ книжкой*).

Табардинъ. Люба, твой голосъ слышенъ у воротъ. (*Алпатову*). Гдѣ Даша?

Алпатовъ (*вытянувъ шею*). Даша? Что-съ? Не имѣю чести знать. (*Уходитъ*).

Табардинъ (*не глядя на Любу*). Я бы не хотѣлъ никакихъ объясненiй, Люба.

Люба. Никита, ты завтра ѣдешь?

Табардинъ (*остановился, коротко*). Да.

Люба (*вздыхаетъ*). Куда? Въ Крымъ?

Табардинъ. Въ Москву.

Люба. Надолго, Никита?

Табардинъ. Не знаю.

Люба. Тебѣ нравится мое платье? Ты любишь голубой цвѣтъ.

Табардинъ. Нравится.

Люба. Какой красивый закатъ. *(Тихо)*. Совсѣмъ, совсѣмъ меня разлюбилъ.

Табардинъ *(возвращаясь)*. Ты никакъ не можешь понять, Люба, что я уѣзжаю не потому, что ты цѣловалась съ какимъ-то Бѣлокопытовымъ.

Люба. Я его ненавижу, честное слово. Я даже не считаю это измѣной. Просто потемнѣніе какое-то...

Табардинъ. Я не ревную и не оскорбленъ, Люба, я просто несчастенъ.

Люба. Думаешь, я не замѣчала, какъ ты приглядываешься къ Дашѣ. Терпѣла же. Но, когда ея распущенность перешла всякія границы, не могу молчать, извини. Теперь самъ видишь какъ можно полагаться на женщину. Всѣ одинаковы, милый мой. На такую еще нахапку нарвешься, затакаешь по магазинамъ, какъ пивка. И думаешь,—другія за тобой ухаживать стануть. Да съ твоимъ кишечникомъ тебя задущать на одной жирной пищѣ. Я не могу тебя оставить на произволь. Только такія, какъ Дарья, швыряются мужьями...

Табардинъ. О Дашѣ ты мнѣ поминать больше не смѣешь.

Люба. Почему это я должна молчать! Вотъ еще.

Табардинъ. А потому, что я слишкомъ долго притворялся, что долженъ тебя любить. Я не хочу больше лгать. Я не хочу быть справедливымъ.

Люба. Никита, опомнись.

Табардинъ. Я не опомнюсь. Я не хочу говорить вѣжливо съ тобой, когда мнѣ хочется кричать. Я слишкомъ долго сидѣлъ въ грязи. Я не хочу благополучія и смиренія. Я виноватъ передъ тобой и твоей семьей. Я гнусенъ, грѣшенъ и пустъ. И ты мнѣ отвратительна сейчасъ. *(Отходитъ)*.

Люба. Господи, тамъ все слышно.

(Входитъ Даша).

Даша. Я не опсздала? Никого еще нѣтъ. Столъ накрытъ. Нужно зажигать фанари. Маша! Маша?

Табардинъ *(оборачиваясь, сдерживая волненія)*. Гдѣ ты была?

Даша. У вечерни.

Табардинъ. Въ церкви?

Даша. Да. А потомъ долго сидѣла въ паркѣ. Здѣшняя церковь совсѣмъ новенькая, бревенчатая и пахнетъ смолой. Кромѣ меня были только двѣ няньки, нашъ зеленщикъ и стриженные мальчики. Они стояли на колѣняхъ и глядѣли священнику въ ротъ. *(Входитъ Маша)*. Зажгите фанари.

(Маша зажигаетъ).

Люба. Молилась. Воображаю.

Даша. Я молилась о томъ, чтобы съ этой минуты не лгали.

Люба *(зисмѣялась)*. Удивительно.

Даша. Мы жили сносно и дружно только оттого, что лгали другъ другу во всемъ, всегда. Чтобы не обидѣть, чтобы самому было спокойно, чтобы люди не осудили. Такъ вотъ пусть съ нынѣшняго дня будетъ совсѣмъ не спокойно, и не удобно, и не прилично.

Люба. Да, да, да, да. Это новыя штучки готовятся.

Даша *(печально)*. У тебя горько подъ языкомъ,—такъ ты сейчасъ ненавидишь меня, Люба.

Люба. Я бы тебя попросила оставить мой языкъ въ покоѣ. *(Мужу)*. Я не уйду отсюда, такъ ты и знай.

Табардинъ. Даша, я могу спросить? Ты мнѣ отвѣтишь?

Даша. Да.

Табардинъ. Такое твое рѣшеніе... Все что съ тобой сейчасъ, твои слова... Даша... Это отъ любви.

Даша. Ты хочешь сказать: загѣли во мнѣ трубы... зовутъ—вернись моя чистота... *(Смѣется)*.

Люба. Теперь я поняла,—это шантажъ.

Голосъ Хрустакова. Черти окаянныя! Люба, Люба.

Меня задушили воротникъ. Какой идиотъ выдумалъ завязанные галстуки. *(Появляется на балконтъ. Табардинъ въ это время медленно уходитъ въ клубъ сада).* Даша, ну наконецъ-то. Развѣ можно такъ пропадать. Завяжи, пожалуйста, галстукъ.

Даша. Можетъ быть Люба лучше завяжетъ.

Люба. Семень, скажи разъ и навсегда, кто здѣсь хозяйка: я или она?

Хрустаконъ. Тише ты, овца. Сейчасъ придутъ. Бѣги, пудрись. Глазищи наревѣла, всѣхъ гостей перепугаешь..

Люба. Всѣ вы эгоисты, грубияны... Ненавижу.. *(Уходитъ въ домъ).*

Хрустаконъ *(которому Даша завязываетъ галстукъ).* А я ужъ собрался гостямъ отказъ посылать.. Ты, пожалуйста, будь любезнѣе. Люди милые, простые... Да нельзя же такъ туго затягивать... Представь, эта дура Матрен аперепакостила селедки. И ей говорилъ: ты съ горчицей и покрѣпче... Завязала?

Даша. Семень, ты простой, хороший, честный человекъ. Я была тебѣ плохой женой.

Хрустаконъ. Ну вотъ, чего тамъ разбирать. Дай ка я тебя поцѣлую, душа моя..

Даша. Я сдѣлала тебѣ много, очень много зла. Я порочная, невѣрная, дурная жена. Всѣ семь лѣтъ я мечтала...

Хрустаконъ. Кто старое помянетъ... Завязала. Мерси.

Даша *(распуская галстукъ).* Я завяжу еще лучше.

Хрустаконъ. И такъ было хорошо, ей-Богу.

Даша. Всѣ семь лѣтъ я мечтала о другомъ человекѣ. Ночью лежала рядомъ съ тобой и разжигала себя думами о любви къ кому-то, кого еще не знала, но хотѣла. Онъ казался мнѣ совершеннымъ. Я слушала твое дыханіе и плакала отъ отчаянія.

Хрустаконъ. Подожди. Все это я замѣчалъ. Но къ чему ты сейчасъ это говоришь? Ты фантазерка, это мнѣ какъ разъ и нравится, перчикъ такой, кайенский..

Даша. Когда Никита пришелъ къ намъ въ домъ, онъ

былъ тотъ, о комъ я мечтала. Подумай, жить рядомъ съ нимъ три года, какая мука, какой грѣхъ...

Хрустаконъ. Мнѣ Люба про что-то другое болтала...

Даша. Вотъ тутъ-то и наступаетъ мой самый кошмаръ, грязь, мракъ, ужась...

Хрустаконъ *(задыхаясь).* Дашенька, уволь. Вижу, ты зовешь очиститься, стать честной передо мной, а дѣлаешь очень больно. *(Пауза).* Я тебя, дѣтка, и грязненькую люблю. Такая ты мнѣ ближе. Самъ-то я, думаешь, хорошъ? Помирать буду, ты ко мнѣ приди, все расскажу. *(Оглядывается на домъ).* Вотъ какія были дѣла. *(Сжавъ кулакъ, зажемурился, всхлипнулъ).* Даша, ты была мнѣ женой, и на томъ спасибо.

Даша. Ну, не плачь. Дай я тебѣ рубашку поправлю. Вотъ такъ. Ты очень представительнень въ новомъ пиджакѣ.

Хрустаконъ. Я, знаешь, черезчуръ набѣгался. *(Вынимаетъ платокъ, изъ кармана вываливается карточка).* Вотъ, со всѣмъ забылъ. Понимаешь, гостямъ по почтѣ послано меню: раки бордолезь, уха; сѣдло баранье, салатъ писанли, котлеты дюваляй, бомбъ глясэ, кофе и выпивка. А на обратной сторонѣ стишки: „Въ день рожденія жены, гости всѣ поражены“ Нравится? Самъ придумалъ. *(Входитъ Табардинъ).* Не сшиби фонарь.

Табардинъ. Что?

Хрустаконъ. Пить будешь?

Табардинъ. У тебя, кажется, крѣпкія папиросы. Дай мнѣ нѣсколько штукъ.

Хрустаконъ *(вынимаетъ портсигаръ).* Бери все. Никита, хороший ты, все-таки, человекъ, ей-Богу. Дай-ка тебя обниму. *(Трясетъ за плечи).* Друзья мы съ тобой, друзья. Другъ друга уже не выдадимъ, а?

Табардинъ *(съ трудомъ).* Нѣтъ, мы не друзья, Семень. Хрустаконъ. Такъ. Вотъ что я придумалъ: выпьемъ. *(Наливаетъ).*

Табардинъ. Да. Мнѣ холодно.

Хрустаконъ. Кричать июль, июль, а вечеръ смотри какой сырой.

Табардинъ. Семень, я уѣзжаю отъ васъ навсегда...
Хрустакъ. Понимаю. Нехорошо. Горько. Вообще...
такъ какъ-то... Ты ее все-таки прости, овцу. Да вѣдь еще
вернешься. Но задерживать не смѣю. Эхъ, грѣхи. Дашенька,
выпей-ка и ты. Который годокъ-то стукнулъ? Двадцать семь.
Старуха моя. *(Чокаются).*

Даша *(беретъ бокалъ)*. За твое здоровье, Никита.

Хрустакъ. Да, за твое здоровье, Никита. *(Смываетъ
въ лубинѣ дома звонокъ)*. Эге, идутъ. Ну, я побѣжалъ. *(Уходитъ)*.

Даша. Не люблю, когда жалко. Щечокъ въ носу, пред-
ставляется, что вотъ человѣкъ беззащитенъ, обиженъ, начи-
наетъ старѣть, а я мучаю его. Все это неправда. Семень по-
силнѣе насъ съ тобой. Закованъ въ такое добродушіе, ни-
чѣмъ не прошибешь. Ну, довольно. *(Глядитъ на вино въ бо-
калъ)*. Никита, тебѣ не кажется, что я сошла съ ума.

Табардинъ. Мы оба, Даша, немного сошли съ ума.

Даша. Послѣ вечерни мнѣ стало вдругъ такъ легко, такъ
легко, точно я на полъ аршина надъ землей. Если выстрѣ-
лить, то пуля пройдетъ сквозъ грудь, какъ черезъ облако.
Говорятъ, когда человѣкъ умираетъ, душа его летитъ быстро,
высоко. Такъ ей хочется наконецъ полетать... *(Показываетъ на
кактъ)*. Побывать вонъ тамъ, окунуться въ небесныя воды...
А потомъ душа все же вернется къ тѣлу, хоть и мертвому...
А если любишь другого человѣка больше, чѣмъ себя, больше
всего, то душа вернется къ нему. Онъ живетъ, а ты прислу-
шиваешься къ его мыслямъ, онъ заснулъ, приляжешь около
и зачочешься, чтобы онъ почувствовалъ, какъ ты близко.

Табардинъ. Даша, ты должна отдать мнѣ револьверъ.
(Пауза). Ты не хочешь понять меня. Вчера слишкомъ много
всего свалилось, и я не выдержалъ, растерялся, назови какъ
хочешь. Точно толкнулся, и я полетѣлъ куда-то, гдѣ все
ново, гдѣ нѣтъ ни одной установленной мѣры.

Даша. Ты у меня подъ самымъ сердцемъ сейчасъ, такой
родной. Я люблю тебя съ тѣхъ поръ, когда ты былъ со-
всѣмъ маленькимъ и пилъ молоко.

Табардинъ. Я безконечно волнуясь, думая о твоей

жизни, Даша, я чувствую, какъ ты ускользаешь, какъ ты
уходишь отъ меня. Я вынесу какія хочешь муки, только будь
со мной навсегда. Прости.

Даша. Когда станешь старый старичокъ,—будешь ворчать
всегда и зябнуть, тебя придется укутывать пледомъ. Зато
на душѣ будетъ ясно и всѣ страсти, вся горечь отойдутъ,
какъ дымъ... Какъ мнѣ легко сейчасъ, Никита. *(Показываетъ
на труду)*. Здѣсь точно бьется пчелка, бьется и жалить.

Табардинъ *(опускается передъ ней на колѣни, обхваты-
ваетъ, принадлежитъ къ ногамъ)*. Я не понимаю тебя. Люблю те-
бя. Тоска смертельная.

Даша. Встань. Зачѣмъ ты смущаешь меня.

Табардинъ. Даша, уѣдемъ.

Даша. Ты хочешь простить мой грѣхъ. Любить меня
грязную, примириться. Неужели и тебѣ тоже все равно. Че-
ловѣкъ мой, Никита. Дай мнѣ освободиться. Пусть страстью,
пусть злостью, пусть гибелью, но я должна содрать съ себя
всю кору, всю грязь.

Табардинъ. О чьей смерти, о чьей смерти ты говоришь
все время?

Даша. Ты знаешь.

*(Появляется первый юсть, толстякъ. Смотритъ на фонари и
лицо его расплывается отъ удовольствія. Читаетъ карточку)*.

Толстякъ. „Раки бордолезъ“... Гмъ. Уха, баранье сѣдло,
салатъ писанли... „Ого“. Кофе, выпивка... Такъ. Увидимъ.

*(Въ задумчивости останавливается передъ столомъ. Даша по-
даетъ бесѣдку. Табардинъ уходитъ въ садъ. Даша подходитъ къ
Толстяку)*.

Даша. Вамъ очень хочется кушать?

Толстякъ *(вздрагиваетъ, оборачивается)*. Дарья Дмитріевна,
поздравляю, мамочка... *(Прослезясь, цѣлуетъ руки)*. Отъ души.

Даша. Кузьма Кузьмичъ, вамъ перцовки, рябиновой или
простой?

Толстякъ *(бормочетъ)*. Я перекусилъ, признаться... Хотя.

если перцовочки... Ну, а какъ супругъ. Душевно васъ всѣхъ люблю. Какъ здоровье ваше драгоценнѣйшее?

Даша (*ведетъ ея къ закусочному столу*). Къ водкѣ нуженъ сандвичъ не простой. Положу-ка я вамъ на гренокъ ломтикъ рябчика, кусочекъ помидора, тончайшій кольчикъ луку, ветчины, икорки и все это накрою устрицей. Готовьте ротъ. Ну?

Толстякъ. Удивительно.

Даша. Теперь сами видите, что стоило ко мнѣ придти.

Толстякъ. Да, матынька моя. Ручку. Стоило, ей Богу, стоило приходиться. Ахъ, забавница. Ахъ, егоза ивановна.

(*Въ саду появляется Шунькина. Даша идетъ къ ней. Толстякъ направляется къ балкону, идъ виденъ Хрустаковъ*).

Хрустаковъ. Кузьма Кузьмичъ, сколько лѣтъ. Вотъ ужъ обрадовалъ.

Толстякъ. Здравствуй, солнышко. (*Цѣлуетъ, уходятъ въ домъ*).

Даша (*беретъ Шунькину за подбородокъ*). Какъ мы живемъ, Раичка.

Шунькина. Плохо, душечка Дарья Дмитриевна. Поздравляю васъ...

Даша. Замужъ не собираетесь?

Шунькина. Ой, что вы.

Даша. Какая досада. А Семень къ вамъ, знаете, очень неравнодушенъ послѣднее время.

Шунькина. Вы смѣтаете надо мной. Семень Павловичъ такой милый.

Даша. Представьте себѣ, я съ нимъ расхожусь.

Шунькина. Ай.

Даша. Нужнѣе, чтобы его вторая жена была простая, домовитая, честная дѣвушка.

Шунькина. Дарья Дмитриевна, душечка, полноте, Господи, что вы говорите. Я васъ такъ люблю, такъ боготворю..

(*Входитъ Бѣлокопытовъ, здоровается съ Дашей и Шунькиной*).

Бѣлокопытовъ (*Даша*). Очень радъ. Поздравляю... Искренно.. радъ.. (*Цѣлуетъ руку*).

Даша. Здравствуйте, Бѣлокопытовъ.

Бѣлокопытовъ. У васъ тутъ, я вижу, фоль журнѣ. Дьявольскіе эффекты. Красиво... красиво...

(*Даша отходитъ къ клубу и рветъ цветы*).

Бѣлокопытовъ (*Шунькиной темнымъ голосомъ*). Поухаживайте за мной.

Шунькина. Оставьте, пожалуйста, ваши приемы. (*Идутъ въ домъ*).

Бѣлокопытовъ. Я давно собираюсь васъ писать въ малороссійскомъ костюмѣ, на фонѣ золотыхъ тыквъ.

Шунькина. Къ чему эти намеки, не понимаю. (*Смѣется*).

Хрустаковъ (*появляясь на террасѣ*). Весьма одолжили. Сколько лѣтъ, сколько зимъ. (*Уводитъ гостей въ домъ*).

Даша (*вошедшей горничной*). Принесите вазы, кувшины, какіе-нибудь, все равно... (*Маша уходитъ. Подходитъ изъ сада Табардинъ*).

Табардинъ. Я помогу тебѣ. (*Наклоняется, срываетъ цветы*). Что съ тобой, Даша?

Даша. Сама не знаю. Вотъ еще табакъ и флоксы. Я сама не знаю, что дѣлаю... Смѣяться ли мнѣ, или убѣжать?

(*Входитъ гимназистъ*).

Гимназистъ. Дарья Дмитриевна, позвольте поздравить васъ со днемъ ангела, какъ говорится...

Даша. Вотъ первый человекъ, который угадалъ, что здѣсь происходитъ: день моего ангела. Какъ говорится, идите въ домъ.

Гимназистъ. Виноватъ. (*Уходитъ въ домъ*).

Даша. Мы сядемъ съ тобой здѣсь и поставимъ цвѣты. (*Входитъ Маша*). Маша, а эти на тотъ конецъ. И сейчасъ же несите ѣду. Скорѣе..

(Маша уходитъ).

Табардинъ. Кружится голова, точно мы летимъ.

Даша. Подъ облака, Никита. Какъ журавли... Бѣдная, глупая птица...

Табардинъ. Нужно опомниться... Даша... Даша...

Даша (идетъ къ дому, на ступенькахъ террасы останавливается). Мнѣ страшно (Медлитъ секунду, скрывается. Въ саду появляется Заносскій въ смокингъ, съ цыгачкомъ).

Заносскій. А! Мое почтеніе.

Табардинъ. Вы?

Заносскій. Я.

Табардинъ. Мнѣ кажется, Константинъ Михайловичъ, вамъ не слѣдовало приходиться...

Заносскій. А пустяки. Свои люди. Ну, что братецъ, счастливъ?

Табардинъ. Я не намѣренъ затѣвать ссоры. Прошу васъ уйти.

Заносскій. Уйду, когда хочу. Мнѣ хочется на васъ глядѣть. Лицо такъ и сияетъ. Съ мужемъ поладили?

Табардинъ (тихо). Уходите вонъ.

Заносскій. Трубочистъ.

Табардинъ (не громко вскрикиваетъ, дѣлаетъ стремительное движеніе по направленію Заносскаго, но удерживается).

Заносскій. Осторожниѣ, у меня кастетъ.

Табардинъ. Послушайте, Заносскій, я не трусь и васъ ненавижу всѣмъ существомъ. Но тронуть, избить васъ не могу. Вы понимаете?

Заносскій (кашляя и смѣясь). А гдѣ у тебя существо? Сладострастникъ. Мужчинка. Мухоморъ!

Табардинъ. Вы неприличны. Идемте въ паркъ. Тамъ объяснимся.

Заносскій. Какъ ты смѣешь со мной разговаривать? Ты знаешь, съ кѣмъ говоришь? Мерзавецъ! (Пауза).

Табардинъ медленно поворачивается, по пути опирается на стулъ, ломаетъ его, швыряетъ въ клумбу. Заносскій опускается

къ столу, подпираетъ голову, плечи его нѣсколько разъ сильно вздрагиваютъ).

Заносскій. Вы меня смертельно обидѣли.

(Изъ дома слышна музыка-маршъ: „Дни нашей жизни“. Въ садъ выходятъ: толстякъ, податной, Хрустаковъ, Шунькина, приставъ съ Алпатовымъ, Бѣлокопытовъ, Люба, лохматый господинъ, дама, супругъ и супруга, гимназистъ и Даша послѣ всѣхъ).

Хрустаковъ. Тссъ, одну минуту, я сдѣлаю послѣдній осмотръ.

Податной инспекторъ (олядоваясь). Фу ты, ну ты.

Дама. Вчера играли до пяти утра, а въ среду разошлись только въ семь. Нынѣшнее лѣто повѣтріе на винтъ.

Податной инспекторъ. Винтъ выдуманъ ссыльными въ дѣбряхъ Сибири, игра глубоко самобытная, можно его годить.

Лохматый господинъ (супругу, съ раздраженіемъ). Общественное движеніе назрѣваетъ, я вамъ говорю. Просто вы, значить, не читаете газетъ.

Супругъ. Пора, пора, конечно, что и говорить.

Супруга (супругу). Ваня, смотри раки.

Супругъ. Ишь ты.

Алпатовъ (приставу). Вы представитель полицейской власти, вы мнѣ симпатичны, но я васъ отрицаю въ принципъ.

Приставъ. Точка зрѣнія мнѣ лично неприятная.

Люба. Ай, мое платье.

Бѣлокопытовъ (подскакивая). Я хочу сидѣть рядомъ съ вами.

Люба. Молчите. Я на васъ седила.

Хрустаковъ. За столы! Рекомендую начать съ того, что на зубахъ хруститъ. Водка вещь съ самолюбіемъ.

Заносскій (Дашѣ). Здравствуйте, красавица.

Даша (Табардину тихо). Никита, спаси меня.

Табардинъ. Онъ сейчасъ уйдетъ.

Хрустаковъ. Месье и медамъ, представьте, что вы попали въ какую-нибудь такую альгамбру. Прошу за столы.

Даша (*Заносскому*). Вы все-таки пришли.

Заносскій. Я получилъ приглашеніе. Вотъ. Съ подробнѣйшимъ описаніемъ блюдъ и стишками. Для васъ можно было сочинить стишки попокантнѣе. Во всякомъ случаѣ, поздравляю васъ, Дарья Дмитріевна. Переломъ жизни и радужные огни. Будемъ праздновать.

Даша. Хорошо. Оставайтесь.

Хрустаковъ (*подлетаетъ къ Заносскому*). Драгоценнѣйшій, не замѣтилъ тебя сразу. Извини хлопотуна. Очень радъ.

Заносскій. У тебя сегодня роскошно. Будемъ пить. (*Садится къ столу*).

Хрустаковъ. Весьма счастливъ. (*Блѣжитъ къ Дашѣ, на ухо*). Ради Бога, пожалѣй меня, всѣ молчать, скандалъ.

Даша. Иди на свое мѣсто, Семень.

Толстякъ. А я остался безъ дамы, Дарья Дмитріевна...

Супруга (*супругу*). Ваня, по-моему будетъ скандалъ.

Супругъ. Ну матушка, садись. Какой тамъ скандалъ.

Толстякъ. Первую рюмочку за матушку Дарью Дмитріевну.

Шунькина (*на Заносскаго*). До чего интереснѣй, блѣдный.

Приставъ. Съ вашего позволенія я выпью.

Хрустаковъ (*снимаетъ съ большой миски крышку, поднимается клубъ пара*). Месье и медамъ, вниманіе—раки. Эхъ, родные мои, нечего грѣха таить, всѣ мы изнервничались за это лѣто. Колкости да капризы, особенно дамы. Придерутся, что нось у тебя туплей, и пошла губернія. Языкъ—врагъ пишеваренія. Загляните-ка въ эту миску. Раки... Мамочки... Вотъ гдѣ жизнь.

Толстякъ (*пѣтъ*). Хорошо. Ухъ. Горячо.

Приставъ. За здоровье новорожденной.

Супругъ. Не могу ли я попросить у васъ перцу.

Податной инспекторъ. А, все-таки, русскій чело-вѣкъ прежде всего плуть.

Заносскій. Кто сказалъ плуть? Великолѣпно—русскій чело-вѣкъ—плуть и мерзавецъ... ха... ха...

Алпатовъ. Я наблюдалъ за это лѣто, какъ участились ссоры, уличное хулиганство, разрывы между близкими. Точно въ воздухѣ носится смерчъ. Мы всѣ на краю гибели. Болѣе не осталось ни святого, ни прочнаго. (*Толстяку*). Вы не читали сегодняшнихъ газетъ? Колоссальныя событія.

Толстякъ (*поперхнувшись*). Колоссальныя... Да... Да... Колоссальныя.

Алпатовъ. Мой выводъ таковъ.

Даша (*внезапно*). Перестаньте... Молчите... Невыносимо.

Хрустаковъ. Даша, что съ тобой? Она у меня большая чудачка. Представится ей какая-нибудь фантазія. (*Смѣется*).

Приставъ. Нервный вѣкъ, господа. Изъ-за челюхи страдаемъ, а большого не видимъ.

Хрустаковъ (*отчаяннымъ голосомъ*). Даша. Смотри. Порваны всѣ цвѣты... Подлецы. Перепакощены всѣ клумбы. Кто посмѣлъ здѣсь распорядиться?!

Даша. Я.

Хрустаковъ. Какая жестокость... Ай... ай-ай. Погубить такую красоту.

Даша. Суди меня.

Заносскій. Не только за это судить.

Приставъ. Хорошенькая женщина всегда виновата...

Податной инспекторъ. Если ты женщина—значить ты грѣшна. Откуда—не помню.

Даша. Судите меня всѣ.

Заносскій (*иромко захохоталъ*). Судить ее. Какимъ судомъ? Разстрѣлять...

Даша. Судите всѣ мои грѣхи. Я же клянусь гогорить правду.

Хрустаковъ. А, будетъ тебѣ. Кому это интересно.

Гости. Слушаемъ, слушаемъ, слушаемъ.

Заносскій. Тише...

Даша. Зачѣмъ такія испуганныя лица? (*Обращаясь то къ одному, то къ другому гостю*). Вамъ охоты нѣтъ волноваться?!

Вамъ страшно, что я скажу что-нибудь неприличное? Вамъ, быть можетъ, стыдно за меня? Я не собираюсь оправдываться. Нѣтъ. Я въ тысячу разъ ужаснѣе, грѣшнѣе, чѣмъ вы всѣ. Я хочу сдѣлать вамъ больно, обидѣть, чтобы у васъ даже мысли не было простить меня. Понять и простить грѣшки, какой ужасъ. Нужно возненавидѣть, осудить сначала, а слезы, любовь, придутъ сами, какъ утѣшеніе. Вы, и вы, и вы, тоже заплачете когда-нибудь горькими слезами. Пусть это будетъ сегодня. Зачѣмъ ждать, когда освобожденіе всегда съ нами. Я по горло опротивѣла самой себѣ, а когда бабѣ тошно, надо бѣжать на улицу, голосить на весь народъ, чтобы былъ срамъ и стыдъ и униженіе... Только тогда, Господи, только тогда... Вѣдь настанетъ же минута, когда мы станемъ дороги другъ другу, у всѣхъ заблестятъ слезы, и все въ жизни покажется малымъ, жалкимъ и милымъ. *(Табардину)*. Дай мнѣ вина.

Хрустаконъ. Даша, какую ты чепуху понесла.

Даша *(мужу)*. Ты мой злѣйшій врагъ. Ты былъ ко мнѣ снисходителенъ. Прощалъ даже то, что за всѣ семь лѣтъ ни часу не любила тебя. И замужъ вышла за тебя только потому, что затомилась отъ нищеты, отъ скуки, бездѣлья, отъ пустопорожнихъ разговоровъ отца.

Алпатовъ. Ну, это прямо невыносимо слушать.

Даша. Такихъ женщинъ зовутъ однимъ хлесткимъ словомъ. Принимаю.

Хрустаконъ. Довольно. Замолчи. *(Задохнувшись, прячетъ лицо въ руки)*.

Даша. Семь лѣтъ душа моя гнила въ бездѣльи и трусости. Отъ меня не было радости даже простой собачонкѣ. Но зато какъ мнила о себѣ, съ какимъ высокомеріемъ глядѣла на женщинъ. Ты, Люба, росла чистенькой. Съ досады и скуки я постаралась тебя развратить.

Люба. Пусть она замолчитъ. Она сумасшедшая.

Табардинъ. Говори, говори, Даша, скорѣе.

Хрустаконъ. Господа, извиняюсь. Ужинъ конченъ.

Даша. Подождите. Вотъ наша семья. Дружная, веселая, обыкновенная. Семья, какъ у всѣхъ. Семья съ однимъ кро-

шечнымъ изъяномъ, если хоть разъ сказать правду—взлетитъ на воздухъ весь домъ. И ужаснѣе всѣхъ была я. Поэтому что любила, въ безсонные ночи умирала отъ тоски по немъ. *(Указываетъ на Табардина)*. Боролась, не смѣла, лгала... И тогда все казалось мнѣ прѣснымъ. Дѣйствительно, наслажденіе—со всѣми поссориться, лежать въ праздности и чувствовать, какъ гниетъ душа, какъ идетъ отъ нея чадъ, сладкій, точно опиумъ. И наконецъ не стало силы больше. Отъ ненависти, отъ отвращенія—вотъ пошла къ нему. *(На Заносскаю)*. Вотъ къ этому человѣку... Поймите меня...

Табардинъ. Охъ.

Заносскій. Врешь! Я вытолкалъ эту женщину отъ себя пинками.

(Вскакиваютъ Табардинъ и Хрустаконъ).

Хрустаконъ. Убью. Убью его.

Табардинъ. Никто не смѣетъ...

Даша *(вынимаетъ револьверъ. Все вдругъ затихло)*. Нѣтъ. Это сдѣлаю я сама. Господи, прости меня.

Табардинъ *(кидается къ ней)*. Даша. Остановись..

Даша. Люблю тебя... Люблю больше жизни. Прощай.

(Взвизгиваетъ ракета).

Даша. Никита. Какой блескъ. Откуда? Ракета? Смотри, смотри... Поднялась... Разсыпалась... *(Бросаетъ револьверъ)*. Не могу. Мой любимый, мой единственный. Краса моя. Не могу... Прости. *(Гости обещаютъ се)*.

Табардинъ. Идемъ, идемъ. *(Гостямъ)*. Пошли, пошли прочь.

Заносскій *(поднявъ револьверъ)*. Послушайте.. Это, дѣйствительно, тварь. Такихъ женщинъ надо бить, бить... Убивать. *(Стрѣляетъ въ нее. Смятеніе. Даша скрывается. Приставъ отнимаетъ у него револьверъ)*. Охъ, Даша... Даша... Даша...

Табардинъ. Вы, вы, вы всѣ съ ума сошли. *(Убѣгаетъ естъ за Дашей)*.

Хрустаконъ. Остановите ее!..

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната на пятомъ этажѣ. Большое окно на улицу. Видны башни и купола Кремля, Замоскворѣчье, лѣсистые холмы и надъ ними плотныя, бѣлыя облака. Пять-шесть облаковъ плывутъ надъ городомъ. Въ воздухѣ голубоватый, прозрачный туманъ. Изрѣдка дребезжить экипажъ, звенитъ трамвай, слышны гудки автомобилей. У окна стоитъ Даша. Входитъ лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ кофе, хлѣбъ, масло. Ставитъ подносъ, уходитъ.

Даша опять продолжаетъ глядѣть въ окно. Въ дверь стучать

Даша *(оборачивается)*. Нѣтъ, подожди. *(Бросаетъ пеньюаръ на еще неубранную кровать и задвигаетъ ее ширмой)*. Теперь можно. Войди, Никита.

(Входитъ Никита въ пальто и шляпѣ).

Табардинъ *(робко и нѣжно)*. Съ добрымъ утромъ.

Даша. Съ добрымъ утромъ.

Табардинъ. Ты хорошо спала?

Даша. Успѣла только раздѣться и не помню, какъ легла на подушку.

Табардинъ. А я долго не могъ заснуть, сидѣлъ у окна и, знаешь, о чемъ думалъ? Завтра день, послѣзавтра еще день и такъ цѣлая вѣчность... Какъ у тебя свѣтло.

Даша. Ты остановился въ гостиницѣ?

Табардинъ. Да. Отъ тебя видна вся Москва.

Даша. Кремль, какъ на пряникѣ отпечатанъ, посмотри.

Табардинъ. Въ самомъ дѣлѣ.

Даша. Я глядѣла на эти облака минутъ двадцать и ни одно не сдвинулось съ мѣста. Сколько крышъ за Москварѣйкой. А вотъ то — Воробьевы горы. Смотри — идетъ поѣздъ.

Табардинъ. По Брянской дорогѣ, изъ Кіева.

Даша. Съ юга. Какой большой свѣтъ...

Табардинъ *(беретъ ея руку)*. Даша, на всю жизнь. Даша *(смущенно, умоляющимъ голосомъ)*. Мы еще не пили кофе.

Табардинъ. Развѣ подано? Какой проворный лакей.

Даша. Садись на диванъ, Никита.

Табардинъ. Что?

Даша. Ты голоденъ?

Табардинъ. Не знаю, право. Не думалъ объ этомъ.

Даша. Мы ничего не ѣли со вчерашняго дня.

Табардинъ. Да.

(Пауза).

Даша. Не будемъ вспоминать, хорошо?

Табардинъ. Ты сама отчего не пьешь кофе?

Даша. Мнѣ почему-то стало неловко ѣсть, когда ты смотришь. *(Смѣется)*.

Табардинъ. Я отвернусь. Сегодня все утро какіе-то крики на улицахъ.

Даша. Что-нибудь случилось?

Табардинъ. Не знаю. Я думаю — если бы меня спросили, гдѣ я сейчасъ, въ Москвѣ, въ Нью-Йоркѣ или на планетѣ Марсъ, я бы затруднился въ точности отвѣтить.

Даша. Никита, какъ звали твою мать?

Табардинъ. Александра Юрьевна. *(Пауза)*. Я едва помню, ее, но до сихъ поръ часто вижу во снѣ. Она хотѣла чтобы всѣ были счастливы и умерла въ голодный годъ, девяносто первый.

Даша. Ты похожъ на мать?

Табардинъ. Глаза и ротъ.

Даша. А какъ звали отца? *(Табардинъ смѣется)*. Ну, конечно, Алексѣемъ. Никита, какъ ты думаешь, что самое главное, для чего ты былъ маленькимъ, выросъ и столько надѣлалъ бѣдъ?

Табардинъ. Раньше я думалъ, что призванъ что-то тамъ сдѣлать въ наукѣ. Гмъ. Что самое главное? Отчего у тебя мокрые волосы? Ты брала ванну?

Даша. Душъ.

Табардинъ. Такъ нужно закрыть окно.

(Даша кладетъ ему руку на руку, удерживая).

Даша. Сиди. *(Онъ припадаетъ губами къ ея руке).* Никита.

Милый.

(Пауза).

Табардинъ. Ты совсѣмъ особенная. Новая. Точно дѣвушка.

Даша. Вотъ, выдумалъ.

Табардинъ. Что выдумалъ?

Даша. Какая же я дѣвушка.

Табардинъ. Я хотѣлъ сказать, что ты на путешественницу похожа, откуда-нибудь изъ Америки. Непонятная, самостоятельная какая-то... аккуратненькая.

Даша. Ну вотъ—ложка упала...

Табардинъ. Знаешь что? Я схожу куплю арбузъ.

Даша. Въ самомъ дѣлѣ купи арбузъ. Только красный, навъръзъ. *(Останавливаетъ его).* Никита, мнѣ страшно будетъ одной. Они придутъ. Они навѣрно придутъ.

Табардинъ. И пусть приходятъ. Я рѣшилъ говорить напрямки. Что вы желаете? Чтобы не было скандала. Хорошо. Мы уѣзжаемъ. Вамъ скучно въ одиночку ложиться спать, мѣнять женатую жизнь на холостую? Старья привычки на новья? Очень жаль, очень жаль. И до свиданія, вотъ порогъ. Никакихъ сантиментовъ съ этими людьми.

Даша *(вздригиваетъ)*. Вчерашній день, какъ сонъ. Во мнѣ еще остался ядъ отъ вчерашняго.

Табардинъ. Не знаю—грѣхъ былъ вчера или нѣтъ, но мы точно вылетѣли изъ подвала, на свѣжій воздухъ, на солнце.

Даша *(улыбалься)*. Сегодняшній день тоже какъ сонъ, Никита. *(У окна)*. Прищурься немного. Кружится голова.

Табардинъ. Гляжу. Да, кружится.

Даша. Точно мы мчимся съ какой-то изумительной земли.

Табардинъ. Даша.

Даша. Что?

Табардинъ. Ты—моя жена. Мнѣ хочется заплакать, когда тляжу на тебя, какая ты красивая. Даша, можно поцѣловать руку.

Даша. Можно.

(Онъ цѣлуетъ, затѣмъ наклоняется къ губамъ).

Табардинъ. Можно?

Даша. Можно.

Табардинъ. Ты не сердись на меня. Не сердись?
(Цѣлуетъ ее).

Даша. Ахъ, Никита...

(Въ дверь стукъ. Они не слышатъ. Появляется Конкордія, надеваетъ пенсы, смотритъ).

Конкордія. Здѣсь посторонніе.

(Даша вскрикиваетъ, отвертывается къ окну).

Табардинъ. Что вамъ угодно?

Конкордія *(въ дверь)*. Теперь можно войти?

Табардинъ. Что вамъ нужно отъ насъ? Я спрашиваю.

(Входятъ Хрустаковъ и Люба).

Хрустаковъ. Вотъ гдѣ вы.

Люба. Никита. *(Плачетъ)*.

Хрустаковъ *(Дашѣ)*. Я за тобой пріѣхалъ.

Конкордія. Семень, сядь. Люба, садись и ты. Я буду говорить за всѣхъ. Прошу не перебивать.

Хрустаковъ. Да что же говорить. Дѣло ясное.

Конкордія. Я настояла на этомъ свиданіи и отвѣчаю за всѣ послѣдствія. Мы, слава Богу, люди культурные и въ создавшемся тяжеломъ положеніи обойдемся безъ излишнихъ эксцессовъ, не оскорбляя человѣческаго достоинства физической силой. Хотя, должна признаться, что мнѣ многого стоило удержать сына отъ вспышки вполне законной энергіи. Семень, дай спички. Итакъ... *(Ломая спички закуриваетъ)*. Вче-

рашній скандалъ, очевидно заранѣе обдуманной, имѣлъ цѣлью создать посредствомъ широкой общественной огласки препятствіе къ возвращенію этой особы въ семью моего сына. Да общество возмущено чрезвычайно. Но не рутиной нашей мѣщанской семьи, какъ вы надѣялись, и не страданіями этого человѣка, Люба, перестань сморкаться. Вашей неслышанной наглостью, милостивая государыня, общество возмущено до самыхъ основъ.

Хрустакъ. Не такъ, мамаша, говорите.

Конкордія. Молчи. Мнѣ важенъ принципъ, а не салонныя выраженія. Женщина, которая жила на средства мужа, пользовалась его трудомъ, ѣла, пила и прочее, обязана чувствовать себя должникомъ, если она честная женщина. (*Затягивается папирисой, поправляетъ пенснѣ*). Уплатите вашъ долгъ— тогда вы свободны.

Хрустакъ. Опять сбилась, мамаша. Не въ деньгахъ дѣло.

Люба (*сморкаясь*). Боже мой, Боже мой.

Конкордія. Либеральное общество, вообще, на сторонѣ свободного брака. Мы боремся за право женщины. Но общество не можетъ санкціонировать хулиганства, разврата и разбойничьихъ инстинктовъ. Всего, изъ чего вы устроили себѣ свободный бракъ. Вы уничтожили на дачѣ цвѣтники и окошко въ спальню оказалось разбитымъ.

Хрустакъ. Да вѣтеръ это разбилъ...

Конкордія. Все равно,—актъ хулиганства. Затѣмъ вы, на глазахъ у всѣхъ, вступили въ связь съ другомъ вашего мужа. Но вашъ инстинктъ требуетъ новой жертвы. Вы хватаете перваго попавшагося родственника и увозите его отъ семьи. Наконецъ—ваше вчерашнее поведеніе направлено непосредственно къ разрушенію общества и семьи. Резюме—спросите у вашей совѣсти. (*Стоя наливаетъ себѣ кофе*).

Хрустакъ. Развѣ можно такъ поступать, въ самомъ дѣлѣ. Если бы просто гдѣ-нибудь въ лодкѣ жила, тогда другое дѣло, не понравилось—ушла. А у насъ дача своя, семья, знакомства, я по городскимъ выборамъ хочу пойти. А у тебя

что? Только одно настроеніе. Какая ему цѣна. Химическій процессъ въ мозгу. Выдѣляется кислота, вотъ и настроеніе. А вѣдь тутъ домъ, люди, вещи...

Люба. Совершенно съ тобой согласна. И, главное, мы должны подумать о нашей нравственности. У мужчинъ могутъ быть какія угодно приключенія на сторонѣ, но очагъ—это святыня.

Конкордія. (*Даша*). И ко всему эти двое несчастныхъ готовы васъ простить. Что касается меня, я настаиваю передать дѣло широкому освѣщенію печати.

Даша. Семень, тебѣ нужно понять хорошенько, что жены нѣтъ больше у тебя. Она исчезла, умерла, понялъ? Тебѣ казалось, что у тебя была жена.

Хрустакъ. Какъ такъ, казалось. Да вѣдь въ церкви вѣнчались. Законъ былъ. Я даже черезъ полицію тебя могу потребовать, если захочу. Вотъ какое дѣло.

Конкордія. Полиція. Семень, откуда у тебя эти понятія?

Хрустакъ. А оттуда, что я мужъ. И мнѣ надоѣло уговаривать ее бросить этого господина.

Табардинъ. Разговоръ конченъ.

Хрустакъ. Нѣтъ, не конченъ.

Люба. Мы не уйдемъ.

Табардинъ. Нѣтъ, вы уйдете.

Хрустакъ. Самъ убирайся. (*Кричитъ*). Стрѣляйся.

Табардинъ. А, вотъ это дѣло.

Люба. Никита, Семень, умоляю. Я не могу. Я уйду.

Даша (*Хрустакъ*). Если ты хочешь моей смерти—скажи. Если пришелъ убить меня, стрѣлай. Больше мнѣ нечѣмъ заплатить тебѣ, ты понялъ. Но его ты не смѣешь трогать.

Хрустакъ. Мамаша, накапай пятнадцать капель, пузырекъ въ сумкѣ. (*Отираясь на столѣ*) Развратники.

Люба (*Табардину*). Жестокій, жестокій человѣкъ. У меня живого мѣста не осталось. Я состарилась за вчерашній день.

Конкордія. Принципіально вопросъ рѣшенъ.

Хрустаковъ (*садится у дверей*). И вообще я отсюда не уйду. (*Садится у двери*).

Та бардинъ (*пожимая плечами*). Бредъ. Кошмаръ какой-то. Даша, идемъ. Я не хочу, чтобы ты слушала ихъ... мерзости. Даша. Вы хотите меня насильно удержать за этой дверью. Смѣшные люди— (*Хрустакову*). Ты предлагаешь мнѣ подлость, отъ твоихъ словъ, отъ твоей усмѣшки пропадаетъ охота жить. Если ты насъ убьешь, мы въ то же мгновение станемъ одной душой, одной любовью. Гляди (*На окно*). Отсюда люди кажутся игрушечными, а дома коробочными, а здѣсь только пятый этажъ. Какимъ же это все покажется ничтожнымъ съ той высоты, куда мы уѣдемъ. Тамъ будетъ только наша любовь. А теперешнія муки, и сложности, и пустяки пронесутся передъ нами, какъ пыльный столбъ. Меня нельзя заставить, нельзя удержать. Я по-вашему безразличная, безъ стыда и долга. Да. Вотъ моя жизнь, мой стыдъ, мое безсмертіе. (*Шлуетъ Табардину руки, онъ въ смущеніи и волненіи повторяетъ*).

Табардинъ. Милая, милая, милая моя. (*Они отходятъ къ окну*).

Люба. Оставайтесь, мамаша, если хотите, меня тошнитъ. (*Брату*) Пусти. (*Быстро уходитъ*).

Конкордія. Неслышанная исторія.

Хрустаковъ. Мама. Я больше не могу.

Конкордія. Подожди... капли, капли выпей...

(*Врывается Алпатовъ*).

Алпатовъ. На автомобилѣ въ двадцать три минуты. Несчастье. У меня обгорѣла борода. На дачѣ пожаръ.

Хрустаковъ. Что.

Алпатовъ. На дачѣ пожаръ, Семень Павловичъ.

Хрустаковъ. Моя дача горитъ.

Алпатовъ. Очевидно залетѣли искры, отъ фейерверка.

Хрустаковъ. Мамаша, вы понимаете что-нибудь. (*Схватывается за голову*). Дача горитъ. (*Выходитъ*).

Конкордія (*нервно надвывая перчатки*). Если дача сго-

реть, мы станемъ опять интеллигентными людьми. Это вы, сударыня, внесли въ нашу семью буржуазный духъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь я сдѣлала, что могла. (*Уходитъ*).

Алпатовъ. Представьте себѣ картину. Они уѣхали утромъ въ городъ, часовъ въ семь, я продолжалъ спать и вдругъ слышу—воняетъ. Открываю глаза—воняетъ дымомъ. Ну-съ, какъ же вы здѣсь оба? Дашенька, могу тебя поздравить съ новымъ счастьемъ. Любишь его, дурочка?

Даша. Папа, оставь насъ однихъ.

Алпатовъ. Понимаю, фють, я старый воробей. (*Распирывая бороду, хохочетъ*). Я радъ. Твоя бывшая семья мнѣ не импонировала. Радъ, радъ за тебя. Ну-съ. Уединяйтесь, уединяйтесь, а я здѣсь поблизости возьму комнатку. (*Уходитъ*).

Табардинъ. Даша, милая, ты совсѣмъ поблѣднѣла. Прилягъ. (*Ведетъ ее къ дивану*). Ты дрожишь.

Даша. Мнѣ холодно.

Табардинъ. А лобъ мокрый. Когда-нибудь, все равно, нужно было съ ними покончить. Зато вышло рѣшительно.

Даша. Мнѣ тяжело.

Табардинъ. И мнѣ тяжело, очень. Но зачѣмъ ты такъ часто возвращаешься къ смерти. (*Пауза*). Ты точно все время стоишь на лезвѣ. Мы должны съ тобой прожить много, много лѣтъ.

Даша. Знаю.

Табардинъ. Мы должны такъ жить, чтобы смерть пришла, какъ вечеръ, какъ отдыхъ. А теперь нужно забыть о смерти.

Даша. Знаю.

Табардинъ. Такъ что же съ тобой?

Даша. Ахъ, не знаю.

(*Появляется Алпатовъ на цыпочкахъ*).

Алпатовъ. Виновать. Вотъ такъ штука. По коридору ходитъ Константинъ Михайловичъ, взволнованный, совершенно взъерошенный. Что дѣлать?

Даша (*быстро поднимаясь*). Позови. Скорѣй. (*Алпатовъ уходитъ*). Никита, прошу тебя уйди.

Табардинъ. Ты не боишься?

Даша. Нѣтъ, Никита, сдѣлай это для меня, поди. *(Указываетъ на дверь въ другую комнату).*

Табардинъ. Господь тебя храни, милая.

Даша. Пожалуйста...

(Табардинъ уходитъ. Появляется Заносскій).

Заносскій. Я хочу знать, почему до сихъ поръ меня не арестовали? Я спрашиваю. Я требую. *(Оглядывается).* Извиняюсь, я ворвался. Я сейчасъ уйду.

Даша. Вамъ ужасно тяжело, Константинъ Михайловичъ.

Заносскій. Винавать. Я не могу спать. У меня нѣтъ силы, чтобы повѣситься. Я пришелъ это вамъ сказать... Ну... и больше ничего.

Даша. Если бы вы могли знать, какъ я виновата передъ вами, Константинъ Михайловичъ. Я ни передъ кѣмъ не была такъ виновата. Но я не могу. Простите, простите меня, я слабая, отпустите меня, ради Бога.

Заносскій. Вамъ жалко меня? Вы плачете? Перестаньте, что вы дѣлаете. Мнѣ ничего не нужно.

Даша. Я не могу, не могу, пока вы не простите меня, я не могу жить. *(Появляется Табардинъ. Даша бросается къ нему, заглядываетъ въ глаза).* Никита, что ты? Куда? Не уходи.

Табардинъ. Я приду потомъ.

Даша. Не уходи.

Заносскій. Я больной, одинокій человекъ. Послѣ вашихъ словъ мнѣ еще больнѣе. Дарья Дмитріевна, но я теперь могу... Я хочу сказать—теперь я пойду и засну... Во всякомъ случаѣ, я теперь сдѣлаю все, что хотите для васъ. *(Подходитъ къ Табардину).* Табардинъ. *(Обхватываетъ его, цѣлуетъ).* Я, впрочемъ, старый дуракъ. *(Убываетъ).*

Даша. Никого не обижать. Буду жить, какъ мышь, тихо.

Табардинъ. Ты дивная, Даша. Ты обольстительный человекъ.

Даша. Когда вчера поднялась ракета—показалось, будто она вылетѣла у меня изъ груди. Точно душа взвилась, какъ

огненный змѣй, рассыпалась и засіяла. За что мнѣ такое счастье? Развѣ я заслужила, Никита? Слушай, знаешь зачѣмъ намъ счастье? Намъ нужно сдѣлать что-то огромное... Ахъ, зачѣмъ я женщина.

Табардинъ. Какое счастье, что ты женщина.

Даша. Подожди. Если нужно будетъ умереть. Ты готовъ? Но не съ жертвой, а радостно... Умереть за всѣхъ...

Табардинъ. Радость моя. Любовь моя.

Даша. Насъ, обыкновенныхъ людей, вдругъ вознесло на такую высоту. Мы не будемъ лукавыми. Ну, что же ты... Господи, ты ничего не соображаешь.

Табардинъ. Я ничего не соображаю. Ты, ты въ моихъ глазахъ, въ моемъ мозгу, въ крови. Ты говоришь, двигаешься, шумить твою платье... Я мучаюсь.

Даша. *(внезапно тихо).* Ты мучаешься. Почему ты мучаешься?

Табардинъ. Даша... Даша... Я не могу сказать... Я люблю тебя... Пойми... пойми... пойми же ты, милая...

Даша. Что понять? *(Пауза. Быстро подходитъ къ Табардину, обнимаетъ его шею, глядитъ въ глаза).* Никита, не сердись на меня, ты еще не знаешь, какъ я тебя люблю... Но пусть это будетъ не сейчасъ, не скоро. Будь терпѣливъ. Мы сами почувствуемъ, когда станемъ достойны этого счастья. Будь мужественъ. Иначе мы опять вернемся въ душный мракъ, откуда вырвались съ такой мукой. Будь добрымъ... Пощади...

Табардинъ. Даша, мнѣ трудно... Я задыхаюсь. Это выше силъ.

Даша. Никита... Уйди... Уйди... Оставь меня одну... Ради нашей любви... Ради всего святого... *(Табардинъ идетъ къ двери).* Уйди. *(Она уходитъ).* Любовь... Любовь... Спасите насъ... силы небесныя. *(Въ окно слышенъ шумъ толпы, музыка).*

Занавѣсь

Конецъ.

10 апрѣля 1918 г.

Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ“

Скатертный пер., д. 8, кв. 18.

Литературно-Художественные сборники „СЛОВО“

Сборникъ I.	}	по 3 руб.
Сборникъ II.		
Сборникъ III.		
Сборникъ IV.		
Сборникъ V.		
Сборникъ VI. Печат.	}	по 4 руб.
Сборникъ VII.		
Сборникъ VIII. Печат.		

Материалы для истории русской журналистики. Письма
Гл. Ив. Успенскаго, В. Короленко, Н. Михайловскаго, П. Якубовича и др. къ В. А. Гольцеву. Ц. 3 р.
Въ спорахъ о театрѣ. Сборн. статей Ю. Айхенвальда, Сергѣя Глаголь, Вл. Немировича-Данченко, В. Сахновскаго, А. Южина, Д. Овсянко-Куликовскаго и др. Ц. 2 р.

Л. Авилова. Образъ человѣческой. Разказы Ц. 2 р. 50 к.
Леонидъ Андреевъ. Полетъ. Разказы т. XVI изд. 2-е. Ц. 3 р.
— Сашка Жегулевъ. Романъ. (Сочин. т. XIV) изд. 2-е. Ц. 5 р.
— Правила добра (т. XV). Ц. 3 р.

— Ироническіе разказы (т. XVII). Печат.
А. Богдановъ. Краткій курсъ идеологич. науки въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 2 р. 50 к.
— Краткій курсъ политической экономіи. Печат. 2-е изд.
— Вопросы социализма. Ц. 1 р. 50 к.
— Всеобщая организаціонная наука (т. II). Ц. 4 р.

А. Бѣлорусовъ. Парижъ. М. 1915 г. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
— Его же, Франція. Печат.

Ив. Бѣлоусовъ. Атава. Стихотворенія. М. 1915 г. Распр.
В. Вересаевъ. Разказы. т. I, II, III, V по 2 р. 50 к.
— Записки врача (т. IV), изд. 7-е. Ц. 2 р. 50 к.
— На войнѣ. Записки изд. 4-е. Ц. 6 р.
— Живая жизнь, ч. I. (Толстой и Достоевскій). Печат. 2-е изд. ч. II. (О. Ницше.) Ц. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
1) Касатка	7
2) Кукушкины слезы	65
3) Горькій цвѣтъ	115
4) Нечистая сила	167
5) Ракета	227

- В. Вересаевъ.** Архилохъ. Стихотворенія и фрагменты, перв. съ греческаго. (Распродано).
— Сафо. Стихотв. и фрагменты. (Распр.)
И. Гольдбергъ. Тунгусскіе рассказы. Ц. 1 р. 75 к.
И. Вольновъ. „Юность“ Ц. 3 р. 50 к.
М. Горькій. „Сказки“. М. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к.
Дюнео. Мѣняющаяся Англія. Ч. 1. М. 1915 г. Изд. 3-е. Ц. 3 р. То же, ч. II. печатается.
С. Елпатъевскій. Рассказы, т. I. изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.
— Рассказы, т. II. изд. 2-е. М. 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Рассказы, т. III. Изд. 2-е. М. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.
— За границей (т. IV) Ц. 3 р.
— Египетъ, изд. 2-е. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р.
— Близкія тѣни. Съ иллюстрац. Ц. 2 р.
— Крымскіе очерки, съ иллюстр. Изд. 2-е. 1915 г. Ц. 3 р.
— Литературныя воспоминанія, съ иллюстр. Ц. 2 р.
Бор. Зайцевъ. Тихія зори. (Рассказы, т. I) изд. 4-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Полковникъ Розовъ. (Рассказы, т. II) изд. 2-е. Ц. 4 р.
— Сны. (Рассказы, т. III). Печат. 2-е изд.
— Усадьба Ланиныхъ, изд. 2-ое (т. IV). Ц. 3 р.
— Дальній край, ром. изд. 2-ое (т. V). Ц. 3 р.
— Земная печаль. Рассказы. (т. VI) изд. 2-е. Ц. 5 р.
А. Кипенъ. Господская жизнь. (Разск. т. II). Печат. 2-е изд.
— Бирючій островъ (т. I). Ц. 4 р.
Ив. Насаткинъ. Лѣсная быль. Рассказы. Печат. 2-е изд.
В. Короленко. Слѣпой музыкантъ. изд. 12-е. Ц. 2 р. 50 к.
— Судный день. Ц. 1 р. 25 к.
— Безъ языка. Печатается.
С. Подъячевъ. За грибами, за ягодками. Рассказы. Ц. 3 р. 25 к.
М. Коцюбинскій. Тѣни забытыхъ предковъ. Ц. 2 р. 50 к.
Ф. Крюковъ. Очерки и рассказы. Ц. 2 р. 50 к.
В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наганунтъ. Ц. 2 р. 50 к.
Н. Николай Мѣшковъ. Стихотворенія. Ц. 2 р.
Н. Никандровъ. Береговой вѣтеръ. Рассказы. т. I 2-е изд. Ц. 3 р. 75 к.
— „Лѣсъ“. Рассказы (т. II). Ц. 3 р.
П. Нилюсъ. На берегу моря. Рассказы. Ц. 4 р. 50 к.
Иванъ Новиковъ. Кресть на могилѣ. Рассказы. Изд. 2-е. Печатается.
Новиковъ. Прибой. „Морскіе рассказы“. Ц. 2 р. 75 к.
М. Премировъ. „Кабакъ“. Рассказы. Ц. 3 р.
Художникъ В. Переплетчиковъ. Сѣверъ. Очерки русской дѣйствительности, съ 16 репродукціями. Ц. 4 р.

- А. Серафимовичъ.** Снѣжная пустыня. (Раз., т. I). Изд. 2 Ц. 4 р.
— Лихорадка (т. II). Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.
— Живая тюрьма т. III. Ц. 3 р. 50 к.
— На рѣкѣ. (Рассказы, т. IV). Ц. 2 р. 50 к.
— Со звѣрями. (Рассказы, т. V). Печатается. 2-е изд.
— Городъ въ степи. Ром. (т. VI). Ц. 4 р.
— Затерянныя огни. (Рассказы, т. VII). Печат. 2-е изд.
— Сухое море. (Рассказы, т. VI). Печат. 2-е изд.
— Клубскъ (Рассказы, т. IX). Печат. 2-е изд.
Сергѣевъ-Ценскій Сочиненія:
— Т. I. Тундра. Рассказы, изд. 4-е. Ц. 3 р. 50 к.
— Т. II. Рассказы, изд. 3-е. Печатается.
— Т. III. Поручикъ Бабаевъ. Романъ, изд. 3-е. Ц. 3 р. 50 к.
— Т. IV. Печаль полей и др. Ц. 5 р.
— Т. V. Движенія. Повѣсть. Печатается. 2-е изд.
— Т. VI. Медвѣженюкъ. Приставъ Дерябинъ. Нѣдра и др. Ц. 3 р.
— Т. VII. Наклонная Елена. Печатается. 2-е изд.
И. Сургуновъ. Осеннія скрипки. (Рассказы, т. III). Печат. Изд. 3-е.
— Сосѣдка. (Рассказы, т. I). Ц. 4 р.
— Мельница. (Рассказы, т. IV). Ц. 4 р.
Рабиндранатъ Тагоръ. Гитанджали. Жертвенныя пѣснопѣнія. Перев. А. Пушешникова, подъ ред. Ив. Бунина. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Садовникъ. Ц. 1 р. 50 к.
Телешовъ. Рассказы, т. I. Печатается. 2-е изд.
— Черною ночью. (Рассказы, т. II). Изд. 2-е. Ц. 3 р.
— Золотая осень. (Рассказы, т. III). изд. 2-ое. Ц. 3 р.
— Крамола. (Рассказы, т. IV). Ц. 2 р. 50 к.
Н. Тимковскій. Душа Л. Н. Толстого. Ц. 2 р.
— Сергѣй Шумовъ. Рассказы, т. I. Изд. 4-е. Ц. 4 р. 75 к.
— Т. II. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.
— Корни жизни (Разск., т. III). Печатается. 3-е изд.
— Т. IV. Изд. 2-е. Ц. 3 р.
— Т. V. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.
— Т. VI. Ц. 2 р. 50 к.
— Т. VII. Ц. 2 р. 50 к.
— Дворянская берлога. Ром., (т. VIII). Ц. 2 р.
— Золотой боръ (т. IX). Ц. 3 р.
— Передъ жизнью (т. X). Ц. 2 р. 50 к.
— Женихъ. Рассказы, (т. XI), изд. 2-е. Ц. 5 р. 50 к.
— Звѣзды. Рассказы, (т. XII). Ц. 3 р.
К. Треневъ. Владыка. Рассказы. Изд. 2-е. Ц. 5 р.
— Мокрая балка. Рассказы, т. II. Печатается. 2-е изд.

Гр. Ал. Н. Толстой. Сочинения:

- Т. I. Заволжье. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.
- Т. II. Невѣрный шагъ. Изд. 2-е Ц. 3 р. 50 к.
- Т. III. Рассказы изд. 2-е. Ц. 3 р.
- Т. IV. Сказки. Печатается. 2-е изд.
- Т. V. Хромой баринъ. ром. Изд. 3-е. Ц. 4 р.
- Т. VI. Въ Англии, на Кавказѣ, по Волыни и Галиции. Печатается. 2-е изд.
- Т. VII. Приключенія Растегина. Изд. 3-е. Ц. 4 р.
- Т. VIII. Земныя сокровища. (Двѣ жизни) Ц. 3 р. 50 к.
- Т. IX. Искры. Печатается. 2-е изд.

А. П. Чеховъ. Письма, т. I. (1876—1887 гг.). Съ иллюстраціями Печатается. Изд. 3-е.

- Письма, т. II. (1888—1886 гг.). Изд. 2-е. Ц. 5 р.
- Письма, т. III. (1890—1891 гг.). 2-е изд. Ц. 5 р.
- Письма, т. IV. (1892—1896 гг.). Съ иллюстр. Печат.
- Письма, т. V. (1897—1898 гг.). Съ иллюстр. Печат.
- Письма, т. VI. (1900—1904 гг.). Съ иллюстр. Ц. 5 р.

А. Черемновъ Стихотворенія. Ц. 2 р.

Ив. Шмелевъ. Распадъ. (Рассказы, т. I). Изд. 2-е. Ц. 4 р. 50 к.

- Подъ небомъ. (Рассказы, т. II). Изд. 2-е. Ц. 4 р. 50 к.
- Человѣкъ изъ ресторана. Рассказы, т. III. Изд. 2-е. Ц. 4 р. 50 к.
- Рассказы, т. IV. Печатается. 2-е изд.
- Волчій перекачь. (Рассказы, т. V). Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.
- Карусель. (Рассказы, т. VI). Печатается 2-е изд.
- Суровые дни (т. VII). Изд. 2-е. Ц. 4 р. 50 к.
- Ликъ скрытый. Ц. 4 р.

Г. Яблочковъ. Гибель звѣзды, т. I. изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

— Слѣзная душа. Рассказы, т. II. М. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. И. Эртель. Собранія сочиненій въ 7 томахъ съ портретомъ автора и критико-биогр. ст. Н. Л. Бродскаго:

- Т. I. Записки степняка изд. 2-е. Ц. 6 р.
- Т. II. Записки степняка изд. 2-е. Ц. 6 р.
- Т. III—VII—подготовл. къ печати.

Книги Гр. АЛЕКСѢЯ Н. ТОЛСТОГО

- Т. I. Заволжье. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.
Т. II. Невѣрный шагъ. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.
Т. III. Разказы. Изд. 2-е. Ц. 3 р.
Т. IV. Сказки. 2-е изд. Ц. 3 р.
Т. V. Хромой баринъ. ром. Изд. 3-е. Ц. 4 р.
Т. VI. Въ Англи, на Кавказѣ, по Воьни и Галициѣ. Печатається.
2-е изд.
Т. VII. Приключенія Растегина. Изд. 3-е. Ц. 4 р.
Т. VIII. Земныя сокровища. (Двѣ жизни). Ц. 3 р. 50 к.
Т. IX. Искры. Печатається. 2-е изд.

Цѣна 8 р. 50 к.

*русс
биб*